

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Юджин

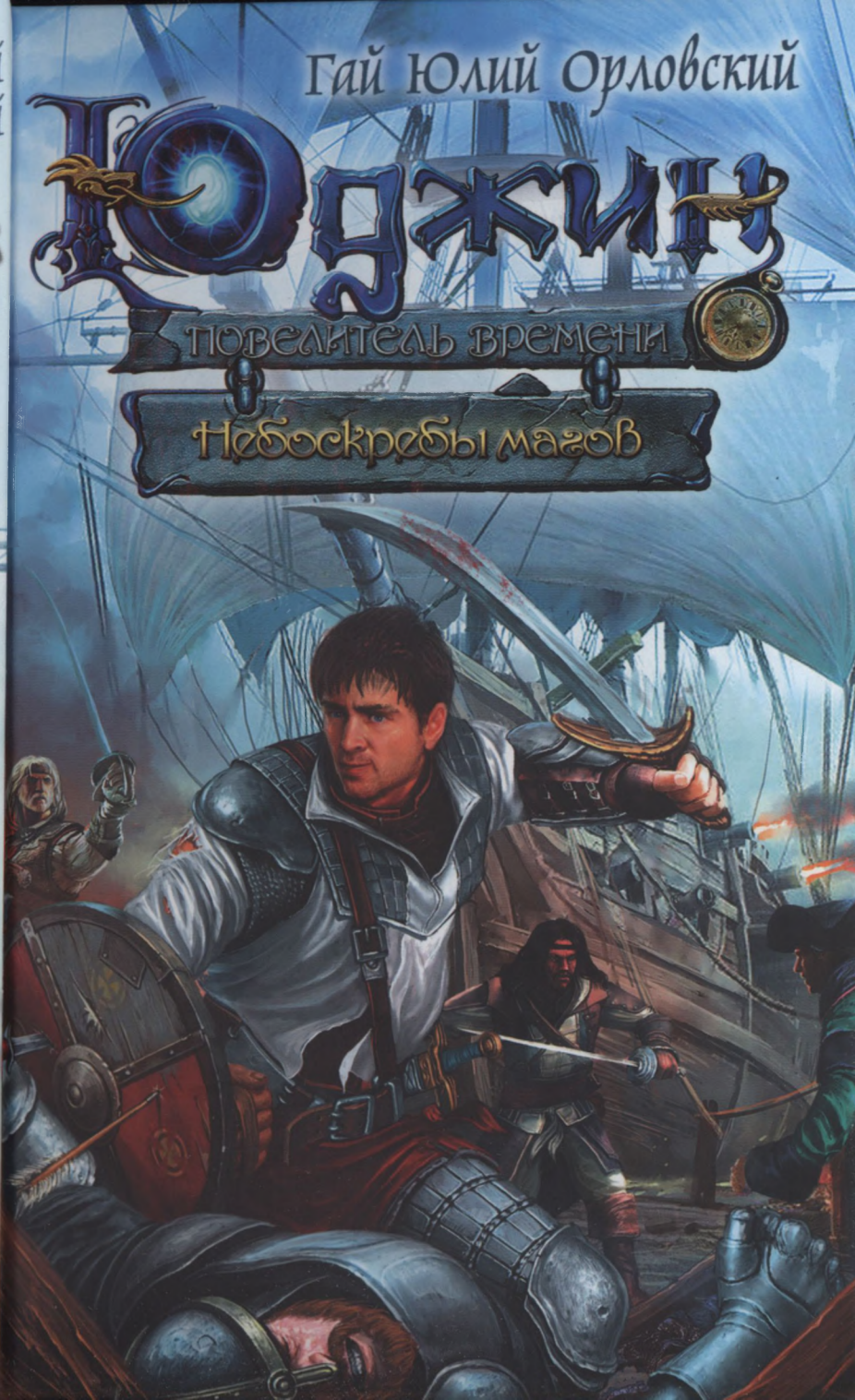
ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Небоскребы магов

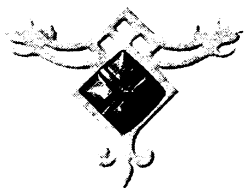
Небоскребы магов

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Юджин

Юджин

ПОВЕЩАНИЕ В ДЕСЯТИ КНИГАХ

- Книга 1. Мир Трех Лун
- Книга 2. Высокий глерд
- Книга 3. Патроны чародея
- Книга 4. Все женщины — химеры
- Книга 5. Любовные чары
- Книга 6. Небоскребы магов

Гай Юлий Орловский

Юджин

ТОВАРИЩА ВРЕМЕНИ

Книга 6

Небоскребы
магов

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении переплета использован рисунок
А. Лунаева

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Юджин — повелитель времени. Книга 6. Небоскребы магов / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с. — (Юджин — повелитель времени).

ISBN 978-5-699-83392-4

Глерд Юджин, известный в мире меча и магии как Улучшатель, не желает довольствоваться ролью улучшателя прялок, он намерен перестроить целое королевство. Для начала... И совершенно не важно, сколько в нем колдунов и магов. А еще глерд Юджин планирует усилить свою роль, ведь неограниченная власть — это неограниченные возможности.

...И хотя пистолет — веский аргумент в споре с разбойниками на лесной дороге, для королей пора искать более весомые доводы!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83392-4

© Орловский Г.Ю., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Королевские гвардейцы глазом не повели, когда я вышел из башни; это для меня прошла неделя, а для них — пару минут поднимался на самый верх башни, а потом, схватив там мешок всякого барахла, тут же спустился, даже не посидел там.

Я захватил на этот раз с собой даже планшет, он хоть и заполнен всякой ерундой, что нигде не пригодится, но там общая энциклопедия и несколько специализированных, а также встроенный принтер. Заодно пополнил аптечку, добавил несколько мелочей, в том числе компас, знаю, что им пользовались извозчики, только еще не знаю как...

Выйдя из башни, я собрался топтать во дворец, там у меня апартаменты, но с грохотом копыт подскакал на красивом вороном жеребце Фицрой, как всегда вызывающе нарядный, только на этот раз шляпа с высокой тульей и загнутыми краями, да еще перья ярко-красные — то ли вызов на ссору, то ли призыв обратить внимание, какой он красавец.

Красиво осадил возле меня коня, без всякой нужды подняв на дыбы, чтобы гневно заржал и помесил воздух крепкими копытами с блестящими подковами.

Я сказал сварливо:

— Чего на коне распрыгался? Здесь приличные люди ходят! А ты как в лесу. Дикарь какой-то. Хоть и с перьями.

Он ухмыльнулся.

— Привилегиями надо пользоваться, а то забудут. А ты чего с мешком? Украл что?

— У тебя чему не научишься, — сказал я горько. — Знаешь, у меня комнатка в этой башне, и даже во дворце королевы... но что-то не очень доверяю ей, как и она мне...

— Странные у вас взаимоотношения, — буркнул он. — Думаешь, сопрет?.. Кто этих женщин знает... Чем у вас кончится? Догадываюсь... Ладно-ладно, не сверкай глазками, понял. Похранить пока что твое барахлишко у себя? Да еще и бесплатно?

— Да, — сказал я. — Спасибо, Фицрой. Настоящий друг! Бесплатный.

Он бодро заулыбался.

— Надеюсь, это не надолго.

— Свинья, — укорил я.

Он сказал с подчеркнутой обидой:

— Я только надеюсь, скоро снова куда-нибудь унесет обоих. Или хотя бы меня, такого загадочного.

— Нет уж, — заверил я. — Остаемся здесь и пускаем корни. Вглубь, виширь и в стороны.

— Ага, — сказал он саркастически, — ну вот так я тебе и поверил! Ладно, у меня никто не сопрет.

Он нахально улыбался, дескать, стоит мне отвернуться, как все вытащит и пропьет, но уже знаю, что с его принципами такое для него равносильно потере чести, а мужчина без чести уже не человек.

Со стороны главного здания в нашу сторону вприпрыжку бежит Терминус, придерживая ладонью прыгающий на боку меч в расписных деревянных ножнах.

— Глерд Юджин!.. Глерд Юджин!

Я сунул Фицрою в руки мешок, сам сделал шаг вперед, закрывая добычу. Королева вроде бы не отдавала

прямого приказа ничего не выносить из лаборатории Рундельштотта, оттуда по ее приказу вынесли все ценное, но может заинтересоваться, что такое все еще нахожу достаточно ценное, ради чего стоит всякий раз подниматься на самый верх.

— Снова, — спросил я, — королева?

Он остановился, лицо приняло надменное и неприятное выражение.

— Глерд, — сказал он с резкостью, — о ее величестве нужно отзываться почтительнее!.. Ее величество королева Орландия изволит велеть вам явиться на заседание Тайного Совета.

— Ого, — сказал я, — еще не присутствовал. Правда, его только переназначили... Или давно? Ладно, приду. Когда?

— Сейчас, — отрубил он. — В крайнем случае подождете в коридоре.

— А если что-то услышу? — спросил я страшным шепотом. — Коридоры — страшная вещь! Болтун — находка для врага.

Он дернул щекой, но предпочел не ответить, молча довел меня до главного здания, оттуда по лестницам до королевских апартаментов. Гвардейцы по двое дежурят у входа на каждый этаж и дополнительно еще у двери королевы, на Терминуса посмотрели без интереса, он свой, а я сказал ему легко:

— Можете идти, Терминус. Понадобитесь — свистну.

Он поморщился, но свою работу выполнил, повернулся и пошел обратно, а я медленно приблизился к двери, игнорируя строгие взгляды слуг, осторожно потянул на себя, до того как слуга успел помешать, одним взглядом окинул помещение.

Это не личный кабинет королевы, здесь принимают наиболее доверенных. Сейчас в нем в удобных кре-

слах расположились члены Тайного Совета. Во главе стола, естественно, Теренц Брандштеттер; даже сидя выглядит таким огромным, будто стоит, весь как вырезан из серого камня, с резкими чертами лица, угловато-мощный.

Вообще-то во главе стола пустое кресло королевы, но Брандштеттер смотрится, словно он здесь главный, а все остальные — его служащие, особенно Мяффнер, — хоть и канцлер, но слишком уж мягок, услужлив и общается со всеми несколько заискивающе.

Даже Иршир, тоже высокий и крепкий, смотрится рядом с Брандштеттером как младший братишка, что вообще-то соответствует их статусу: после неудавшегося переворота Брандштеттер теперь главнокомандующий, а Иршир — глава всей городской стражи.

Джуэл, глава Дипломатического Стола, как и глерд Кливард, что заведует всей хозяйственной деятельностью королевства, держатся так, как и положено вельможам, в руках которых бразды, в их присутствии всегда самоуверенный Финнеган с Эллианом и Баффи тише воды ниже травы.

На меня оглянулись, как на чудо в перьях, а оно откуда здесь взялось, это несмотря на то, что я уже доказал пользу королевству, но единичные случаи не в счет, засчитывается только долгая и усердная служба, подкрепленная родовитостью и длинной цепью знатных предков.

— Королева придет позже? — спросил я. — Ладно, тогда и я, хотя ну совсем не королева...

Прикрыв дверь, к облегчению тихо негодующего слуги, я прошелся по коридору, не нравятся мне эти интриги, как вообще всякие не нравятся. Все собрались, а ты постой в коридоре! Вряд ли это идея Тер-

минуса, верного помощника Картера, который ко мне относится по-дружески, это происки тех, кто не желает допускать меня в их круг элпээров, то есть лиц, принимающих решения.

Чувствуя, что обнахалел уже не малость, а по-крупному, все-таки я во дворце королевы, все же пошел по коридору прочь, сейчас даже к зубному врачу не стоят в очереди.

Из дальней комнаты вышла фрейлина, я сразу узнал Кареллу Задумчивую, а ее лицо озарилось радостной и немножко хищной улыбкой типа того, что на ловца и зверь бежит.

— Глерд, — сказала она воркующим голосом, — что привело вас...

Я проблеял сконфуженно:

— Приказ королевы. Надо о чем-то посоветоваться...

— Как мило, — проговорила она и оглядела меня так оценивающе, словно раздела взглядом, подумала и снова одела, — вы становитесь...

Она взглянула вдоль коридора, быстро оглянулась и, потянув дверную ручку на себя, впихнула меня в свою комнату.

— Не хочу, — объяснила она, — чтобы нас видели... так близко друг от друга. Вы давно меня заинтересовали, глерд...

Она в самом деле ко мне настолько вплотную, что чувствую ее тело, но я же дурак и простофиля из медвежьего края, поспешно отодвинулся, чтобы не стеснять высокородную глердессу.

— Госпожа Карелла, — проблеял я и сконфуженно шаркнул ножкой, — я так стесняюсь, так стесняюсь... Я же знаю, что я ничем не интересен, как вон знатные и знатнейшие глерды...

Она пренебрежительно отмахнулась.

— Они всего лишь глерды, а вы, Юджин, мужчина! И чем-то волнуете меня так странно, что все мое женское естество пришло в какое-то странное состояние...

Я сказал с простодушным изумлением:

— Госпожа Карелла, вы так по-столичному изъясняетесь, что я ничего не понял. Я же медведистый, у нас в лесу как-то все иначе...

Она сделала ко мне крохотный шажок и спросила игривым голосом:

— А как у вас?

— У нас просто, — ответил я и шмыгнул носом, — как сгреб, так и... в общем, без ритуалов. Мы же простые...

Она звонко расхохоталась, запрокидывая голову, чтобы я лучше рассмотрел ее зовущий рот и крупные сиськи.

— Забавно, забавно... Юджин, вы же глерд теперь! Вам нужно учиться придворному этикету. В том числе и ритуалу ухаживания за женщинами.

— Не могу, — признался я. — Туповат что-то. Это все так сложно для человека из медвежачьего леса!

Она призадумалась, сказала с улыбкой:

— Ну, если у вас не получится с ритуалами, то что ж... мужчинам нужно идти навстречу. Если в вашем медвежьем лесу кто кого сгреб, то можно и по вашему местному ритуалу, надо уважать обычаи.

Она снова в моем личном пространстве с ее мощными феромонами, у меня голова начала пугающе быстро пустеть, а сердце стучать чаще. Взгляд ее говорил, что можно и сейчас, раз уж я не уверен, что смогу соблюсти столичные ритуальные пляски; я постарался сделать морду еще глупее, сказал поспешно:

— Нет-нет, не хочу казаться дикарем! Я уже осваи-

ваю столичность. Уже знаю, некультурно хватать сразу за жо...у, надо сперва познакомиться, а уже потом за жо...у!

Я постарался смотреть гордо, дескать, вот уже знаю одно из правил, так что совсем скоро запомню их все, и она сказала с натянутой улыбкой:

— Ну да, конечно, но не надорвитесь! Я же говорю, если не получается, то мы, женщины, должны входить в ваше положение настоящих мужчин, которым не до ритуалов...

Дверь приоткрылась, заглянула одна из фрейлин, сказала страшным шепотом:

— Королева прошла к себе!

Я поспешно отступил на шаг.

— Простите, бегу. Ее величество сказали, что без меня совещание не начнут. Еще раз простите...

Когда выбегал в коридор, чувствовал на себе взгляд Кареллы. Если королева без меня не решается начать совещание, то надо мною заняться плотнее и чтобы уже не вырвался.

Слуга у двери кабинета королевы сделал навстречу мне страшные глаза и прошептал так, что это было похоже на шипение большой злой змеи:

— Ее величество уже изволили прибыть!

— Одобряю, — ответил я.

Он увидел, что я нарочито замедляю шаг, и с неохотой распахнул передо мной дверь. Я перешагнул порог, довольный микроскопической победой над лакеем, сообразил, какова ее весомость, и озлился на себя и мир — что-то мельчаю.

Королева, опустив голову, что-то быстро пишет на большом листе, тот норовит свернуться в трубку, а Мяффнер придерживает края. На меня в кабинете

демонстративно не обратили внимания, только Брандштеттер окинул презрительно-ироническим взглядом.

— Добро пожаловать, глерд! Вы опоздали, но... будьте как дома!

— Быть повсюду дома, — ответил я — могут только короли, девки и воры. Уж не знаю, к какой категории вы меня относите, но... сами вы себя кем считаете? Королем?.. Вроде еще не король, хотя про ваши хотелки поговаривают... Тогда остаются...

Он нахмурился.

— Глерд, это дерзко...

— А приглашать вот так, — возразил я, — когда здесь ее величество — это как? Слышал как-то в своем королевстве, что королева — это женщина, которая правит королевством при наличии короля и которой правят, если король отсутствует. Интересный взгляд, не правда ли?

Иршир и Джуэл с неудовольствием переглянулись: я в их огород бросил не камешек, а валун.

— Это в вашем королевстве, — отрезал Брандштеттер, — а у нас ее величество королева правит, однако прислушивается к мнению ее верных слуг и помощников.

— Слуги не могут быть помощниками, — обронил я, — но ладно, это опустим. Я тоже, как и вы, считал было, что королева у нас дура набитая, раз уж такая красивая, но быстро убедился, что у ее величества ума, как у стада слонов... это такие большие звери, что все помнят и ничего не забывают.

Королева, не отрывая взгляда от бумаги, прервала резко:

— Глерд Юджин, сядьте! Разговор о серьезных вещах, а не о том, кто из вас кого переспорит. Глерд Мяф-фнер?

Мяффнер выпрямился и, отвесив обязательный поклон королеве, заговорил быстрым и почти заискивающим голосом:

— Как вы уже знаете, над королевством нависла угроза войны. Король Антриас, испробовав все средства, решил все-таки вторгнуться в наши земли. Потому сейчас перед всеми нами стоит вопрос: как реагировать?

Глерд Иршир произнес многозначительно:

— Я слышал, герцог Ригилт тоже пришлет свою армию в помощь королю Антриасу? В Опалоссе она почти не уступает по численности уламрийской...

Королева бросила в мою сторону быстрый взгляд.

— Глерд Юджин?

— Не пошлет, — сказал я.

— Почему? — потребовал Иршир. — У вас какие-то особые сведения?

Я покачал головой.

— Присутствующий здесь глерд Финнеган наверняка сообщил о тяжелом ранении герцога Ригилта.

— Он сообщил о ранении, — уточнил Иршир. — Но насколько оно тяжелое?.. Может быть, герцог вообще не ранен? Вдруг это какая-то королевская уловка?

Королева остро взглянула в мою сторону, я пробормотал:

— Все может быть... Но я склонен верить его величеству королю Антриасу, который известен прямо-той и честностью. Если он сказал в морг, то... Я имею в виду, что если герцог ранен, то ранен серьезно. Сам герцог, думаю, будучи воинственным и отважным человеком, не стал бы обращать внимание, если бы ему просто прищемили пальчик. Если сообщили о ране, то это действительно она самая. Нелегкая, если можно так сказать о ране.

Иршир раздраженно дернул щекой.

— Это мало что меняет. Даже если герцог прикован к постели, он может послать армию в помощь королю Антриасу. У него наверняка есть надежные соратники.

— Соратники есть, — согласился я, — но вот насчет надежности здесь каждый усомнится. Человек, который всеми неправдами продолжает удерживать власть в королевстве, не может рассчитывать на верных соратников. Это такие же мародеры, что предадут его в первую же минуту слабости. Он это понимает... и вряд ли кому-то доверит всю армию. У кого армия, у того власть.

Глава 2

Иршир невольно покосился на молчаливого Брандштеттера, но тот бровью не повел, словно даже не слышал намека на его слишком уж большие полномочия.

Королева звучно хлопнула ладонью по столу.

— Итак, вопрос насчет участия второй армии отпадает. Будем исходить из того, что королю Антриасу придется действовать без надежного союзника.

Иршир ответил с поклоном:

— Воля ваша, однако это огромный риск, ваше величество.

Королева слегка возвысила голос:

— Если вторгнутся обе армии, королевство будет захвачено наверняка. Потому этот вопрос рассматривать нет смысла. Но если король Антриас вынужденно останется один... можем ли противостоять ему?

Брандштеттер произнес среди общего молчания:

— У нас слишком малочисленная армия. Ваше величество предпочитали вкладывать полученные от налогов средства в развитие ремесел, новые рудни-

ки, производство, строительство школ и приютов для бедных, потому армия наша хороша только для подавления мятежей, даже таких масштабных, как армия самозваного принца Роммельса. Я понимаю, что это была ошибка Дейнджерфилда...

Королева не стала хвататься за спасательный круг, покачала головой.

— Нет, это было мое решение. Я хотела, чтобы мой народ был богат и счастлив.

Брандштеттер развел руками и сел. На королеву, как я заметил, поглядывают с неодобрением, у каждого на лице написано крупными буквами: «Я ж говорил!»

Я поднялся и сказал быстро, пока никто не перебил:

— Экономика богатой страны позволяет быстро перестроиться на военные... колеса! Как мне известно, в арсеналах королевства издавна накоплены большие запасы оружия, которые правительство щедро продавало в другие страны. Кроме того, местные оружейники и бронники день и ночь куют мечи, топоры, молоты, изготавливают доспехи, потому что торговля оружием всегда приносила наибольший доход. В казне достаточно золота, чтобы нанять две такие армии, с которой вторгнется Антриас. Осталось только как можно быстрее обучить эти толпы пользоваться мечами, топорами и особенно пиками. Думаю, такая современная техника, как топор или молот, несмотря на свою сложность, не потребует многомесячного обучения.

Они слушали со смесью недоверия и повышенного внимания. У некоторых в глазах зажегся было огонек надежды, но осторожность высокопоставленных лиц взяла верх, один за другим мрачнели, опускали головы.

Поднялся глерд Джуэл и, совершенно на обращая на меня внимания, словно я нечто вроде пролетевшей и сгинувшей вдали мухи, проговорил несколько барст-

венно, никогда не забывает, что его род самый древний в королевстве Нижние Долины:

— Ваше величество, я понимаю ваши чувства, но у королей есть только интересы... потому еще раз хочу вернуться к вопросу вашего замужества. Королевство в огромной опасности. И я не вижу другого пути, кроме как вступить в брак... с могущественным королем.

Глерд Иршир пробормотал:

— Благородный глерд Джуэл хочет вступить в брак с королем Антриасом?

Джуэл зашипел, голос глерда Иршира в тишине прозвучал слишком громко, могла услышать даже королева, но она не повела и бровью, а явно сочувствующий Джуэлу глерд Кливард грозно сверкнул очами и сердито надулся.

Я на него поглядывал искоса, стараясь, чтобы он не замечал моего интереса. Кливард возглавляет Стол Хозяйствования, но, похоже, здесь хозяйствованием называется не совсем то, что называю я. Во всяком случае, королева перед вручением Кливарду этой должности напомнила, что только он предупреждал ее о попытках Дейнджерфилда усилиться, набрать добавочный вес не только в армии, но и при дворе, что может привести к захвату власти, потому, дескать, с такой стойкостью и дальновидностью постоянно отстаивавший интересы королевства, даже вызывая ее неудовольствие, он по праву получает этот пост.

Судя по такой длинной преамбуле, Стол Хозяйствования является чем-то очень важным. Вообще-то экономика и есть самая важная дисциплина, но почему-то мне кажется, глерд Кливард занимается не только экономикой.

Он тоже пару раз мазнул по мне взглядом, слишком бесстрастным и равнодушным, чтобы я вот так взял

и поверил в его безразличие, а дальше смотрел только на королеву, в то время как я с простодушием дикаря рассматривал остальных членов Тайного Совета.

Королева все-таки рассуждает здраво: в небольшом королевстве нет смысла раздувать штат и плодить департаменты, потому управленцев не просто мало, но большинство еще и совмещают несколько должностей.

Глерд Иршир, начальник городской стражи, поймал взгляд королевы, поднялся уже с поклоном.

— Ваше величество?

— Говорите, — велела она.

Он заговорил расчетливым голосом:

— Хотел бы обратить внимание на участвовавшую поимку опасных людей... непонятого происхождения. Да, уже здесь в Санпринге, по эту сторону городской стены. Вооружены кинжалами и стараются подобраться поближе к вашему дворцу, ваше величество.

Кливард буркнул:

— Что значит «непонятого»?

— Не удалось установить не только личности, — ответил Иршир ровно, — но даже откуда прибыли. Есть догадки, что половина вовсе не из Нижних Долин. У одного отобрали арбалет, трое были с усиленными луками.

Брандштеттер нервно побарабанил кончиками пальцев по столешнице.

— Еще их недостает!

Джуэл спросил настороженно:

— А кто еще?

— Затихший было, — ответил Брандштеттер нехотя, — разбойник по прозвищу «принц Роммельс» начал, по слухам, переходить в наступление.

— Начал, — уточнил Джуэл, — или не начал? А что такое «переходить»?

— На отдельных участках, — пояснил Брандштеттер резко, — активизировались его люди. Некоторые деревни уже выплачивают ему дань, что недопустимо, от налогов в королевскую казну их никто не освобождал.

Джуэл смолчал, а помалкивающий Мяффнер сказал несчастным голосом:

— Двойной гнет крестьянам никак не выдержать. Начнутся бунты.

— Против Роммельса?

Мяффнер вздохнул.

— Всегда во всем винят власть. Так что скоро ждите отказы платить налоги. И будут правы. Если власть не может защитить, за что люди должны платить?.. Ваше величество, не пора ли дать полномочия глерду Брандштеттеру на полное очищение от этой заразы?

Она не ответила, вперила острый взгляд в глерда Иршира:

— Вы уверены, что пойманные с оружием в руках вокруг дворца... не наши подданные?

— Часть наших, — ответил он с неохотой. — Ваше величество, золотые монеты легко делают наших ненашими и наоборот!

Мяффнер покряхтел, сказал совсем упавшим голосом:

— Мне стыдно это говорить, а глерд Кливард, сообщивший мне это, вообще не может выговорить вслух... но ряд высших глердов не просто желают вашего замужества с королем Антриасом, а даже, осмелюсь сказать, называют его будущим королем Нижних Долин!..

— Возмутительно, — громыхнул мощным голосом Брандштеттер, но остальные почему-то промолчали.

— Вот так вслух и называют? — уточнил Джуэл. — Наверное, в своем тесном кругу?

Мяффнер кивком переадресовал вопрос Кливарду. Тот ответил нехотя, едва размыкая губы:

— Но называют же.

— Странно, — протянул Джуэл, — что вы слышали своими ушами... Гм... наводит на размышления. Надо подсказать глерду Ирширу, чтобы вас хорошо обыскивали перед входом во дворец.

Кливард огрызнулся:

— Меня и так обыскивают! Вы на что намекаете?

— Напекаю? — удивился Джуэл. — Я сказал, чтобы обыскивали хорошо. Очень хорошо и старательно!.. Кстати, а что скажет наш самый молодой член Совета?

Все взгляды уперлись в меня. Я смолчал, Джуэл не главный, пусть не распоряжается, перевел взгляд на Мяффнера, тот понял, кивнул.

— Глерд Юджин?

Я ответил предельно почтительно:

— С таким составом Совета ее величество может спать спокойно. Я имею в виду, при таком составе. Уверен, вы примете решение, что в два счета ликвидирует все угрозы.

Кливард поморщился.

— Глерд, вы слишком старчески осторожны для своего возраста.

— Что вы, — возразил я, — я просто преисполнен величайшего почтения перед мудростью собравшихся глердов. Все такие важные, величественные, умные!.. Вот я и замер, как мышь под полом. Еще никто из вас не высказал такую важную и новую мысль, что лошади кушают овес и сено?.. Странно.

Глерд Джуэл поднялся, красивый, импозантный и с благороднейшей внешностью, настоящий дипломат, и, упираясь обеими руками в столешницу, произнес с безукоризненной холодной вежливостью:

— Если ее величество примет предложение о замужестве со стороны короля Антриаса... или короля Кельмии доблестного Бриана Гульбера, то... как ни скорбно это признать, династия Орнидов прервется. На троне воцарится новая династия.

Мяффнер спросил враждебно, что для него настолько непривычно, даже королева вместе со всеми обратила на него взгляд, полный изумления:

— К чему вы ведете, глерд?

— Хочу напомнить, — договорил Джуэл так же холодно, — что династия Орнидов в любом случае прервется, выйдет ее величество замуж или нет. Просто в первом случае на трон сядет король соседнего государства и все удержит в железной длани, а во втором... начнется кровавая распря, борьба за трон между знатными родами.

Все промолчали, наконец Кливард пробормотал с огромной неохотой:

— Глерд Джуэл прав. Мы сами понимаем, что прав, только признавать не хотим. Но это же ясно.

Мяффнер сказал с непривычной для него резкостью:

— Что вам ясно?

Кливард сказал, обращаясь мимо него к королеве:

— Ваше величество, как это ни горько признавать, но все же целостность королевства важнее.

Она покачала головой.

— Целостность королевства?

Он слегка смутился.

— Можно будет заключить отдельный договор на счет... как бы ваш жених гарантирует, что интересы вашего величества будут соблюдены...

Она горько улыбнулась.

— Мои интересы? А у меня есть свои интересы?

Кливард промолчал, вопрос щекотливый, но веско и уверенно сказал Джуэл:

— Интересы вашего королевства, ваше величество.

Королева не ответила, все тоже молчали, момент очень неловкий, а я сказал учтиво, но достаточно громко, чтобы услышал даже дремлющий в уголке престарелый Финнеган:

— Мне как-то неловко слышать, что это королевство принадлежит ее величеству Орландии, потому, дескать, это ее проблемы. Мне все-таки казалось, что это наше королевство. Тем более ваше, глерд Джуэл, если ваш род, как вы утверждаете, самый древний в Нижних Долинах.

Я снова принял самый смиренный вид почтительного слушателя. На меня косились с неудовольствием, Мяффнер поднялся и сказал суетливо:

— Давайте успокоимся, а то здесь уже будто зажгли все камины. Мы все заинтересованы, чтобы сохранить королевство в таком виде, в каком оно... пребывает.

— Иные времена, — напомнил Кливард, — иные песни.

Глерд Брандштеттер сказал строго:

— Это не значит, что мы должны петь чужие песни.

Королева поднялась, и все разом встали так поспешно, словно не величественные глерды, а солдаты первого года службы.

— О моем решении сообщу позже, — произнесла она. — Всех благодарю за честное и откровенное обсуждение. Все свободны.

Я вышел вместе со всеми, уходили по два-три человека, что-то тихонько обсуждая, я уловил кивок Мяффнера, подошел, он долго молчал, пока все разошлись, так же молча спустились на пару этажей.

Мяффнер часто вздыхал, то и дело вытирая платочком потный лоб, наконец заговорил, стараясь почему-то не встречаться со мной взглядом:

— И что скажете вы?

— Дельное обсуждение, — ответил я осторожненько. — Сразу видно государственных мужей. А я что... вернусь в свой замок, я же за него отвечаю?.. Надо бы, наверное, пообщаться с принцем Роммельсом, он где-то неподалеку. Почти в моих землях.

Он насторожился.

— Зачем?

— А если, — сказал я, — предложить ему вариант официальной оппозиции?.. А его армию поставить под... гм... копье и отправить на фронт?.. А ещё — в каких отношениях ее величество с королем Дронтариин? Там кто, кажется... Астрингер?

— Он, — подтвердил Мяффнер несчастливым голосом. — К сожалению, отношения не очень... Он когда-то сватался к ее величеству.

— И... как?

— Получил твердый и недвусмысленный отказ.

— Обрадовался? — спросил я.

Он грустно усмехнулся.

— Должен бы, но, похоже, обиделся. Странно, короли обижаться не имеют права. Это не по-государственному.

— Если король обижается, — сказал я, — значит, у него в королевстве все хорошо. Может себе позволить. Но это значит, он еще не знает, что его королевству уготована судьба быть захваченным Уламрией и Опалоссой. Пожалуй, нужно срочно сообщить ему такую радостную и взбадривающую новость. Уверен, он возжелает так же срочно восстановить дружбу и сердечное согласие с ее величеством.

— В каком смысле сердечное согласие? — спросил он с подозрением.

— Дипломатическом.

— А почему, — спросил он настороженно, — ему уготована такая судьба?

— А вы еще не знаете, — протянул я, — что Антриас король весьма воинственный? И будет расширять пределы, пока его не остановят?

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Мне кажется, — проговорил он мягко, — вы знаете больше, чем говорите.

— У меня такой умный вид? — спросил я счастливо. — И загадочный? С ума сошли!.. Спасибо.

Он спросил в упор.

— Что вы хотите сказать?

— Я? — переспросил я. — Да вроде бы... ладно, глерд-канцлер. Простите, что шепотом, вам тоже советую не орать и не возмущаться. Нужно срочно переговорить с королевой... нет-нет, не в ее кабинете. И не в главном зале.

Он вперил в меня тяжелый взгляд.

— Что? А где?

— Например, — сказал я, — в той комнате, что ее величество изволили определить мне в пользование, когда я в городе. Умоляю, глерд, вы не какой-то Финнеган, понимаете, что не зря такое говорю!

Он понизил голос до шепота:

— Не понимаю, однако... если позволите какие-то глупости, я вас сам убью на месте.

Голос его звучал очень серьезно. Я вздохнул:

— Похоже, вы собираетесь сопровождать королеву?

Он прошипел:

— А вы как думаете?

— Хорошо-хорошо, — ответил я. — Вы вообще-то единственный, кому я доверяю. Я сейчас отправляюсь

в те апартаменты, а вы переговорите с ее величеством. Она хоть и красивая, но не дура, поймет, что я поймал что-то крупное.

Глава 3

Когда я сделал круг по зданию и вернулся, слуги возле двери королевы воззрились на меня в высокомерном недоумении людей, близких к ее величеству, к которым приблизился какой-то сиволапый.

Я сказал резко:

— Парни, я дурно воспитан и у меня нет благородных предков. Так что могу и в рожу дать так, что навеки окривеет. Королева хде?

Один ответил нехотя:

— Только что изволили отбыть в покои, выделенные вам.

Возле двери моих покоев теперь подпирают спинами стену двое стражей королевы и двое слуг. Передо мной поспешно и без поклонов распахнули двери, слуги не кланяются, это обязанность придворных и служащих высокого ранга.

Я перешагнул порог, королева сидит в моем кресле за моим столом, ибо королева всегда дома, даже если это дом ее подданного. Рядом Мяффнер, весь из себя почтение, я поклонился и сказал с ходу как можно более смиренно:

— Счастлив, что вы откликнулись, ваше величество!.. Хоть режьте меня, ваше величество, но все равно скажу вам прямо в глаза правду-матку прямо и смело: вы, ваше величество, величайшая королева!.. Сразу сообразили, что у меня нечто важное, и ни минуты не

колебались... или все-таки поколебались чуток? Ладно, это неважно. У меня в самом деле...

Она прервала таким ледяным голосом, словно засунула мне за шиворот целый айсберг:

— Что вы хотите сказать?

— Вы уже поняли, — проговорил я, понизив голос, — что вас подслушивают и я об этом узнал.

Мяффнер спросил быстро:

— Кто?

— Я над этим работаю, — ответил я, — но, надеюсь, вы не станете его арестовывать?

Она бросила быстрый взгляд на Мяффнера.

— Лорд-канцлера?

— Я тоже на него подумал, — признался я, — слишком уж он... Да, но это на мой взгляд знатока. Потом подумал, что если слишком, то не он. Кто, еще не знаю, над этим, как уже сказал, работаю старательно и усердно.

Они оба посмотрели на меня с одинаковым недоумением, Мяффнер даже не возмутился, молодец.

— Почему не станем? — спросил он. — Арестовывать?

— Потому что вы мудрые, — пояснил я. — Хоть и не сразу. Но другие и потом, уже на лестнице, не спохватываются, а вот вы... Да, кое-кто работает на иностранное правительство. Может быть, незаметный слуга, а может... и кто-то из вашего Тайного-Претайного Совета.

Она смолчала, Мяффнер охнул:

— Глерд?

— Кто-то работает на короля другого королевства, — пояснил я. — Осмелюсь предположить, что на Антриаса, так как он наиболее заинтересован знать, что у вас и как. Конечно, есть наверняка и другие шпи-

оны, кто-то работает на Дронтарию или Кельмию, но именно Антриас ввиду подготовки вторжения должен был активизировать работу разведки.

Она выпрямилась за столом еще больше, глаза сверкнули гневом.

— Кто это? Схватить, допросить!.. Если это правда, он будет казнен...

— Ваше величество, — сказал я шепотом, — не орите, я вас умоляю. Вы же королева, а не!.. Умоляю мыслить по-королевски, что значит — нагло и охватывающе. От того, что схватите, пользы мало. Другого пришлют, если он уже не при дворе... А нового еще надо выявлять!

Она ожгла меня свирепым взглядом.

— Глерд?

— Кто у нас глава разведки? — спросил я. Наткнувшись на ее полный подозрения взгляд, пояснил: — У вас, разумеется, ваше величество!.. Иршир? Нет, он всего лишь начальник городской стражи... Джуэл заведует дипломатическим корпусом...

— Глерд, — сказала она, чуть повысив голос, — глерд Джуэл!

Я сказал с досадой:

— Ах да, глерд Джуэл, глерд Иршир... Ваше величество, все-таки прежде дело, а формальности потом. Как я понял, тайные службы в руках глерда Мяффнера и... ваших?

Она чуть наклонила голову, но я смотрел с ожиданием, она нехотя проговорила:

— Нет необходимости плодить должности.

— Да, — согласился я, — королевство крохотное, это было бы слишком. Тогда все проще, ваше величество!

Она поморщилась, у нее гигантское королевство, но спросила сразу по сути дела:

— И что предлагаете, глерд?

— Скармливать дезу, — ответил я.

Она смотрела холодно, ожидая продолжения, явно не поняла; какой же здесь чистый и честный народ, я здесь как волк в овчарне, даже неловко всех обижать и грабить, но удержаться трудно.

— Ваше величество, — сказал я, — мы должны сами снабжать противника теми сведениями, которые нам выгоднее. Запудрить ему мозги! Обмануть, облапошить, надуть, озомбировать.

Она не отрывала от меня взгляда, но я пару раз уловил промелькнувшую в нем растерянность.

— Как, — произнесла она, — это... получится?

— Есть два варианта, — ответил я. — Можно схватить врага и под пытками велеть передавать ему то, что считаем нужным мы. Второй вариант, мы назовем его женским, — допускаем намеренные утечки информации, чтобы шпион радостно подхватывал и передавал противнику.

Она поморщилась.

— Второй слишком сложный.

— А первый чреват боком, — ответил я. — Хотя и не знаю, что это, но чревато. Боком. Как-то вот так.

— Глерд, не отвлекайтесь!

— Простите, ваше величество, — сказал я с раскаянием, — это вечная беда сложных и гениальных натур — отвлекаться на то, что может улучшить мир. Дело в том, что у шпионов существуют особые знаки на этот случай. К примеру, он напишет письмо королю Антриасу под вашу диктовку, а король получит и увидит, что в семнадцатой букве хвостик повернут не в ту сторону. Понимаете? Этим тайно сказано, что он пишет под угрозой смерти и верить этому посланию нельзя.

Она посмотрела на меня в изумлении.

— Глерд... вы что, сами были таким шпионом?

— Ваше величество, — ответил я скромно, — обижаете... почему не предположить, что я руководил подобными службами? Или даже теми, кто ими руководит? Но сейчас обсуждаем, как повернуть ситуацию здесь и сейчас, вы не против?

Она некоторое время молчала, на лицо набежала тень, через минуту сказала тем же твердым голосом:

— Хорошо, глерд. Разработайте... как это будет.

— Уже, — ответил я добро. Она взглянула с непониманием, я пояснил: — Это же легко!.. Мы пройдем в ваш кабинет, я вам буду рассказывать, что проделано, а вы хмурьтесь, но одобряйте.

Она спросила с настороженностью во всем облике:

— Почему именно в моем кабинете?

— Там в стене дырка, — сообщил я. — Через нее вас слушают, но, думаю, могут и подсматривать, хотя это рискованно.

— Что-о?

— Стена с гобеленом, — пояснил я, — где здоровенный такой мужик насел с какой-то непонятной мне целью на такую же здоровенную свинью, помните?

Она ответила сухо:

— Это не мужик, а благороднейший король Джоннер Фоум, мой прапрадед! И насел не на свинью, а голыми руками схватился с Эварским Вепрем, ужасом тех земель!

— Это неважно, — ответил я небрежно, но увидел ее темнеющее от гнева лицо, сказал поспешно: — Хотя то был великий подвиг, я приношу королю свои извинения!.. А художника стоило бы выдрать за картину, которую можно толковать столь вольно... Запретить свободу творчества!

Она прошипела:

— Никто не толковал, только вы!..

— Ваше величество, — сказал я умоляюще, — давайте вернемся к важным делам королевства?.. А то, что во всем вашем королевстве только я один такой честный и замечательный, пока оставим. Я скромный до наглости.

Она медленно перевела дыхание.

— Я вас ненавижу, глерд. Если бы вы не были так необходимы, я бы вас...

— Придушили бы собственными руками?

Она посмотрела несколько озадаченно.

— Что за дикие мысли? Я королева!.. Вас бы казнили на заднем дворе, а я любовалась бы с веранды и сыпала лепестки роз. Значит, вам только поддакивать?

— Без охоты, — подсказал я еще раз. — Я буду говорить неприятные, но необходимые вещи. Государственные все такие. Не хочется, а надо.

— А о чем именно?

Я развел руками.

— Ваше величество, если будете знать заранее, то можете не сыграть правильно. Хотя известно, что все женщины прирожденные актрисы, но вы так уже привыкли, что это перед вами актрисничают, а вы только повелеваете...

Она прервала:

— Хорошо, мы пока переговорим с глерд-канцлером, а вас вызову к себе через полчаса.

— Объявите по двору, — подсказал я, — что ищите меня. По важному делу. Кстати, в кабинете не шупайте гобелен и вообще не смотрите в его сторону. Представьте себе, что вы — женщина, и постарайтесь обмануть обманывателя... Нет-нет, не вставайте, я еще не все изложил!.. Иначе чего бы договаривался о тайной

встрече? Кое-что узнал в Уламрии такого, что не хотел говорить в присутствии членов Тайного Совета.

Мяффнер тяжело вздохнул.

— И тоже что-то неприятное?

— Это как повернуть, — ответил я. — Король Антриас не сразу вторгнется в Нижние Долины. На самом деле его цель вовсе не ваше королевство, ваше величество. Он действительно великий король и смотрит в будущее. Ему нужен выход к морю!..

Они переглянулись, я даже заподозрил, что сами нечто подобное обсуждали в тесном кругу, но сейчас ни королева, ни ее глерд-канцлер не подали виду.

Мяффер спросил с сомнением:

— Откуда такие сведения?

Я посмотрел с укором.

— Глерд-канцлер, зачем вам, такому великому государственному деятелю, не побоюсь сказать это недвусмысленное слово, знать такие мелочи?.. Узнал и узнал.

Королева сказала резко, но негромким голосом:

— Но все равно вторгнется, какая разница?

— Есть разница, — сообщил я. — Он будет просить свободного прохода через ваше королевство. Я даже верю, что строго-настрого прикажет своим людям идти только по выделенным вами дорогам, чтоб никакого бесчинства. Ему важно сохранить армию, чтобы ударить по Дронтарии всей мощью!

Королева проговорила негромко:

— Это очень серьезное заявление. Но... насколько оно...

— Подкреплено? — спросил я. — Ваше величество, этого не знаю, честно. Могу добавить только, что получил я его... на самом высоком уровне. На самом.

Мяффнер спросил с недоверием:

— Что...

— Выше не бывает, — заверил я.

Мяффнер покачал головой, с лица сомнение все еще не уходит, но в глазах уже стальной блеск, которого у глерд-канцлера раньше не замечал.

— Как вы смогли... Да-да, вы правы, это не мое собачье дело. Ваше величество, я бы рискнул этому ша-лопаю поверить.

Она проговорила задумчиво:

— Это достаточно логично. Мы уже догадывались о стремлении короля Антриаса выйти к южному морю...

Я с сочувствием посмотрел на несчастного Мяффнера: не любит он такие ситуации, ему бы рулить счастливым королевством, у которого нет проблем, но, понимая жизнь лучше других, преодолевает себя и находит такие разумные решения, какие не нашли бы орлы, смело готовые решать любые проблемы.

— Ваше величество, — сказал я, — если вы решились пока что не казнить вашего глерд-канцлера, то скажу при нем, если позволите.

— Позволяю, — обронила она сухо. — И, глерд, серьезнее.

— Ваше величество, — сказал я, — а почему не рассмотреть вариант более тесного взаимодействия с королем Дронтарики?

Ее лицо напряглось.

— Глерд...

Голос мог покрыть льдом и превратить в сосульки жарко пылающие поленья в камине, я заговорил быстро, пока она не прервала:

— Я говорю не о браке, ваше величество, ну что вы на нем так заиклены? Это наводит на мысли... Король Антриас намерен захватить Дронтарию врасплох, как

вы уже поверили, но если предупредите его величество Астрингера о планах короля Антриаса, то Астрингер...

— Король, — сказала она холодно; я посмотрел с недоумением, она зло повысила голос: — Его величество король Астрингер!

Я кивнул.

— Да-да, ваше величество, король Астрингер. Спасибо, что не велите всякий раз перечислять все его титулы, что вроде бы правильно, но неправильно... В общем, король Астрингер поспешит мобилизовать все силы, чтобы встретить агрессора... но не только. Он восхочет укрепить с вами союз.

Она поморщилась.

— Это после того, как я беспрепятственно пропущу армию короля Антриаса?..

Мяффнер посмотрел на меня с укором.

— Ваше величество, — сказал я мягко, — вон взгляните на своего глерд-канцлера. По его непонимающему лицу видно, что он уже все понял. Вы пропустите армию Антриаса к границам Дронтарики, там начнутся сражения. Та южная область вашего королевства пустынна и пользуется дурной славой, верно? Дикое племя гуцаров, населяющее те земли, не признает вашу власть... Вам что, их жалко?

Она отрезала:

— Это мои подданные! Даже если об этом и не знают.

— И не признают, — добавил я. — Хорошо-хорошо, я только восхищаюсь вами, ваше величество!.. Хорошо, что я не король, а то бы уже всех поубивал. Начиная с ваших советников.

Мяффнер сказал, мучительно морщась:

— Ваше величество, мы должны выбирать между большими жертвами с разрушениями и... малыми.

Я сказал вежливо:

— Не смягчайте. Между малыми жертвами и полным захватом Нижних Долин. Да и жертвы это какие-то... Когда у нас что-то портится на кухне, это жертвы, понимаю. Или платье порвалось. А когда где-то кого-то убивают... какие это жертвы?.. Так, тема для разговора за сытным ужином. И хотя вам глерд Юджин как-то не очень нравится, но я вас понимаю, мне этот гад тоже в печенках, однако на этот раз идею выдвинул здравую, хоть и недостаточно изящную. Армия Антриаса начнет сражения с диким племенем гуцаров, тем временем на том направлении у границы сконцентрируется армия дронтарцев...

Королева посмотрела хмуро и с неприязнью.

— Какой-то вы, глерд, абсолютно бессердечный. Жертвы будут не где-то, а в южной части Нижних Долин. Это наше королевство! И пусть племя гуцаров пока не платит налоги и не признает мою власть, но со временем мы втянем их в общую жизнь им же на пользу. Потому, как королева, я должна о них заботиться уже сейчас.

— А как насчет убитых в сражениях нижнедолинцев? — спросил я. — Когда свою королевскую армию уже верных и преданных вам людей посылаете в бой, подразумевается, что часть погибнет. Так лучше уж пусть гуцары...

Ее лицо одеревенело, я с сочувствием прикидывал, что ответит, однако она обратила царственный взор к Мяффнеру.

— Проследите, чтобы с утра подготовили посольство к королю Астрингеру.

Он поклонился.

— Ваше величество?

— Лучших коней, — ответила она, — запас продовольствия, чтобы не останавливаться в дороге сверх необходимости. Послание к тому времени составляю лично.

Глава 4

Я покинул комнату первым, огляделся, коридор пуст, не считая верных слуг, это личное пространство королевы, куда в лучшем случае могут входить только фрейлины, так что королеву с Мяффнером посторонние тоже увидят вряд ли.

Вообще-то я обещал всем вокруг вернуться в свой замок, когда-то вообще-то и намеревался, но сейчас вот представил себе это, отвращение поднялось от подошв сапог и заполнило до самой макушки.

Там все и без меня налажено, идет своим чередом. Разве что упущено самое главное: таскать служанок в постель, а деревенских девок на сеновал?.. Но в демократическом обществе это не право, а обязанность, а такое сразу все портит, никто не любит обязанности и уваливает от них, даже если в состоянии исполнять, и это все еще доставляет некоторое удовольствие.

А вот с посольством в Дронтарию может получиться что-то интересное...

Спускаясь по лестнице, увидел в анфиладе залов справа приземистого человека в плаще с надвинутым на голову капюшоном, идет быстро, но при ходьбе опирается о расцвеченный плиткой пол массивным посохом из слоновой кости.

Такой посох я видел только у одного здесь, у мага Строуда, такой же белоснежный, весь в золоте и блестящих камешках, разве что Строуд всегда в широкополой шляпе и с высокой тульей, но сейчас он явно прячет лицо...

Он в какой-то момент оглянулся, ощутив мой взгляд, маги все намного чувствительнее обычных людишек,

мне показалось, что испугался, нагнул голову еще ниже и поспешно юркнул за угол.

Я нахмурился, но это вообще-то не мое дело, мало ли кто во дворце пользуется его услугами, маг Строуд как раз ценен, как все говорят, в хозяйских делах, а Рундельштотт был совершенно бесполезен и даже убыточен...

На ступеньках услышал звонкие голоса и веселые смешки, целая стайка фрейлин спешит, подобрав платья, между служебными комнатами, глазки озорно блестя, на щеках румянец, перехихикиваются и щебечут, щебечут...

Меня заметили, пришлось отвесить учтивый поклон, но они не пробежали мимо, а разом остановились, зачирикали:

— Ох, глерд!..

— Глерд Юджин!

— Вы теперь здесь живете, глерд?

— А на ужин придете?

— К нам на ужин, а то еще куда забредете...

Я сделал вид, что жутко засмутился, проблебал жалко:

— Ох, даже не знаю, что и сказать... у меня все из головы разбежалось... Как скажете, глердессы... Кто из вас готова одарить меня предельной благосклонностью?

Они расхохотались звонко и весело, голоса зазвучали задорно и дразняще:

— А это от вас зависит, глерд!

— А вы что, смущаетесь?

— А предельной — это как?

Кто-то сказал с подчеркнутым ужасом:

— Я слышала, Карелла проявляет интерес... Берегитесь, подруги!

— Ой, — сказала она, — если даже Карелла, то надо хватать... У нее нюх.

В конце коридора показалось двое грузных и величественных глердов, фрейлины сразу посерьезнели и начали отодвигаться от меня, одна шепнула на ухо жарко:

— Но все равно от нас не скроетесь, герой...

Они упорхнули, глерды прошли мимо, традиционно не удостоив меня вниманием, а я так и эдак поворачивал новую идею, что шпионить за королевой могут как слуги и стражники, так и фрейлины. Им даже проще, всегда в пределах доступности к дворцовым тайнам.

А если знать, какая с каким глердом общается достаточно тесно, можно понять, к каким тайнам у кого доступ.

В здание поспешно входят с залитого оранжевым огнем двора и останавливаются в холле, тревожно переговариваясь. Я переступил порог, прищурился от яркого света.

На небе страшно и прекрасно полыхает огромное оранжевое солнце, а по небу быстро бежит, словно скользит, зеленое. И хотя вредит только в одиночестве, но есть поверье, что на особо чувствительных действует и при оранжевом, потому особо пугливые по возможности избегают зеленого вообще.

В полупустом дворе гвардейцы королевы бдят, пост ни один не покинул, да и вообще этот народ не суеверный, Фицроя не видно. Как уже знаю, искать можно до бесконечности.

При его непредсказуемости может оказаться где угодно, любопытный, как Марко Поло, потому я прошелся наискось до башни Рундельштотта, поколебался, глядя на узкие окошки на огромной высоте.

Стражники смотрят не только с почтением, но и некой симпатией, чувствуют, к ним я ближе, чем к родовитым придворным.

— Рундельштотт, — спросил я, — там?.. Или вышел куда-нибудь?

Один ответил осторожно:

— Вроде бы не выходил... Если только не перекинулся незримником. Говорят, некоторые могут... Сейчас, правда, он вроде бы чем-то очень рассердил ее величество, от стыда не выходит из своей кельи. А к королеве вхож маг Строуд.

— Это я заметил, — обронил я. — Пожалуй, тогда загляну к Рундельштотту.

Они отступили, я отворил тяжелую дверь, эта винтовая лестница всякий раз нагоняет тоску, но здесь люди других способов подниматься вверх не знают, если только не колдуны, и я обреченно побежал наверх, ступая через ступеньку.

Рундельштотт полулежит на ложе, дряхлый и с обвисшим лицом, в дряблой руке медная чаша. Я издали уловил сильный аромат хорошего вина.

— Учитель, — сказал я почтительно и с тревогой, — вы как? В смысле, здоровье ниче так?

Его веки припухли, как нижние, так и верхние, но я рассмотрел, что белки глаз в полопавшихся кровеносных сосудах, нехорошо, да и дышит тяжело, с хрипами.

— А ты как думаешь? — поинтересовался он недобрым голосом.

— Думаю, — ответил я осторожно, — просто великолепно. Вином ее величество снабжает вас отменным.

Он хмыкнул.

— Вином? Королева?.. Юноша, ты в самом деле забрался к нам откуда-то очень издалека. Королева обо мне забыла. А вино... Это чуть ли не единственное, что

могу создавать из мелочей. Даже куска хлеба не могу.. А вино да, не удержался, овладел этими знаниями в молодости.

Я сказал с сочувствием:

— Вы великий чародей, мастер. Что вино, хлеб, драгоценности и прочая ерунда? А то, что вы сумели пробить туннель в другой мир — великое открытие! Настоящий Улучшатель — это вы, мастер. А я что, по мелочи... Подковы, прялку... Но вот чего не пойму, магия в самом деле запрещена?.. Если так все строго, то почему только что встретил Строуда прямо в главном дворце королевы?

Он нахмурился, вопрос точно неприятен, ответил с усилием:

— Магия запрещена... вообще. В целом. Это значит, везде в королевстве, но королева, как и все короли, имеет право пользоваться магией, так как она как бы мать всему королевству и заботится обо всех. Ей можно. Кто пользуется магией, тот сталкивается с большими опасностями и, что еще хуже, соблазнами. Ее величество берет это на себя.

— Понятно, — согласился я. — Это как право доступа, уровень секретности. Чем человек выше по должности, тем ему больше можно. Он как бы проверенный. Но не страшно королям, что сильный маг может отобрать трон?

Он подумал, пожал плечами.

— Говорят, в старину такие случаи были.

— И как?

Он хмыкнул.

— Магам быстро наскучивало, снова кого-то сажали на престол.

— А сами?

— Чаше всего уходили, — сказал он и уточнил: — Во-

обще. Из королевства. Или в самом королевстве, но на вершины гор... Как тебе сказать, юноша... Я вот не хотел бы сесть на трон. С одной стороны, вроде бы могу обеспечить себя всем, что мне нужно для магии... но должен буду заниматься и всей той унылой ерундой, которой занимается король! Мирить придворных, пресекать заговоры и мятежи, заключать союзы с другими королями, выгонять проворовавшихся министров и подыскивать честных...

— Отвратительно, — согласился я.

Он покачал головой.

— А ради чего?.. Потому короли сами призывают магов в свой дворец, но по королевству велят хватать и жечь на площадях. Контроль! Короли все хотят держать под контролем... Хотя, конечно, это правильно, но признавать не хочется. Среди магов дурных людей много, но беда в том, что даже хороший человек, заполучив магическую мощь, чаще всего становится дурным... или хотя бы совершает очень дурные поступки. Какие бы никогда не совершил, оставаясь простым человеком.

Мне показалось, что бросил на меня очень уж ясный взгляд, потому ответил смиренно:

— Власть портит человека, а магическая — еще как...

— Уже... знаешь?

— Ощутил, — ответил я. — Хочется просто убить, если нужно долго переубеждать. Когда можно убить спорщика... почему не убить?

Он буркнул:

— Вот-вот. Все мы выбираем пути, что проще. Даже если они не совсем...

Он тяжело вздохнул, отпил из чаши, где снова появилось вино. Я поднялся, подошел к окошку. Сквозь эту прорезь в стене рассмотрел прогуливающийся на-

рядный народ, застывших под стенами зданий гвардейцев, а также увидел Фицроя — идет неспешно и с улыбкой, но то и дело поглядывает по сторонам цепко и прицельно.

— Прощаюсь, учитель, — сказал я. — Уверен, мы еще поработаем вместе. Королева запретила нам участвовать в работе над восстановлением Зеркала Древних, но есть варианты еще круче... Когда-то люди могли эти зеркала создавать мановением руки! Пусть одноразовые, но зато...

Он вздрогнул, глаза расширились.

— Но... откуда ты знаешь?

— Вспомните все, — сказал я, — что может пригодиться. Не все же я прочел в королевской библиотеке? А я исчезаю пока что, но еще увидимся!

Вниз я сбежал с такой скоростью, что когда выскочил в самом низу, меня повело в сторону, будто продолжаю бег по винтовой лестнице.

Фицрой увидел, закричал:

— Ты спать туда ходил, что ли?.. Тебя уже неделю разыскивает Руперт!

Я потер ладонью лоб.

— Знаешь, Фицрой... Что-то мне здесь не очень нравится.

— Мне тоже, — ответил он с живостью. — Плюнем на все и махнем дальше?.. Можно через Уламрию и Опалоссу, там дальше непонятное королевство Гонтерра. Говорят, полностью закрыто для чужаков. Или двинуться через Кельмию, за ним Крешта, королевство колдунов и чудищ, как о нем говорят! Брешут, конечно, но наверняка что-то интересное, иначе бы так не говорили.

Со стороны дворца к нам бегом, теряя достоинство, ринулся Терминус, крикнул:

— Глерд Юджин!.. Глерд Юджин!.. Вас разыскивает начальник охраны...

— Он уже нашел, — ответил я и помахал рукой появившемуся на ступеньках главного здания Картеру. — Что-то важное?

— Не знаю, — ответил Терминус, — как для вас, но для меня нет ничего важнее распоряжений моего начальника.

— Хорошо сказано, — одобрил я. — Переходите служить мне, Терминус!.. Ладно-ладно, я пошутил, убедите ладонь с рукояти меча, а то я вам ее нечаянно сломаю. И меч тоже.

Фицрой гоготнул, но остался на месте, а я пошел навстречу Картеру. Тот остановился, а когда я приблизился, сказал негромко:

— Пойдемте, глерд.

— Если в кабак... — начал я, но он прервал:

— Ее величество изволит пожелать дать вам свое королевское поручение.

— Какое счастье, — сказал я. — Всю жизнь мечтал слезть с дивана и носиться, высунув язык, с поручениями.

— Вам повезло, — ответил он без тени улыбки. — Я вот ношусь с поручениями, а мечтаю когда-нибудь залечь на диван.

Мы шли плечо в плечо, мирно беседуя. Но, как мне показалось, Картер изо всех сил старается создавать это впечатление для всех, кто встречается во дворе или видит нас.

Я ощутил на себе чей-то взгляд, в котором ни вражды, ни дружбы, а только внимательная оценка; вскинул голову — на балконе второго этажа, навалившись животом на перила балюстрады, стоит Карелла Задумчивая.

Поймав мой взгляд, улыбнулась радостно и зовуще. Я помахал ей рукой, но крикнуть ничего не успел, Картер настойчиво держит за локоть и утаскивает под карниз парадного входа.

В холле в нашу сторону все оглядываются и, остановившись, кланяются, что бы это значило, надо подумать, но не успел. Картер, все ускоряя шаг, втащил на нужный этаж и только перед дверью королевского кабинета выпустил мой локоть.

Королева повернулась в нашу сторону, я успел заметить, как ее встревоженное лицо стало непроницаемо спокойным. Нет, повернулась уже с непроницаемо спокойным выражением лица, но я по остаточному движению мышц восстановил, каким было несколько секунд назад, и в сердце шевельнулось нечто вроде сочувствия.

Мы поклонились, она произнесла холодно:

— Глерд Картер, благодарю вас. Глерд Юджин, пойдите.

Картер вышел, я приблизился, поклонился.

— Ваше величество?.. Позвольте?

Она сказала недовольно:

— Что у вас еще?

— Новости, — сказал я бодро. — Вообще-то хорошие.

Королева ожгла меня злым взглядом.

— Что значит «вообще-то»?

Слова произносит четко и громко, не забыла, что мы сейчас выбалтываем сокровенные тайны обороны; я приосанился и начал докладывать с некоторой поспешностью:

— В целом, в целом хорошие. Ваши люди отыскивали еще троих химер, очень сильных! Настолько, что каждая справится с десятком крепких воинов. Но не это главное...

— А что?

— Ваше величество, — сказал я, — эти тоже могут становиться невидимыми почти на весь день!.. Не на день в смысле день, а днем. Только к ночи их сила слабеет, ночью лучше спрятаться.

Она спросила с недоверием:

— И что, нет простейших заклятий, чтобы их сделать видимыми?

— Нет, — ответил я с чувством превосходства. — Простейших нет. Есть, правда, пара достаточно сложных, но ими владеют только в гильдии магов Селентию, да и то не все. Так что можно сказать, от наступающих войск короля Антриаса защиты не будет...

Она поморщилась, со вздохом отложила гусиное перо.

— Отвратительно... Как это постыдно для королевы прибегать к услугам таких существ!

Я развел руками.

— Ваше величество, все люди понимают, что вы прижаты к стене, потому вынуждены... Кроме того, их присутствие в войске будет держаться в строжайшей тайне!

Она тяжело вздохнула.

— Да-да, понимаю. Но как только все закончится, дайте им золота и уберите куда-нибудь подальше.

— Ваше величество, — сказал я, — они пришли к вам не ради золота. Чем-то король Антриас сильно досадил их племени, потому будут сражаться с яростью... Они обещают добраться и до самого короля.

Она вскрикнула:

— Ни в коем случае!

— Да-да, — согласился я торопливо, — королевские особы неприкосновенны. Только в самом крайнем случае, когда здесь будет гибнуть все... Ваше величество,

я с вашего разрешения пойду приму их и где-нибудь устрою, чтобы они никому на глаза не попадались.

— Идите, глерд, — ответила она со вздохом. — Как же ненавижу все эти ваши войны!

Я поклонился и вышел. Картер все еще в коридоре строгим голосом дает наставления гвардейцам, я шепнул тихо:

— Вызови королеву в ее столовую.

Он дернулся.

— Глерд, вы в своем уме?

— Скажите, — посоветовал я, — что я хочу с нею выпить перед обратной дорогой в свой замок.

Он вскипел:

— Глерд, эта наглость вам...

— Руперт, — прервал я, — просто передайте.

— Если рассердится, — пообещал он, — я сам пове-
шу вас собственными руками.

Глава 5

Я ждал в столовой, когда дверь распахнулась, в коридоре королева, ее фрейлины и охрана, но она велела жестом закрыть за собой и пошла ко мне рассерженная и настороженная.

— Что случилось?

Я уже стоял в почтительной позе, это нетрудно, поклонился, женщинам как-то совсем легко кланяться, уж и не знаю почему, сразу же ответил со всей учтивостью:

— Думаю, шпион уже передает через кого-то сведения о могучих химерах в вашем войске. Но я просил уделить мне еще пару минут наедине и в таком месте,

где не подслушают, по другому делу. С вашего разрешения, ваше величество, я заеду к принцу Роммельсу, где проведу порученные вами переговоры.

Она вскипела.

— Глерд! Что вы себе позволяете?

Я переспросил в недоумении:

— Ваше величество?

— Что вы задумали?... Я уже не говорю, что вы назвали этого разбойника принцем!

— Ваше величество, — сказал я и придвинул ей кресло, — прошу вас. Здесь мягко и тепло, будто садитесь на большую жирную кошку. Я всего лишь твердо выполняю ваши указания насчет укрепления обороноспособности нашего-вашего государства и упрочения его прочной прочности!.. А также готовности во всеоружии встретить различные угрозы со стороны сами знаете кого!

Она хоть и села, но и сидя выглядит такой же грозной королевой, произнесла очень тихо, но четко, что уже признак настоящего, а не показного гнева:

— Что... это... значит?

— У принца Роммельса, — сказал я и заметил, что она снова дернулась при слова «принц», — собрана пусть не армия, а шайки разбойников, но это большие шайки. Или пусть мелкие, но много... что вообще-то одно и то же для вашей цели.

Она спросила с придыханием, как сказала бы пантера перед прыжком на жертву, если бы заговорила:

— Для... какой?

— Вы даете свободный проход армии короля, — напомнил я, — как и все верные вам глерды, сами же запираются в крепостях, ждут, когда Антриас пройдет мимо. Однако принц Роммельс вам не подчиняется, что хорошо и просто замечательно.

— Глерд!

Она вскипела, я умоляюще выставил перед собой ладони.

— Ваше величество! Вы же величество, а не женщина! Те всегда перебивают, не давая договорить, и на основании недослышанного такое наворачивают...

Она с трудом сдержалась, выдохнула сквозь стиснутые зубы:

— Говорите. Но покороче. Не прячьте смысл во многословии.

— Ваше величество, — продолжил я с укором, — я же красивую фанаберию развожу, потому что во дворце, а не среди пьяных солдат! Чтоб все красиво было... В общем, Роммельс вам не подчиняется, и это здорово... Погодите, умоляю, не вешайте меня, пока не договорил!.. Я имею в виду, что когда прикажете глердам освободить дороги и отважно запереться в крепостях, Роммельс нахально... он же нахальный?.. проигнорирует ваши приказы. И... нападет!

Она подумала, покачала головой.

— Его уничтожат за один день.

— Все равно сразу двух собак одним камнем, — сказал я. — И армия задержится хоть на день, и от разбойников избавитесь. Но когда Роммельс начнет нападать по дороге на армию уламрийцев, Антриас не станет обвинять вас в нарушении договора...

Она поморщилась.

— Сброд под рукой разбойника Роммельса не в состоянии сражаться с армией короля Антриаса.

Я громко и красиво изумился:

— Ваше величество! Кто сказал «сражаться»? Да плюньте тому в рожу!.. Вот так возьмите и плюньте, это дает такое самоудовлетворение, доктор Фрейд рекомендует... Шайки Роммельса будут перехватывать

фуражиров Антриаса. Как только те отойдут от армии хоть на полмили в ближайшие придорожные села за провиантом, так этих фуражиром и порубят!.. Двойная выгода: и людей у Антриаса будет меньше, и армия начнет голодать... Вам что, чужую армию жалко?

Она закрыла рот, уже распахнутый для крика, задумалась. Я терпеливо ждал, наконец она проговорила с некоторой неохотой:

— Это новый поворот...

— Да, — согласился я. — Для Нижних Долин.

Она стегнула по мне, как кнутом, взглядом, решила, что иронизирую над провинциальностью королевства на краю земли.

— Армия с голоду не вымрет, — напомнила она зло. — Пересечь наше королевство она успеет.

— Вот и прекрасно, — сказал я. — Нечего ей тут и здесь! Пересечет усталая, измученная, голодная, постоянно недосыпающая, потому что роммельсцы будут по ночам устраивать... нет, имитировать нападения, и уламы вынуждены будут спать в доспехах и с мечами в руках. Ваше величество, какой это сон, когда постоянно ожидаешь, что вот-вот в лагерь ворвутся эти дикие и дурно пахнущие разбойники, не знающие правил благородной войны и не берущие в плен?

Она задумалась, положила на столешницу руки. Я молча смотрел, как она с силой стиснула кулаки.

— Все-таки Антриас, — проговорила она, — по дороге в Дронтарию потеряет только отряды фуражиров.

— Возможно, — сказал я скромно, — еще и обоз... Не будем загадывать, ваше величество, но армия без обоза — это уже не армия, а такие же голодные толпы разбойников... В любом случае из королевства Нижние Долины в королевство Дронтария вторгнется голодная, усталая и донельзя измученная как бы армия.

— Где ее уже будет ждать, — договорила она, — укрепившись на заранее выбранных позициях, армия Дронтари? Вы к этому клоните?

— Не забывайте, — напомнил я, — армия Уламрии понесет немалые потери, уничтожая дикое племя гуцаров. У короля Астрингера будет шанс в одиночку разбить Антриаса... не говоря уже о том, что армия Нижних Долин не пропустит уламов обратно.

— Это хорошо, — произнесла она, — глерд Юджин, и даже прекрасно... настолько, что я даже не верю в удачу... А где, кстати, вы усвоили такие знания в военной стратегии и тактике?

— Ваше величество, — напомнил я, — мы как бы молча договорились оставить мое прошлое большим секретом для всех и не упоминать как бы лично?

Она наклонила голову.

— Вы правы, глерд. Одно только вызывает сомнение...

— Ваше величество?

— Зачем это самому Роммельсу?

— А патриотизм? — спросил я. Увидев недоумение на ее лице, пояснил: — Личная выгода?.. Иностранных захватчиков никто не любит, а он, начав войну с армией всесильного Антриаса, покажет себя преданным Нижним Долинам и обеспечит себе симпатии даже тех, кто готов его сжечь на медленном огне.

Она подумала, приподняла одну бровь.

— Да, это несомненно. Однако этого мало.

— Можно дать больше, — предложил я. — Нет, не обязательно титул глерда, он и сам его не примет, так как принц, надо же, но можно вообще-то постепенно перевести его справедливую борьбу за идеалы в плоскость оппозиционной партии... в русло, так сказать. А у вас будет справедливая демократическая монархия с человеческим лицом!

Она вскинула на меня вопрошающий взгляд.

— Что такое... ладно, об этом потом. Перед отъездом зайдите ко мне, передам письмо для короля Ас-трингера.

— Да, — подтвердил я, — очень мудро. Пусть пока поработает на благо королевства, а потом вы решите, дать пряник или не дать. И какого размера. Вообще, ваше величество, играть нужно по-женски хитро, это и есть подлинная дипломатия. Мы, мужчины, пока что плохие дипломаты, слишком честные и правильные. Со временем, конечно, женщины омаскулинятся, а мужчины офеминизятся, но сейчас есть то, что есть, что хорошо и потому неприемлемо.

— Глерд?

Я поднялся, поклонился.

— Начинаем!

Она чуть-чуть поморщилась, никто не смеет вот так самовольно подниматься и заканчивать разговор с королевой, но я чужеземец, местные правила этикета не знаю, такому простительно, и она с усилием наклонила голову.

— Да, глерд. Вы придумали почти хорошо.

Я ответил почтительно:

— Ваше величество, это же придумали вы! Я только уловил и ринулся со всех двенадцати ног исполнять.

Она чуть изогнула губы, то ли в улыбке, то ли в гримасе.

— Не льстите мне, глерд. Я признаю свои заслуги, но признаю и чужие.

Я вышел, осторожно прикрыв дверь, в коридоре целая толпа взволнованно шушукającychся фрейлин, тут же Мяффнер и Джоэл, еще какие-то крайне нужные, видимо, лица; Мяффнер ухватил меня за руку.

— Глерд, что хотела королева?

— Ну и вопросы у вас, — ответил я. — А я уж подумал, что вы хитрый царедворец.

Он отмахнулся.

— Некогда плести интриги, глерд!

— Я отправлюсь в свое имение, — сообщил я, — надо почувствовать себя хозяином, потешить свою плоть... имею в виду, чувство достоинства... Тьфу, потешить самолюбие, я же высокий глерд, богатый и толстый...

Оставив остальных в коридоре ждать королеву, он пошел со мной рядом, торопливо перебирая короткие ножками.

Я сжалился и замедлил шаг, а на лестнице он сообщил негромко:

— Через час зайдите за письмом. Ее величество к тому времени его обдумает и напишет.

— Прекрасно, — ответил я бодро. — Целый час времени! Куда его деть?

Он посмотрел косо.

— Вы говорите так, будто час в самом деле много. Люди годы жизни тратят впустую. Ладно, не теряйтесь.

У муравьев есть особая каста солдат, а в ней еще подкаста самых крупных воинов с гигантскими челюстями. Эти идут впереди, сеют страх, они недолговечны, погибают первыми, их замечают и склевывают птицы, но они нужны племени, так как принимают удар на себя и отвлекают внимание от более важных.

У людей такая функция была всегда у берсерков. Они рождались и жили не для себя, а только для племени. У берсерков не бывает семей, друзей, привязанностей, их основная цель в жизни — в минуту опасности принять удар на себя и сражаться, не отступая ни на шаг.

Здесь их функция вручена гвардейцам королевы. Наиболее преданные, они же самые крупные, могучие, одним видом внушающие оторопь, когда смотришь на такого гиганта и понимаешь, что он раздавит тебя как муху...

Мне бы таких десятков, чтобы страховали от разных неожиданностей. Я человек с особенностями: мой удар страшен, но сам я слабее тли. В том смысле, что обычно меч и щит совершенствуются одновременно, а у меня меч круче некуда, а защита как у всех здесь. А чутье не всегда срабатывает — когда устал или чем-то отвлекся, то и не почувешь, когда что-то на спину прыгнет...

Гуртом можно завалить кого угодно, а гвардейцев королевы нужно разить только насмерть, они — последняя линия защиты королевы, потому не отступят, не сдадутся, будут принимать огонь на себя до последней капли крови, пока защищаемые ими будут убегать или прятаться...

Я побродил по главному зданию дворца, нахально проверяя, куда мне доступ открыт, куда не пускают, а куда войти разрешают, но на мордах такое выражение, что убили бы, дескать, с радостью...

Женщины сдержанно, но опасливо улыбаются, на их лицах страх и любопытство, я здесь прохожу по незримой графе чересчур быстро вознесенного к трону человека. Дружба с которым может быть крайне выгодной, но и крайне опасной...

Я вздрогнул, когда за спиной раздался такой негромкий голос, что я едва расслышал, это королевский секретарь приблизился, неслышный и неподвижный:

— Ее величество ждет вас в комнате с балконом.

— Принято, — ответил я. — Надеюсь, найду.

— Подскажут, — шепнул он и пропал так же неслышно, как и появился.

На всякий случай я пошел почти зигзагом, как бы прогуливаясь, рассматривая женщин, на лестнице тоже посматривал по сторонам, за мной могут теперь приглядывать, я хоть и темная лошадка, но уже заметная, типа брабанта или першерона.

Комнату с балконом вычислил, даже не отсчитывая шаги от лестницы, просто прикинул размеры ее апартаментов и двух кабинетов, а балконами в свое время полюбовался со двора.

Королевские гвардейцы на меня даже не посмотрели, а один из слуг как только увидел мою фигуру еще в конце коридора, сразу же вдвинулся в комнату, через пару секунд вышел и придержал дверь открытой.

— Глерд...

Комната мелковата, обставлена для отдыха, а на той стороне распахнута дверь на балкон, откуда льется солнечный свет и доносится конское ржание, людской говор.

Королева в тени за столом в комнате, просматривает бумаги, явно поданные на подпись, медленно подняла голову.

— А, это вы, глерд... Садитесь.

Я сказал вежливо:

— Да вот мимо шел, думаю, дай загляну, ваше величество. Спасибо.

Она смотрела хмуро, как я сел, спокойно и даже чуточку развалившись, словно и я король или что-то подобное.

— Я приняла ряд решений, — произнесла она ровным голосом.

— Конечно, серьезных, — подсказал я соответствующим тоном.

— Очень серьезных, — уточнила она, чуть повысив голос.

— Я весь внимание, ваше величество, — ответил я. — И весь, как вы видите, полное смирение. И польщен высоким доверием.

Уголки ее рта недовольно дернулись, а я постарался выглядеть как придворный, а не как, вперил в нее взгляд почти преданных глаз.

Она сказала сухо:

— Вы отправитесь в Буйлары.

— А это чё?..

— Столица королевства Дронтария, — пояснила она. — Ах да, ее недавно зачем-то переименовали в Шмитберг.

— На вечное поселение? — поинтересовался я. — Ах да, там южное море... Как Овидия, был у нас такой поэт, жаловался на лютые морозы в ссылке.

Она сдвинула брови, взгляд стал острее.

— С посланием к королю Астрингеру.

— Мудро, ваше величество, — сказал я льстиво. — Вы придумали хороший ход!

Она нахмурилась сильнее.

— Напоминаете, что придумали вы, глерд?

— Ни в коей мере, — запротестовал я. — Мало ли что мы предлагаем! Мудрость правителя в том, чтобы выбрать самый лучший вариант.

— И какой, — поинтересовалась она несколько злоеуще, — я выбрала вариант?

Я нагло ухмыльнулся и сказал ей прямо в глаза:

— Хоть режьте меня, ваше величество за правду-матку, но я скажу ее вам прямо в глаза: вы, ваше величество, великая королева!.. Вы просто гениальная королева! И потому выбрали самое лучшее, как вы всегда делаете и хапаете первой... В смысле, опережаете стратегических соперников благодаря своей быстроумности, прозорливости и... ловкости ума и рук!

Глава 6

Она помолчала, придавливая меня тяжелым взглядом. Я продолжал нагло и смиренно улыбаться, готовый признать ее вообще величайшей королевой всех времен и народов.

Не успела она раскрыть рот, как я звонко хлопнул себя по лбу.

— Кстати, съездить к этому принцу Роммельсу стоит не только насчет совместной... ваше величество, это же правда!.. совместной борьбы с иноземными захватчиками наших свобод и привилегий, а также... как ее... ага, независимости!.

Ее лицо выразило отвращение.

— А насчет чего еще?

— Принц Роммельс, — ответил я, — очень активный, очень инициативный, хороший руководитель и хозяйственник. Такие королевству при острой нехватке кадров везде в цене. Мог бы возглавить умеренную оппозицию, пробивать нужные законы, добиваться больше прав для воров и грабителей... В парламенте были бы представлены все слои общества, начиная от знатнейших глердов до разбойников и пиратов.

Она буркнула:

— Что за пираты?

— Разбойники, — объяснил я, — но морские. Нападают на корабли. Пираты, корсары, буканьеры, флибустьеры, менеджеры, каперы... Различаются между собой уставами и правилами, но для нас они все просто преступники.

Она посмотрела на меня с испугом и отвращением.

— Что за ужасы... Вы сами хотите поехать в разбойное гнездо Роммельса?

Я отшатнулся.

— Почему я?.. Пошлите кого не жалко. Я ценный кадр! И красивый. По утрам просто не могу отойти от зеркала. Я лучше отправлюсь к королю Дронтарию. Все-таки море...

Она продолжала смотреть с невысказанным вопросом, я понизил голос и сказал почти шепотом:

— Ваше величество, все сделано. Как вы и велели.

Она нахмурилась.

— Разве я что-то велела?

— Простите, — сказал я, — это я от усталости на почве служения... И восхищения тоже, как бы восторга. Восторг — это крайняя степень восхищения вашей мудростью и величием.

Она сказала резче, но все тем же шепотом:

— Перестаньте. Ничего я не велела. Я только... не мешала. И зачем вы сказали, что против таких химер все-таки есть мощное заклятие? Король Андриас велит тем умельцам ехать в его войске!

— Вы мудры, — сказал я елеинным голосом. — И даже как бы очень мудры!.. Если такого заклятия не оказалось бы вовсе, король Андриас сразу же начал бы наступление, вся равно ничего не поделаться... Но если есть, то нужно на всякий случай заполучить...

Она все еще смотрела с непониманием.

— Дальше.

— Я прочел, — сообщил я, — что заклятие, делающее незримых химер видимыми, есть только у членов гильдии магов Селентии, а еще... его невозможно выучить так просто, на это уходят годы. Андриасу, если восхочется защиту от таких химер, нужно будет одного-двух магов из Селентии везти в своем обозе... или при себе лично. А там такие дряхлые старики, что это надолго затормозит наступление его армии.

Она поинтересовалась:

— А если решит обойтись без них?

— Вероятность велика, — признался я, — но все же больше шансов на то, что смирит свое нетерпение и все же усилит свою защиту. Тем более что он теперь один, войска Опалоссы с ним не пойдут.

Она подумала, кивнула, но лицо оставалось таким же напряженным, а в глазах не угасала тревога.

— Не нравятся мне такие сложные игры, — произнесла она. — Хотя понимаю, побеждает тот, кто сумеет перехитрить.

Дверь приоткрылась, заглянул слуга.

— Его глердство канцлер...

Королева чуть наклонила голову.

— Пусть войдет.

Мяффнер не вошел, а почти вкатился на коротких ножках, семена ими так быстро, что буквально подплыл к нам. Королева кивнула ему на свободное кресло.

— Глерд, — спросила она, — вы разобрались с тем, что ожидается в землях гуцаров?

Он ответил почтительно:

— Да, ваше величество. Все данные говорят, что, как мы и предполагали, гуцары будут сражаться отчаянно и нанесут армии Антриаса немалый урон. Так что он зачистит те земли для вас.

— А не для себя? — уточнила она.

Он замялся, я поспешил глерд-канцлеру на помощь:

— Дело в том, ваше величество, что в результате нашей... в смысле вашей, активной политики можно решить эту проблему окончательно.

— Что-что?

— Что именно сообщают ваши люди из королевства Опалосса? — спросил я. — Если корону взял в руки Плаций, законный король, то он должен быть заинте-

ресован обезопасить себя от воинственной Уламрии, что всегда угрожала их существованию и понемногу оттяпывала земли?.. А разве подвернется момент удачнее, чем ввести свои войска в Уламерию, когда вся армия во главе с королем Антриасом отправится через Нижние Долины и увязнет в боях на границе с Дронтарией?

Она молчала, как и Мяффнер, слишком уж неожиданный поворот я предложил. Перспективы в самом деле могут быть грандиозными, то есть навсегда избавиться от угрозы со стороны Уламрии. Однако такое возможно, если только все совпадет самым благоприятным образом. И все будут действовать согласованно.

Мяффнер заговорил медленно:

— Армия его величества короля Антриаса встретит неожиданно упорное сопротивление местных глердов Дронтарии, что успеют стянуть войска навстречу. Побеждая в тяжелых боях, уламы начнут продвижение вглубь страны...

Я добавил:

— А в этот момент армия ее величества и все боевые дружины ее глердов выходят из крепостей и перекрывают дорогу обратно! Войска короля Антриаса оказываются зажаты между двумя недружественными королевствами. Очень даже недружественными.

— А в самой Уламрии, — сказал Мяффнер мечтательно, — благодаря вторжению войск со стороны Опалоссы власть короля Антриаса рушится... Ох, это слишком хорошо, чтобы оказалось правдой. Так не бывает.

Королева произнесла со вздохом:

— Да, план хорош... Даже слишком. Такие осуществить не удастся.

— Если так считать, — сказал я, — то не удастся точно. Но у вашего величества достаточно мудрости, чтобы принимать и те решения, которые вашему вели-

честву не нравятся. И, ваше величество, даже осторожные и медлительные правители иногда решаются на очень резкие шаги...

Мяффнер добавил:

— ... если ставки высоки.

— И если риск оправдан, — добавила королева задумчиво и, как мне показалось, с явной неприязнью.

— Оправдан или не оправдан, — сказал я, — решать ее величеству. Оно хоть и осторожное, но умеющее рассчитывать. Здесь сложная партия, но ее величество разберется. А не разберется...

Я замолчал, Мяффнер спросил жалобно:

— Тогда что?

— Вместо Нижних Долин будет другое королевство. В мировой экономике ничего в общем-то не изменится. Одни королевства исчезают, другие возникают. Очень мало таких, кто ухитрится выживать во всех войнах и катаклизмах.

Он вскипел:

— Вы что такое говорите?

Я пожал плечами:

— Глерд... Когда мой конь несся из Уламрии напрямик, он задел копытом муравейник. Большой такой, мне до колена. И снес почти целиком, разметал на три шага. Для муравьев, скажу вам, это чуть ли не конец мира!.. Но лес такой исполинской катастрофы как-то не заметил, представляете? Исчезновения королевства Нижние Долины мир тоже не заметит. Это вам говорю я, человек, прочитавший в библиотеке ее величества о сотнях королевств, которые, кто бы подумал, были огромные и могущественные, но где-то допустили ошибки. История, уж поверьте, неумолимо ведет отбор.

Мяффнер сказал умоляюще:

— Перестаньте! Я понимаю, мы в самом деле можем исчезнуть, если примем неверное решение.

— Или не примем верное, — сказал я жестко, — если глерд Иршир предлагает поосторожничать и ничего не предпринимать. Мол, пронесет.

Он умолк и даже дыхание придержал, глядя на королеву. Она молчала, глядя перед собой и поверх наших голов. Мяффнер не выдержал, тяжело вздохнул.

— Я приму решение сегодня же, — возвестила королева. — Вас известят.

Мы поднялись, отвесили поклоны и потащились к двери. Я чувствовал, что королева желает что-то сказать наедине, но оставлять меня сейчас, когда вытолкала в шею глерд-канцлера, как-то не с руки.

Утром Фицрой взыграл, когда я заявил, что меня отправляют с важной миссией в Дронтарию, а это в противоположную от Уламрии сторону. Если он готов присоединиться, то, возможно, увидим настоящее море, до которого он так и не добрался.

— Это у тебя такие шуточки? — спросил он. — Я бы и без тебя поехал в Дронтарию. Тут осталось совсем немного знатных вельмож, которых еще не обыграл, несколько женщин, которых еще не пощупал, и почти нет таких винных подвалов, из которых не отведал бы вина.

— Тогда проверь коней, — посоветовал я, — королева велела выделить лучших. Я могу ошибиться, но тебя не проведешь, верно?

Он ухмыльнулся.

— Ты делай свое, а за коней не волнуйся. Разберусь.

Через полчаса я уже стоял перед королевой, а она вручила мне перевитый красными лентами и скрепленный сургучом с печатями пенал, внутри которого

свернутый в трубку лист письма к королю Дронтарии Астрингеру.

— Глерд, — сказала она, — теперь очень многое зависит от вас.

— Я сделаю даже больше, — пообещал я.

— Глерд?

— Наловлю для вашего величества рыбы, — пояснил я. — Вы рыбу едите?.. Ну вот, а там, как я слышал, море.

— Без рыбы я проживу, — ответила она сухо, не до шуток, мой тон почему-то не нравится, — а вот договор с королем Астрингером был бы кстати. О взаимодействии.

— Ваше величество, — шепнул я, — только ни в коем случае никому не говорите, что знаете насчет плана короля Антриаса пройти через королевство и ударить по Дронтарии!.. Разве что Мяффнеру, он и так это знает.

Она ответила так же приглушенно, но сухим голосом:

— Догадываюсь.

— Нельзя раскрывать карты раньше времени, — пояснил я занудно. — Никому. Вы ж не знаете, кто работает на короля Антриаса?.. И кто просто подрабатывает по мелочи?

— Глерд, — прервала она, — я уж как-то разберусь, что мне делать. Езжайте!

— Как вы меня любите, — сказал я с восторгом, — лишнюю минуту со мной страшитесь побыть... Все-все, уйду, даже убегаю!

Во дворе Фицрой рассматривает придирчиво уже не коней, а сбрую, небрежным шевелением пальцев заставляя убирать одну и подавать другую, еще более яркую, дорогую, наконец вскричал громко, выражая крайнее нетерпение:

— Вы что притащили? Мы едем сватать глерда Юджина, все для него должно быть лучшее!.. Или в самом деле не хотите от него избавиться?

Слуги забегали быстрее, я посматривал с некоторой неловкостью, Фицрой выбрал шесть великолепнейших коней, двое нам под седла, двое в запас и двое под груз, где в моем мешке помимо снайперской винтовки еще и все то, что закупил или насобирав в своем коттедже в последний раз — я же запасливый.

Глава 7

Чистое оранжевое небо, огромное солнце, похожее на ковш с расплавленным золотом, зеленая трава под копытами наших коней, была бы везде такой, не было бы нужды в подковах, свежий чистый воздух, что превращается во встречный ветерок и предостерегающе треплет волосы, если пускаем коней вскачь.

Фицрой наряднее фазана, весь в красно-золотом, только плащ с плеч красиво ниспадает на конскую спину до самой репицы хвоста, белоснежный, расшитый по краям золотой вязью, сапоги из тонко выделанной кожи, как и штаны, только на сапогах еще и металлические вставки якобы для крепости, но на самом деле опять же для бахвальства.

Даже хвастливая шляпа на нем с разноцветными перьями, а рубашку на груди обнажил, все забываю спросить, почему перестал носить тот костюм, что я ему привез из запасов Рундельштотта.

Он поймал мой взгляд, заулыбался во весь рот.

— Ты чего такой хмурый?.. Посмотри, как все на свете радуется!..

— Да так, — ответил я, — все думаю, не заболел ли ты...

Он изумился.

— С чего вдруг?

— Что-то давно никому ничего не продавал, — напомнил я.

Он беспечно отмахнулся.

— Если что-то попадется, почему нет? Я люблю это дело.

— Любишь? — спросил я с упреком. — Наслаждаешься!.. Только мне еще не продал тот зуб дракона...

Он оживился.

— Хошь продам? Дешево!

— Нет уж, — отрезал я. — Мне ты не продашь.

Он печально вздохнул.

— Тебе нет, а жалко. Ты сам такой жук, что даже и не знаю. Потому я такой в тебя влюбленный, никак не пойму, что ты за ящерица.

Дважды заночевали в небольших селах по дороге, а в третьем нам сказали шепотом, что дальше у переправы через речку видели разъезд принца Роммельса. То ли следят за уровнем воды, то ли собирают плату с тех, кто переправляется на эту сторону.

Я подумал, сказал Фицрою:

— Останься здесь, я проведу челночную дипломатию.

— Чё-чё?

— Туды-сюды, — пояснил я. — Быстренько заскочу к Роммельсу, я что, не говорил?.. И тут же обратно.

Он охнул.

— Зачем?

— Да так просто, — объяснил я. — Обнимемся, как братаны, погогочем над королями, и вернусь обратно. Даже напиться не буду.

Он сказал саркастический:

— Так я и поверил... Точно там либо земля провалится, либо гора вырастет... Ладно, но если удержишься, я коней пропью, а мешки и седла продам!

— Договорились, — сказал я. — Себя только не пропей. Не согласишься ли, ты мне даже дороже коня... вон того, заднего.

Фицрой оглянулся.

— С поклажей?

— Нет, — возразил я, — без поклажи. И даже без седла... Пожалуй, и уздечку бы я снял...

Он сказал подчеркнуто зло:

— Езжай! А то еще и подковы захочешь содрать.

Дорога быстро вывела на берег реки, моста нет, как не видно лодок. Я привстал в стременах, ну да, так и есть, понятно даже по тому, что река вдруг разлилась так широко, даже отсюда видно брод...

С этой стороны трое мужиков весело переговариваются, с того берега как раз в воду съехали две подводы, запряженные волами, на первой двое крестьян, на второй мужик и три молодые девки.

Я пустил коня неторопливой рысью, эти трое роммельсовцев уставились на меня с интересом, что и понятно: одинокий всадник, одет богато, без доспехов и оружия, какой-то слишком беспечный, словно сынок богатых родителей, не знающий еще, что не все будут кланяться.

Я крикнул издали:

— Вы, ребята, из отряда Роммеля?

Они переглянулись, один ответил напыщенно:

— Из армии принца его высочества Роммеля!

— Прекрасно, — ответил я, — значит, еду правильно. Кто-то из вас меня проводит?

Они снова переглянулись, я увидел, как у всех на мордах появляется одинаковое выражение.

Один ответил медленно:

— А кто ты, чтобы тебе самого принца лицезреть?

Двое его соратников начали заходить с двух сторон, а он сам приблизился спереди, как будто не смогу стоптать конем, если понадобится.

— Посланник, — ответил я, — принц будет заинтересован!.. Если так уж заняты... я могу проехать и сам. Этой дорогой?

Двое подошли вплотную, один провел кончиками пальцев по окантовке моего седла, в глазах разрастается хищный блеск, даже дыхание пошло чаще, как у человека, что готовит себя к быстрому взрывному действию.

Я повторил:

— Этой дорогой?.. Ребята, только не глупите. Если видите, что не хватаюсь за рукоять меча, это не значит, что я овечка. Скорее, наоборот.

Старший поднял руку и неспешно взялся за уздечку.

— А мне кажется, — произнес он с триумфом, — ты просто дурак... Стаскивайте его!

Тот, что гладил сапог, первым цапнул меня за ногу, а второй чуть запоздал, но ухватился крепко и жестко.

Я выстрелил в лицо правого, потом тут же повернулся и всадил пулю в лоб левому, а вожак все еще продолжал удерживать коня, на лице только-только начало появляться выражение страха и непонимания.

— И что, — спросил я, — дорога к принцу через речку или вдоль этого берега?

Он ответил слабо:

— Вдоль... Направо... вон тропка...

— Спасибо, — ответил я и выстрелил в него дважды.

Он рухнул навзничь, я натянул повод, конь послушно повернулся, и мы понеслись вдоль берега по едва заметной тропке.

Оглянувшись, я увидел, как обе подводы остано-

лись посреди реки, но вода, что достигает до середины колес, тут же начала подгребать к ним песок, и оба возницы, опомнившись, начали нахлестывать волов, стремясь поскорее выбраться на берег.

Через полмили усмотрел, как ни прятались, двоих в кустах, остановил коня, прокричал:

— Эй, вы там!.. Добычу ждете или дозорные?

Некоторое время там переговаривались злыми и разочарованными голосами, наконец поднялся рослый парень с двумя кинжалами за поясом.

— А кто спрашивает?

— Гонец к принцу, — ответил я кратко. — Донесение срочное. Вам лучше провести меня бегом, от этого зависит!

Он спросил туповато:

— Что зависит?

— Так тебе и скажи, — ответил я саркастически. — А допуск у тебя к государственным тайнам какого уровня?.. А сколько проверок пройдено и с какими оценками?

Он обалдел, стараясь понять вопрос, а из-за кустов поднялся другой, весь в бороде, пробасил мощным голосом:

— Ласло, отведи в лагерь. А мы посмотрим, чтобы за ним никто не явился еще.

Парень очнулся, сказал торопливо:

— Да, проведу... Не отставайте, глерд.

Я хотел сказать, что на коне точно не отстану, но он бросился бежать вдоль берега с такой скоростью, что пришлось пустить коня в галоп, а потом тропка запетляла, растерявшись, куда бежать, с перепугу юркнула в лес. А там то коряги, то нависающие ветки, но я успевал пригибаться, конь тоже перепрыгивал вовремя,

и наконец тропка стала плотнее и шире, впереди показались шалаши.

Мы промчались мимо первых часовых, но перед вторым рядом провожатый не только замедлил бег, но и остановился, крикнул запыхавшись:

— Гонец к принцу!..

Мужики с пиками и луками в руках внимательно оглядели меня, я добродушно улыбался, им это не понравилось, должен бы бояться их вида, непорядок, один сказал хмуро:

— Возвращайся. Дальше отведу сам.

Я дождался, когда он молча кивнул мне и пошел впереди. Я некоторое время ехал на расстоянии, а когда тропка расширилась, пустил коня с ним рядом.

Он покосился на неприятного соседа, буркнул:

— Как нас отыскиали?

Я ответил беспечно:

— Встретил там троих ваших у брода. Взимали с крестьян пошлину за переправу.

Он нахмурился.

— Пошлину? За переправу?.. Мы не посылали туда таких.

— Правда? — спросил я. — А ваше... руководство?

— Нет, — отрезал он. — У нас давно так не собирают.

— Ого, — сказал я с удовлетворением. — Значит, уже порядок и законность? Прекрасно... Тогда почему те... или мелкие разбойники грабят крупных?.. Это не ново. Хотя что в жизни ново?.. А где сам Роммельс?

Он переспросил с надменностью в голове и взоре:

— Вы о принце?

— Да, — подтвердил я, — о принце. Или, думаете, я ехал пожаловаться на грабящих вас разбойников?

— Нас никто не смеет грабить, — огрызнулся он. — Даже королева!

— Хороший ответ, — согласился я. — Так где принц?

Некоторое время он не отвечал, за это время мимо нас пошли шалаши, народ попадаетеся диковатый с виду, все с топорами за поясом, большинство сидят у костров, от безделья пьют и едят, а чем еще заниматься в ожидании дня, когда надо будет встать и спасти мир.

Он остановился резко, бросил, не глядя на меня:

— Ждите здесь, глерд. Вы же глерд?.. Его высочеству сообщат. Как только возжелает, прибудет.

— Если будет медлить, — обронил я, — то не узнает нечто. Да, нечто. Я ждать долго не буду.

Он процедил сквозь зубы:

— Вы пробудете здесь столько, сколько изволим мы.

— Не думаю, — ответил я. — Те трое тоже так почему-то решили, но на мне ни царапины, а их головы превратились во что-то неприятное. Сейчас там вороны, что с интересом наблюдали за нами, пируют их мозгами. Дураки, верно?.. Нет, не вороны, а те грабители. Думаю, они не одни на свете дураки... Есть еще, верно?.. Как думаешь, где они?

Он снова смерил меня с головы до ног взглядом, полным подозрения, наконец кивнул одному из наблюдавших за нами разбойников.

— Сбегай к его высочеству. Доложи.

Разбойник переспросил туповато:

— Чё доложить?

Мой провожатый поморщился.

— Что видишь. И что услышал. Нам скрывать нечего.

— Прекрасно, — одобрил я. — Свобода слова, информации... это важнейший элемент правового общества! Я так и думал, что свобода зарождается как-то вот так интересно и несвоеобычно... И что отсюда растут ноги у правового общества, не скованного никакими

предрассудками, условностями, общества открытой толерантности, мультикультурности и сексуальных свобод! У вас насчет сексуальных свобод как?

Разбойник, посланный за принцем, уже исчез, а провожатый посмотрел на меня исподлобья.

— Насчет баб?.. За ними ходят в деревни.

— Значит, еще нет свобод, — сказал я со вздохом. — Женщины им обязательно нужны! Узкомыслящие люди. Не демократы еще, хотя почти гуманисты. Мало среди вас интеллигентов, что странно, вы же такие свободные и романтические...

Он подтянулся, взор сделал ясным и решительным, а нижнюю челюсть выдвинул вперед. Из чащи в нашу сторону идет быстрыми шагами высокий жилистый человек в хорошо пригнанной по телу одежде глерда, с мечом на боку и кинжалом в ножнах на поясе.

Я сразу понял, что это за «принц», такие могут основать целые династии не только принцев, но и королей, но сами чаще всего даже не знают своих родителей, рожденные и выросшие в каком-нибудь притоне мелких карманников и дешевых шлюх.

Он сразу вперил в меня злой и требовательный взгляд, а я ответил широчайшей улыбкой всегда счастливого и довольного собой и жизнью человека. Но принц есть принц, а я просто глерд, потому я покинул седло, бросил одному в лицо повод.

— Храни!

Вокруг меня уже появились люди с топорами за поясами, один сказал быстро:

— Принц, оружия при нем нет!

Принц остановился передо мной за пару шагов, оглядел с головы до ног.

— Без оружия? — спросил он. — Что за мужчина без оружия?

Провожатый довольно гоготнул. Я ответил мирно:

— Зачем таскать лишнюю тяжесть?.. Оружия хватает там, где бываю... Например, здесь...

Прозвучало это настолько мирно и почти ласково, что все как-то сразу гоготать перестали и торопливо отступили на шаг, шупая топоры и кинжалы, пока не отнял.

Принц тоже посерьезнел, кивнул, не сводя с меня пронизывающего взора.

— Да, встречал таких... С чем прибыл?

— Здесь отвечать, — поинтересовался я многозначительно, — или же где-то за столом? А то в двух словах не рассказать... Хотя могу.

Глава 8

Он посмотрел, прищурившись, я ответил наглой улыбочкой всегда уверенного в себе глерда, пусть глупого, но отважного, и он велел одному из своих:

— Очистить комнату у Камиллы. Подашь туда вина.

— Сделано, — ответил тот браво.

Роммельс сказал негромко:

— Пойдем. Что там насчет каких-то разбойников на переправе?

— Трое собирали дань, — пояснил я. — Именем принца Роммельса на благо его будущего правления. Видимо, на сидение в Санпринге. Это город такой.

Он нахмурился, бросил на меня злой взгляд.

— Я так не делаю. Это были не мои люди!

— Да? — переспросил я с иронией. — Вблизи лагерь?.. Думаю, решили просто подработать.

— Я отыщу и накажу, — сказал он люто. — Никто не смеет меня позорить мелочными поборами.

— Хорошо сказано, — одобрил я. — Воровать — так миллион, а иметь — так королеву.. Я хотел одного оставить в живых, чтобы привел в лагерь, но люди, сами знаете, такие хилые... взял и моментально помер, как и его дружки. Но, думаю, дорогу сюда точно знает. А ваш или не ваш, разбирайтесь сами.

Он зыркнул на меня все так же зло.

— Что, там остались все трое?

— У переправы, — сообщил я. — Но, думаю, их сдвинут с дороги, чтоб проезду не мешали.

За деревьями показался добротный домик, сложенный из бревен, оттуда двое разбойников торопливо выпихивают в спину веселых мужчин с бурдюком вина.

Роммельс сказал морщась:

— У нас переизбыток сил, а помещений мало... Заходите, глерд. Не бойтесь, в спину не ударю.

В помещении достаточно чисто, есть стол и с десятков табуреток и даже три стула. Я сел, не дожидаясь приглашения хозяина, ибо настоящий хозяин здесь, как и во всем королевстве, — Орландия, а я ее полномочный представитель.

Он нахмурился, но сел напротив, громко стукнул кулаком по столешнице. В комнату вбежал юркий малый с кувшином и двумя медными чашами, настоящий слуга по замашкам.

— Прости, принц, — крикнул он весело, — не сразу отыскал!

Взглянув на меня, ухватил чистое полотенце и старательно вытер изнутри обе чаши, расставил перед нами и налил обе до верха.

— Хорошо, — произнес Роммельс. — А пока побудь у крыльца. Посмотри вокруг дома.

Тот бросил на него укоризненный взгляд, но перед чужаком нужно выказывать дисциплину, повернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Роммельс припал к чаше, я наблюдал, как он осушил до дна, снова наполнил и поднял взгляд на меня.

— Не пьешь?

Я отхлебнул, кисловатое, выброжено досуха, то есть интеллигентно сухое, но я человек с нормальными мужскими вкусами, предпочитаю сладкое, пусть даже крепленое, и плевать, что это неинтеллигентно.

— Неплохое, — ответил я равнодушно. — Прибыл я не просто из Санпринга, а из дворца королевы.

— Ого, — сказал он с удовольствием. — Что, в столице решили сдаться и признать мои права на трон?

Я кивнул.

— Точно. И еще решили пряник дать. Большой такой. С дыркой.

— Ну-ну, — поторопил он. — Кто, что, зачем?.. Мяффнер что-то задумал?

Я покачал головой.

— Нет, инициатива королевы. Поручила побывать здесь, оценить и принять решение.

Он усмехнулся.

— Настолько доверяет?.. Хотя это неудивительно.

— Я получил ваше поздравление и благодарность, — подтвердил я. — Королева удивилась, но я видел, ей приятно.

Он оживился.

— Правда?

— Точно-точно, — заверил я. — Всем нам приятно слышать приятности в свой адрес. Но, понятно, от вас было приятнее, чем, скажем, от любого из ее вельмож.

Он засмеялся.

— Те могут и солгать, а мне зачем?.. Я тоже рад.

— И на этой радостной ноте, — сказал я, — переходу к деловой части. Выдам государственную тайну, но, надеюсь, еще несколько недель это не покинет пределы вашего лагеря.

Он посерьезнел, сказал тише:

— Обещаю. Что случилось?

— Армия короля Антриаса готовится вторгнуться в Нижние Долины. Уламрия долго зрела, но сейчас как никогда подготовилась к большой войне.

Он сказал зло:

— Вот сволочь ненасытная... Королева готовится дать отпор?

— Прорабатывается сложный план, — ответил я уклончиво. — Дело в том, что настоящая цель Антриаса — Дронтария с ее выходом к морю. Он в тайной переписке уведомил... или еще не уведомил, но сообщит обязательно, что не жаждет воевать с Нижними Долинами, а хочет ударить по Дронтарии, чтобы получить выход к южному морю. Потому просит свободный проход своей армии через Нижние Долины.

Он спросил сквозь зубы:

— А что наша трусливая королева?

— Ее величество, — ответил я, — запланировала удержать свою армию до момента, пока Антриас не ввяжется в сражения в самой Дронтарии, а затем ударить ему в спину.

Он сказал с удовлетворением:

— Хорошо, чисто по-женски! В спину мерзавца... Но что королева хотела бы от меня?

— Победа будет полнее, — сказал я, — если армия Антриаса прибудет к границам Дронтарии голодной и с отошавшей конницей. Идеальный вариант, если ваши конные отряды пройдут впереди армии, забирая все запасы продовольствия и сжигая сено, а когда Ан-

триас начнет высылать в стороны отряды фуражиров, то уничтожать их на месте грабежа.

Он кивнул.

— План разумный.

— В идеале, — сказал я, — вообще лишить Антриаса обоза. Он человек пылкий и увлекающийся, может пойти ускоренным маршем, чтобы поскорее вырвать победу, потому обоз неизбежно отстанет.

Он снова кивнул, лицо оставалось серьезным и озабоченным.

— Да, шансы есть. Однако я не понял...

— Да все вы поняли, — сказал я дружеским тоном. — Конечно, вы не в королевской армии и указаниям ее величества не подчиняетесь. А на призыв к патриотизму и защите королевства вам наср... Какая разница, кто на троне?

Он возразил:

— Для нас — большая! На троне должна сидеть принцесса Адрианна.

— За принцессу Адрианну вы бы сражались, — согласился я, — а за королеву Орландию нет, это понятно. А как насчет королевства Нижние Долины?.. Ха, ну и лицо у вас!.. Даже не поняли вопроса? За королевство тоже можно сражаться, как и за все на свете. К примеру, за оброненный дамой платок.

Он криво ухмыльнулся.

— Верно, можно. Но я не буду.

— Я бы тоже не сражался, — согласился я. — Границы постоянно двигаются, и мне все равно, кто король, если я того короля не вижу и не слышу. Но ее величество, понимая, что имеет дело с практичными людьми, а не прекраснодушными мечтателями, поручила мне поговорить о деловой стороне вопроса.

Он насторожился, допил вино и покачал головой, когда я взялся за ручку кувшина.

— Мне достаточно. Кто много пьет, тот плохо воюет.

— Золотые слова, — согласился я.

— Вы тоже пьете мало, — заметил он.

Я улыбнулся.

— По той же причине. Итак, если сделаете то, о чем мы говорили, то и общественное мнение глердов и всего двора переменит о вас мнение, и ее величеству гораздо легче будет даровать вам и вашим людям амнистию.

Он нахмурился.

— Всего лишь всемилостивейшее прощение?

Я покачал головой.

— Расскажу вам о пирате Моргане в нашем далеком королевстве, который грабил корабли, за поимку королева обещала огромные деньги, но всему королевскому флоту не удавалось его уничтожить, и тогда она приняла поистине гениальное решение...

Он спросил с интересом:

— Какое же?

— Она дала ему высокий титул и назначила наместником крупнейших островов в своей империи. Бывший разбойник сразу стал одним из знатнейших людей империи. Его дети заняли важные посты в государстве, а награбленные богатства создали целую империю Морганов, богатейшего клана... Это я к тому, что наша королева совсем не дура, как вы уже поняли. Но ей для вашей легализации нужен повод. Понимаете? Морган не просто стал наместником, а уничтожил пиратство, сделал тот нищий край богатым и процветающим, что увеличило не только его богатства, но и его репутацию как умелого правителя. Потому знатнейшие люди королевства так старались породниться с ним!

Он задумался, наконец покачал головой.

— Я принц... и никакой другой титул меня не устроит. Королеву Орландию я не признаю королевой, так как ее отец хотел отдать трон Адрианне.

Я ощутил горечь поражения, сказал быстро:

— Я вас прекрасно понимаю, принц!.. Но вы политик, а не просто крепкий мужик с мечом в руке! Вы просто обязаны идти на культурные компромиссы для достижения своих главных целей!

Он буркнул с тоской:

— Да что вы знаете о моих главных целях...

— Ничего, — признался я. — Но вы не сделаете к ним шаг, если не рассмотрите нашу ситуацию со всех сторон, даже сбоку, хоть это и бесстыдно. И если не увидите моменты, где можно уступить, а где нужно стоять на своем! Вся жизнь — компромисс, так уж кем-то задумано. Кстати, вторгаясь в Нижние Долины, король Антриас наносит ущерб и оскорбление и Адрианне!

Он поднял голову, в глазах мелькнули огоньки.

— Андрианне?.. Вообще-то да, это ее королевство...

— А компромисс может быть в том, — сказал я, — что вы можете принять из рук королевы титул глерда, но не отказываться от своих прав на титул принца!..

Он посмотрел с подозрением.

— А разве это не будет считаться изменой?

— Измена, — пояснил я, — когда вооруженное восстание, мятеж, заговор. А так вон герцог Хоткингард претендует на трон, герцог Тархантер и еще какие-то хмыри, как я слышал, уверены, что на троне должны сидеть они, как последние потомки каких-то древнейших королей... которые не то были, не то придуманы, не то просто песни...

Он задумался, я перевел тихонько дыхание, чувствуя, что подбросил в огонь сомнений вязанку хороших сухих дровишек, как та святая простота, что пожертво-

вала с трудом собранную вязанку хвороста в огонь для Гуса.

— Обретя легальность, — сказал я, усиливая нажим, — вы сможете вербовать в свои сторонники не только неграмотных крестьян, но и вельмож!

Он криво усмехнулся.

— Сюда в лес?

Я посмотрел свысока.

— Вы еще не знаете, что столица еще тот лес!.. А королевский дворец — самая дремучая чаща. И хищники там ой-ой, лесным волкам с ними лучше не встречаться...

Он встал, с шумом отодвинув стул, заходил взад-вперед по комнате. Мне показалось, что старается вернуться в образ злого и решительного вожака разбойников, беспощадного и уверенного в своих силах.

— Этот вопрос отложим, — сказал он наконец. Остановился и посмотрел на меня злыми глазами. — Нужно подумать, я не решаюсь заглядывать так далеко вперед.

— Хорошо, — сказал я, — а как насчет армии Антриаса?

Он сказал резко:

— Дойдет до Леггинга, это городок примерно в середине Нижних Долин, там мы его и встретим. Если обоз отстанет, отобьем. Все попытки раздобыть провизию в селах будем пресекать.

— А еще можно тревожить по ночам, — подсказал я, — поднимая шум и делая вид, что идете в атаку. Пусть спят в доспехах и с мечами в руках. Утром из них будут никакие воины... Хорошо, принц! Откланиваюсь.

Он спросил удивленно:

— А погулять с нашими орлами? Вы, глерд, как мне кажется, не совсем уж придворный.

Я коротко усмехнулся.

— Вы хотели сказать, я совсем не придворный?.. Точно. Итак, за вашу и нашу свободу!

Мы вскинули кулаки, я коротко поклонился и вышел на солнечный свет, где сразу крикнул с властью урожденного в самых верхах глерда:

— И хде моя лошадка?

Фицрой, пыхтя и покрикивая на коня, затягивает подпругу на его пузе, тот недовольно мотает головой и надувается, вроде бы просто вздыхает от горя, а когда мой конь простучал копытами совсем рядом, оба подняли головы и с интересом уставились на нас обоих.

— Что-то ты быстро, — заметил Фицрой. — Это и понятно. Пошел бы я, меня бы разбойницы так быстро не отпустили бы.

— Я же сказал, — напомнил я сварливо, — что у меня челночная операция, туды-сюды и обратно. Ты вон даже коней не успел поседлать!

— Так я ж тебя знаю, — отпарировал он. — Тебя здешние лесные девки прогнали в шею.

Я пустил коня шагом вперед по тропе, уводящей из леса.

— Зачем в лес, если разбойницы все женщины на свете?

Он вскочил в седло, повернул коня вслед за нами. Остальные, связанные длинным поводом, послушно потянулись следом.

— Ты прав, это я что-то всегда думаю о них лучше. В городах еще свирепее! А в дворцах и опаснее. Ладно, поехали. Посмотрим, каковы они в Дронтари.

— Я в Дронтарию еду смотреть не на женщин, — сказал я с достоинством. — Хотя, конечно...

— Вот-вот, — согласился он. — Хотя. Так, не снимая охотничьих сапог.

Деревья справа от дороги зашатались, словно некто огромный чешет о них спину. Я приподнялся в стремени, однако кудрявые верхушки берез закрывают кругозор, донесся только храп и могучее сопение.

— Вот так и езжай с тобой напрямик, — сказал Фицрой тихонько, перебросил повод в левую руку, а правой вытащил меч. — Каждый раз вот что-то да попадетсЯ.

Березы вздрагивать перестали, зато дернулась там вдали высокая гордая сосна, а чуть позже еще одна, подалее...

Фицрой договорил:

— ... а потом ничего не случается!

Я прислушался, храп и сопение неспешно удаляются, наконец исчезли вовсе. Фицрой с лязгом забросил меч обратно в ножны. Лицо стало расстроенным.

— Не понял, — сказал я, — ты рад или не рад?

Он подумал, вздохнул.

— Не знаю. Я всегда стараюсь избегать опасностей, но тогда и приключений нет, а без них скучно. Но одни приключения, когда все просто, то и не приключения... Мне чтоб все в одном кошельке: прибыль, приключения... из-за них, ладно, пусть и опасность.

Я кивнул в ту сторону, куда удалился неведомый зверь.

— А какая с него прибыль?

— Не знаю, — ответил он. — Вдруг у него шкура из чистого золота?

Дорога беспечно и легко идет по равнине, опасливо обходит особо темные леса, торопливо перебегают мелкие речушки. На горизонте иногда возникают высокие горы, но чаще их заслоняют исполинские деревья, гордо выдвинутые лесом на опушки.

На ночь останавливаемся в селах, Нижние Долины — довольно густо населенное королевство, даже

Уламрия показалась куда более пустынной, это следствие разного отношения к населению короля Антриаса и королевы Орландии.

Трижды за все время встречали шайки разбойников, и все три раза эти тупые делали попытки хотя бы отобрать у нас коней.

В последний раз, когда Фицрой молча вытащил меч, а я ласково посоветовал им убиться о деревья, вожак предложил компромисс:

— Ладно, если такие отважные, то уезжайте на тех конях, что под вами. Остальных оставьте.

— Мужик, — сказал я, — ты совсем дурак? Где твое понимание ситуации, ты же вождь! Если двое вооруженных мужчин решаются ехать через дремучий лес, то они точно уверены насчет себя и даже своих коней!

— Но мы тоже уверены, — сообщил он. — Кроме того, нас восемь человек...

— Десять, — сказал я. — Да-да, я заметил тех двух на дереве. Но прежде чем попробуют прыгнуть, они... умрут.

Он дернулся, когда я не глядя ткнул большим пальцем вверх, но быстро пришел в себя и спросил нагло:

— И как они там умрут на дереве?

— Им лучше замереть и не двигаться, — посоветовал я. — В общем, мужик, я готов поверить, что голод и неурожай толкнули вас всех на путь грабежа, а не желание легкой добычи, да чтоб еще поглумиться, понасиловать...

Вожак заколебался, очень уж уверенно говорю, но вздохнул, набрал в грудь воздуха и взглянул на толстые ветки над нашими головами. В моих ладонях возникли рукояти пистолетов, когда он только начал открывать рот для громкой команды.

Я выстрелил дважды, даже целиться не нужно, и тут же перевел огонь на жоака и его соратников.

Их трясло и бросало навзничь ударами тяжелых пуль. Фицрой, спеша успеть, пустил коня вперед и зарубил двух, а я еще стрелял в спины двух самых смысленых, что бросились бежать, но в такой ситуации и на таком расстоянии убежать очень непросто.

Двое, что упали с дерева, воют и стонут, заливая землю кровью, одному две пули попали в промежность, а второму, похоже, одна рассекла артерию в бедре.

— Поехали, — велел я, — Фицрой, это бедные люди, у них ничего нет.

Он сказал со вздохом:

— Наверняка. Хотя иногда в их сумках встречаются и редкости. Они же везде лазают, могилы вскрывают, в подземельях рыщут...

Но спорить не стал, мы поехали дальше, оставив трупы и стонущих раненых, которые точно не проживут и часа.

Глава 9

Чувство опасности, что в последнее время вроде бы совсем уснуло, пробуждаться начало как-то странно. Я то и дело вздрагивал, слыша, как в кустах треснет веточка или шелохнется камыш вдоль берега реки, но всякий раз из кустов вылетала потревоженная птичка, из камышей выглядывал кабан, ветви деревьев тревожно шевелятся под порывами ветра.

Фицрой заметил, что испуганно поглядываю по сторонам, тоже повертел головой.

— А-а, и ты заметил?

— Что? — спросил я с надеждой.

— За нами уже следят, — объяснил он снисходительно. — Мы в землях гуцаров, а они к чужеземцам не очень-то ласковы. Обычно привязывают за руки и ноги к коням и гонят в разные стороны.

— Юмористы, — буркнул я. — Шуточки у них какие-то скифские.

— А могут привязать ноги, — добавил он, — к вершинкам нагнутых с разных сторон деревьям. А потом отпустить...

— Славяне, — определил я. — Ничего нового, Фицрой. А еще у нас обожали сажать на колья. Так зрелище надолго и смешнее...

Он зябко передернул плечами.

— С тобой даже ехать страшновато.

— Это предки, — пояснил я благодушно. — К ним нужно относиться с уважением, старину чтить, а памятники охранять! У нас даже законы приняты по охране такого наследия. Дескать, лучше остановить прогресс, но не дать повредиться ни одному из камешков замка наших предков...

Он чуть привстал на стременах.

— Справа и слева приближаются... В галоп!

Кони, словно ощутили наш страх, рванули с места в карьер. Я пригнулся, теперь отчетливо чувствую разлитую в воздухе ненависть, кое-где в дальних кустах мелькнули синие силуэты, но далеко, а преимущество конных дает знать, мы оторвались в этот раз, а потом еще дважды видели не столько засады, как группы охотников, но тут же переводили коней в галоп и стычек избегали.

Я все вглядывался вперед, словно вот-вот там появится огромный полосатый столб с затейливым гербом и надписью «Королевство Дронтария», однако в мо-

мент, когда ехали между зеленых холмов, на дорогу вышли трое крепких мужчин, все обнажены до пояса, а штаны короткие, чуть ниже колен, на широких поясах по длинному кинжалу, а в руках короткие копыя с длинными острыми лезвиями.

Фицрой пробормотал:

— Снова? Нет, теперь что-то другое...

Я тоже пытался понять, что именно насторожило, все выглядят очень недружелюбно и, что хуже, в мою сторону отчетливо пахнуло опасностью. Я попытался понять, от кого из них, ощутил с холодком, что все трое настроены очень решительно.

Я сказал быстро:

— Здравствуйте, мы мирные люди, едем в Дронтарию!.. Мы никого не пытаемся задеть или обидеть...

Старший из троих сказал надменно:

— Вы вторглись в земли гуцаров.

Фицрой пробормотал как будто с облегчением:

— Вот оно что...

Я сказал как можно искренне, стараясь смотреть прямо в глаза вожака:

— Мы не вторглись! Мы просто едем в Дронтарию.

— Почему не объехали? — потребовал он.

— Но у вас нет границ, — запротестовал я. — Мы же кочуете вправо-влево!.. Да и нет вам ущерба, мы же не селиться сюда приехали. Просто едем в королевство...

Он прервал:

— Вы нарушили наши законы. Слезайте, наш старейшина решит вашу судьбу.

Фицрой засопел, начал присматриваться к тому, что уже взялся за его стремя, а я спросил невесело:

— А где он?

Вожак пожал плечами.

— Думаю, дня за два отыщем. Покинуть седла!

Голос прозвучал зло и решительно, я глазом не успел моргнуть, как он сделал быстрое движение обеими руками, и острый как бритва кончик копья уперся мне в грудь.

Фицрой выругался, меч блеснул на солнце. Я ощутил в ладони рукоять пистолета, выстрелил прямо в лицо вожака, тут же развернулся и всадил две пули во второго, тот широко замахнулся копьем, как дротиком, успел выпустить из ладони, как его опрокинуло на спину.

Сбоку слышался хрип, Фицрой первым ударом срубил руку своего гуцара, а вторым рассек от плеча и до середины груди. Копье того, которого я завалил вторым, пролетело над Фицроем, он пригнулся, его задело древком по спине.

— Быстрые они, — определил он. — Но одного я успел... А ты чего с ними так долго объяснялся?

— Долго? — переспросил я. — Наоборот... когда в руке молоток, все вокруг кажется гвоздями. Потому и борюсь с собой. Я не должен в любой ситуации применять свой... магический арбалет. Вот только человек такая скотинка...

Он криво ухмыльнулся.

— Понимаю. Ты еще хоть как-то сдерживаешься, но будь у меня такая штука, я бы...

— Плохо сдерживаюсь, — признался я. — А это нехорошо. Нехорошо, когда человек использует силу, когда мог бы убедить. Нехорошо и человеку, и сильной стране принуждать слабых к подчинению...

Он посмотрел с изумлением.

— Ты чего?..

— Я культурный, — огрызнулся я. — Не могу иначе!

— Чего? Поступать?

— Говорить, — сказал я сердито. — Поступаю я все еще как надо и как у нас, питекантропов, принято, но

уже говорю о высоких духовых ценностях!.. А это важный шаг к переходу в более цивилизованное общество. С культурными запросами. Ты заметил, я даже убивать не люблю топором по голове, это некрасиво и недуховно, а только издали, чтоб я тут нажал, а там что-то упало.

Он спросил с недоверием:

— А это не выглядит... трусостью?

— Это признак высокой культуры и духовности, — пояснил я. — Это эстетично, когда даже не мараешь руки. При соблюдении этих условий даже высокоодаренные ценители прекрасного готовы воевать, не вставая с дивана...

Он содрогнулся.

— Страшные вещи говоришь. Когда топором по голове — это понятно, убил. А когда вот так издали... то вроде бы и не убил, хотя еще как убил!

— Культура и цивилизация, — высокопарно пояснил я, — в том, что можно убивать издали, к тому же сразу тысячами, и не видеть крови!..

Он сказал серьезно:

— Жуть какая. Я за то, чтобы убивать топором по голове. Или мечом. Тогда видишь, кого убиваешь. И точно не убьешь женщину или ребенка. А из магического арбалета... Пускаешь стрелу здесь, а там далеко что-то едва заметное падает. Подумаешь! Когда нет чувства, что убил человека, можно убивать и убивать.

— Для этого все и сделано, — пояснил я, — чтобы не было вины! Когда вот так издали, то любой трус может убить хоть тысячи. Или, скажем, очень совестливый... Тут спустил тетиву, а там в другом королевстве тысяча человек упали мертвыми! Это же какое счастье для тех, кто любит поговорить о культуре и гуманизме!

Он слушал вполуха, а то и вовсе не слушал, насто-
роженно всматриваясь в лесную чашу.

— Мало открытых мест, — проговорил он зло. — Не люблю.

— Вон там редкий лесок, — сказал я. — Проскочим галопом. В крайнем случае на рысях.

— Иди впереди, — предложил он, — а я займусь конями... Нет-нет, я не жалею, что взяли шестерых!

— Сменим, — сказал я. — Боюсь, понадобятся свежие лошади. Но сойдут и полусвежие.

Он остановил коня, двух с поклажей оставили, а с наших сняли седла и перенесли на запасных, это Фицрой хорошо придумал. Пусть не из стратегического расчета, а из простой человеческой жадности, но все равно хорошо, что нам на пользу, а остальные как хотят.

Старались держаться открытых мест, но иногда все же приходится проскакивать через леса, в этом случае даже я безжалостно подгоняю ничего не понимающих коней, пусть и груженных. Это им все равно, в чьи руки попадут, но я эгоист, а еще жадный, как положено любому нравственному человеку — кони здесь ценность.

Гуцары, как и викинги, почему-то не любят коней и предпочитают сражаться пешими. Вообще-то пешими сражались и знаменитые швейцарские наемники, как и чуть позже германские, но для нас отсутствие у гуцаров конницы хорошо тем, что еще несколько раз пришлось пробиваться через мелкие отряды, загораживающие дорогу, но конной погони за нами не было.

Фицрой, то и дело оглядываясь, проронил с уважением:

— Отважный народ!.. Чужие земли не захватывает, но свою отстаивает.

— Мало их, — ответил я сердито.

— Потому и не захватывают?

— А то! Свою страну не создадут, им все равно придется интегрироваться... ну, вливаться в общую семью народов. Или в тот народ, которого намного больше рядом.

— Не захотят, — ответил он уверенно.

— Чтобы выжить, — заметил я, — нужно быть не только отважным, но и гибким.

— Тогда им придется туго, — сказал он.

— Все зависит от них, — ответил я. — Это геркулановцам было не договориться с Везувием... а люди с людьми всегда могут, да только редко делают.

— Да ладно тебе...

— Сам знаю, — огрызнулся я, — но все-таки за миллион лет культуры что-то да застряло, хрен выдержишь.

— А хотелось бы?

— Конечно, — ответил я с убеждением. — Культура всегда жить мешает!

И в самом деле чувствую угрызения совести, этот народ обречен на истребление, отстаивая свои права и свободы, культура во мне протестует, а вот демократия рационально говорит, что у них была возможность принять власть королевы Орландии и влиться в жизнь большого и богатого королевства на общих основаниях. А то ишь чего восхотели...

И в плавильном котле племен и народов остались бы живы...

Вообще-то отважные гибнут в первую очередь. В конце концов останутся только самые трусливые, они назовут свою позицию гуманизмом и духовностью, заговорят о подъеме культуры... а может быть, все так и есть?

Кони идут споро, даже груженные, хотя какой там у них груз, одна видимость. Еще несколько раз нас пы-

тались ограбить, и, думаю, одним ограблением дело бы не обошлось. Фицрой то и дело пускал в дело меч, красуясь даже передо мной приемами. Вообще-то не слишком уж виртуозными и хитрыми, я и то могу лучше, но понимает, насколько в рукопашной важна скорость, и двигается, как разъяренный кот в стае собак.

Я обычно держал пистолет наготове, но стрелять приходилось редко, Фицрой успевал, хотя потом бахвалился, как и кого зарубил, а я ехидно указывал, сколько ударов он пропустил и где у него будут кровоподтеки.

После восьмого и десятого нападения я сказал с сердцем:

— Все, сдаюсь!.. Мяффнер прав, когда несмотря на свое мягкосердечие соглашался на зачистку этого... племени. Брандштеттер вообще желал бы истребить этот народ с женщинами и детьми.

— Дикари, — согласился он. — Им тут жрать нечего... Это от бедности.

— Здесь хорошая земля, — возразил я. — Паши да сей, на пропитание всегда хватит. Скот надо завести, вон какая долина!.. Охотой, как они промышляют, целому народу не прокормиться.

— А разбоем? Я знал такие. Правда, мелкие.

— Торговые пути не слишком, — сказал я. — Тут не поживиться. А если бы шел большой грабеж, любой король прислал бы армию и все равно бы их истребили. Но теперь король Антриас выполнит за ее величество всю грязную и неприличную работу..

Он насторожился.

— Какую работу?

Я отмахнулся.

— Не бери в голову. Вон олень побежал... Или это косуля?

— Какую работу? — повторил он.

Я вздохнул.

— Это секретные сведения, Фицрой. Но тебе, как другу, проболтаюсь. Армия Антриаса пройдет здесь, чтобы вторгнуться в Дронтарию.

— Что... ты серьезно?

— Еще как, — заверил я.

У него радостно вспыхнули глаза.

— Это же здорово! Наконец-то все завертится. А то, как муха в сметане, все застыло...

— Война, — сказал я, — беда, Фицрой. Кому-то честь и слава, а Улучшателю ухудшение условий работы. Уверяю тебя, если работа по-настоящему интересная, то она куда увлекательнее любой войны!

Он пробормотал:

— Такое не представляю, но верю на слово. Покажешь такую работу, вообще пойду к тебе учеником. Но пока что война — самое веселое и жизнерадостное занятие! Если Антриас пойдет на Дронтарию, он в схватке с гуцарами потеряет часть своей армии. Пусть малую, но все же...

— Это есть в калькуляции, — заверил я. — Все просчитано. Сколько тысяч человек умрет на поле боя, сколько останется раненых, покалеченных, сколько попытается уползть с распоротыми животами, волоча за собой выпавшие кишки...

Он посмотрел на меня с уважением.

— Ну ты и зверь... И так спокойно говоришь!

— Так я же не про людей, — пояснил я.

— А про кого?

— Про живую силу противника, — пояснил я. — А по завершении кровавых битв нужно говорить насчет того, кто проиграл, а кто выиграл. Понял?.. Всего лишь игра!..

Он покачал головой.

— После таких игр ручки переполняются кровью, а убитые не поднимаются и не идут пить вино со своими убийцами.

— Об этом думать не рекомендуется, — строго сказал я. — Думать нужно только о положительном. Так рекомендуют самые видные специалисты по играм.

— Юджин, — сказал он с укором, — какие это игры! Это кровавые битвы, где мужчины добывают себе честь и славу, выказывая доблесть и мужество...

— Все правильно, — одобрил я. — Все природой просчитано. В битвах выживают самые сильные, они возвращаются в племя и дают потомство всем женщинам, чьи более слабые мужья погибли. Так совершенствуется человеческое племя, что когда-то придет к идее вообще запретить все войны!

Он посмотрел в недоумении.

— Ты что? Как это вдруг без войн?

— Так это только идея, — сообщил я. — Правда, красивая?

Он фыркнул пренебрежительно.

— Вон там впереди река с холодной водой, остынешь на переправе.

— Там будет мост, — сказал я уверенно.

— Откуда знаешь?

— Рельеф, — ответил я, — у простых крестьян сапоги, а не башмаки, развитая инфраструктура дорог... В общем, увидишь.

Кони домчали до берега реки, в самом деле на ту сторону перекинут мост, хотя можно такую и вброд, но телеги с грузом не пройдут, а здесь заселено довольно плотно...

Фицрой недовольно хмурился, привык быть первым в реальном мире, а я начал объяснять, что такое

инфраструктура и почему она позволяет предсказать, что и как даже на другом конце королевства.

Еще через две реки впереди переброшены мосты, насчет третьей указали удобный брод, что ближе моста, а четыре или пять одолели с разбега, не покидая седел.

В селах вдоль дороги узнали, что эти земли под рукой короля Астрингера.

— Дронтария, — сказал Фицрой с удовольствием. — Кстати, мы уже два дня едем по ней. Как только гуцаров миновали.

— Гуцары были буферной зоной, — ответил я. — После нашествия Антриаса кое-что изменится.

Он насторожился.

— Граница с Нижними Долинами будет одна... и могут быть стычки? Уже с Астрингером?

— Сплюнь, — сказал я сердито.

Фицрой, чувствуя как то ли мы приближаемся к столице Дронтарии, то ли она движется нам навстречу, то и дело пускал коня вскачь, однажды остановился далеко впереди на пригорке и широко распахнул руки.

— Мне нравится юг!

Глава 10

Мой конь взбежал к нему, я смотрел на раскинувшийся впереди в зеленой долине город и чувствовал, что да, всего пару сот миль по прямой, а мир уже совсем иной, теплее, ярче и солнечнее. Здания из белого и светлого камня выглядят радостными и праздничными, расположены вдоль прямых улиц, на той стороне города широкая полноводная река...

Хотя нет, город хитро влез в загогулину реки, так

что вода с трех сторон, что весьма удобно, а потом постепенно разрастался, перебрался на тот берег, там здания заметно новее и выше.

— Так далеко я еще не забирался, — сказал Фицрой с чувством. — Неужели все? Конец?

— Почему? — спросил я.

— Дронтария упирается в море, — объяснил он снисходительно. — Если отплыть от берега, дальше вода кипит, все погибает, понял?

— Да, — согласился я, — столько ухи, просто ужасно. Как думаешь, от Шмитберга до впадения реки в море далеко?

— Не представляю, — ответил он.

— Вряд ли больше десятка миль, — сказал я. — Если бы не вон те холмы, уже увидели бы море.

— Почему так уверен?

— Все селятся возле воды, — объяснил я. — Крупные города выросли на берегах рек. И все стараются поближе не к истокам, а к устью, чтобы и воды побольше, и сразу выход в море... Ладно, поедem, скоро во всем убедимся.

— Думаешь, это и есть Шмитберг?

— Сейчас все узнаем.

Подъезжая к городу, рассмотрели, что стена вокруг него из такого же белого камня, стражников на ней не видать, а у широко распахнутых ворот в сторонке мирно играют в кости двое часовых.

В нашу сторону только покосились, и на этом таможенный досмотр кончился. Пока ехали через город, Фицрой заинтересованно ерзал в седле, а мне здесь показалось чем-то знакомым: южные города одинаково яркие, цветные, безалаберные и смотрятся курортными, если сравнивать с суровой жизнью городов в сторону севера.

Здания украшены полотнищами золотого и красного цвета, они свисают со всех балконов, хотя мне показалось, что там, в глубине улиц, их меньше, а то и нет вовсе. Зато весь ряд зданий вдоль берега сверкает чистотой, крыши везде с красной черепицей, над входом в каждое здание огромный замысловатый герб, я не всматривался, но сделал вывод, что если герб настолько сложен, то это не ранний период, когда геральдика только начиналась...

Многие вывесили из окон цветные скатерти, тоже красные, алые, бордовые, совсем редко синие или голубые. А через улицы протянулись эдакие растяжки с множеством флажков из дорогих тканей.

— Веселый народ, — сказал Фицрой с радостным изумлением. — Я их уже люблю.

— Праздничный, — согласился я.

Он наконец заметил, что я смотрю по сторонам равнодушно, даже проплывающий вблизи пестрый базарчик не удостоил вниманием, уязвленно нахмурился.

— Свинья!.. Ничего, я когда-то разберусь, откуда ты все это знаешь.

Горожане в нашу сторону поглядывают с ленивым любопытством, определив чужаков издалека, но никто не ринулся предлагать что-то купить, продать или поменять коня на шляпу, что, как мне кажется, разочаровало, а то и насторожило Фицроя.

Он едет красиво, будто король на военном параде, гордо выпрямившись и слегка откинувшись корпусом, одна рука крепко держит широкий повод, усыпанный серебряными звездочками, другая горделиво уперта в бедро, и молодые женщины тут же улыбались ему загадочно и маняще.

Улыбаясь, он шепнул мне с ликованием:

— А тут может быть жарко!

— Может, — согласился я.

— Да ты не туда смотришь!

На одной из площадей, по краю которой мы проезжаем, в центре собрался народ, на возвышении столб на помосте, две женщины прикованы металлическими цепями, но это показалось вначале, что женщины, а потом сообразил: прикованы две химеры, нечто ужасное, чудовищная помесь человека и ящерицы.

Под ноги им уже сложили вязанки сухих дров, двое мужиков с факелами старательно поджигают самые тонкие и сухие ветки, от них огонь побежал по разломаченной бересте поленьев.

И хотя обе выглядят отвратительно, но все равно я бы не стал сжигать живьем даже гигантскую змею или исполинского тритона, пусть они и проглотили или разорвали неосторожных рыболовов — люди всегда сами виноваты.

Сердце мое тревожно стиснулось, это не то чтобы жалость, чего их жалеть, но все-таки как бы слишком. Понимаю тех, кто со временем публичные казни на площадях перенес в закрытые помещения, лишив народа таких жизнерадостных праздников, хотя и не принимаю полную отмену смертной казни.

Фицрой ткнул меня кулаком в бок.

— Ты чего?.. Смотри, как там весело!.. Чего хмуришься? Мало сухих дров?

Я мазнул взглядом по довольной толпе, там улюлюкают, строят рожи и показывают прикованным химерам кулаки.

— Это не мое, — ответил я коротко.

— Ты что, — спросил он в изумлении, — не рад торжеству справедливости?

— Не очень, — буркнул я.

— Почему?

— Если надо убить, — ответил я зло, — убили бы на месте. Но зачем глумление? Муки?

Он хохотнул.

— Муки?.. А кто знает, чувствуют ли они муки?..

— Все чувствуют, — отрезал я. — Мы даже овцу стараемся убить одним ударом, чтобы и нож не увидела! А тут... люди.

— Это не люди, — напомнил он. — Хотя... может быть, ты и прав. Убивать надо. А развлечение... не знаю, но если в городе это устраивают, то зачем-то надо?..

— Не знаю, — сказал я. — Не знаю. Поехали-поехали... Рассмотрелся!

Королевский дворец виден издалека, строители расположили его на самом высоком месте. Длинные зубчатые стены, стрельчатые окна, башенки, трепещущие флажки на острых шпилях, вокруг земля вымощена отесанным булыжником, ограда из металлических прутьев в два человеческих роста, расстояние между ними такое, что не пролезть и ребенку, зато дворец виден всем горожанам во всей красе и мощи.

У закрытых ворот рослые королевские гвардейцы в металлических доспехах, я сказал дружелюбно:

— Посол от королевы. От ее величества королевы Нижних Долин Орландии Орнидской.

Гвардейцы смотрели на меня без интереса, один после паузы крикнул:

— Глерд Кракес!

Из крохотной сторожки вышел молодцеватый офицер, быстрый и с подвижным лицом, уверенно зашагал в нашу сторону.

— Кто? По какому делу?

— От королевы Орландии, — сказал я. — По срочному делу к его величеству королю Астрингеру.

Он оглядел меня, а затем и нагло ухмыляющегося Фицроя с головы до ног с нескрываемым подозрением.

— Из Нижних Долин? С посланием от королевы Орландии?

— От ее величества королевы Нижних Долин, — подтвердил я. — А вы что, против дружбы народов?

Он буркнул:

— Да что-то вы не очень...

— Дикие вы люди, — обвинил я. — У вас все по старинке? А где прогресс? Где прогресс, спрашиваю?.. Продвижение вперед? Или, что еще хуже, вы и от моды отстаете?

Он вздрогнул, сказал устрашенно:

— Нет-нет, что вы, глерд, как можно от моды... От всего можно, но только не от моды. Эй, открыть ворота!.. Сейчас я дам провожатого, здесь запрещено болтаться, в королевском саду везде порядок и благорастворение...

Провожатый, еще один глерд помоложе, но в таком же добротном дорогом костюме, выскочил из сторожки, выслушал, кивнул и обратился к нам одинаково нейтрально:

— Глерды, прошу вас. Я младший командир глерд Пэлс Гледжер. Коней можете оставить, их отведут к коновязи.

— Мы надолго, — предупредил я.

— Тогда в конюшню, — уточнил он. — За них не беспокойтесь, коней никто не обидит.

Фицрой хмыкнул, но покинул седло, как и я, но оба мешка снял, пояснив:

— А вдруг у вас тут вместо вина пьют воду?.. Я же умру от жажды.

Офицер улыбнулся.

— У нас хорошие виноградники и отменное вино. Но я вас понимаю, вино должно быть под рукой всегда. Пойдемте!

Фицрой проводил ревнивым взглядом слуг, что бежали из служебных помещений и ухватили коней под уздцы.

— А у вас тут с коням умеют? — спросил он с недоверием. — А то у нас говорят, что в Дронтарии вообще на рыбах ездят...

Офицер усмехнулся.

— На рыбах только колдуны и чародеи. Остальные на конях. Прошу вас, идем во-о-он к тому зданию. Старайтесь не привлекать внимания...

— Почему? — спросил я.

— Время тревожное, — ответил он уклончиво.

Фицрой бросил на меня многозначительный взгляд, я сделал непроницаемое лицо, и так шли, вроде бы вскользь поглядывая на встречающихся глердов.

Почти у всех одежда прошита золотыми нитями, жилеты из толстой кожи, что выдержит удар тяжелой стрелы, кожаные штаны и сапоги с раструбами до середины бедра. У каждого на груди, как водится, золотая цепь, но вместо медальона у всех по зеленому камню, то ли изумруд, то ли что-то другое, я не каменист.

Женщин совсем мало, я покосился на приунывшего Фицроя, что-то Дронтария выглядит милитаризованной не меньше Уламрии, все суровые и напряженные.

Со стороны главного корпуса, куда мы направляемся, раздался дикий крик, полный муки и невыносимой боли.

Наш провожатый помрачнел, а я спросил невольно:

— Я думал, пыточные везде в подвалах...

— Здесь юг, — заметил Фицрой с неодобрением. — У них все не как у людей.

Офицер помрачнел, процедил сквозь зубы:

— Его величество предпочел бы пытки.

Крик раздался снова, страшный, нечеловечески му-

чительный, словно от дикой боли душа стремится расстаться с телом, но то никак ее не отпускает.

Я переспросил:

— Король пытается лично?..

— Король никого не пытается, — отрубил он.

Вид у него был такой, что я спросил невольно:

— Не понял... это король?

Он ответил хмуро:

— Да.

— Что с ним?

— Болен, — отрубил он. — Уже давно. И ему все хуже и хуже. Лекари говорят, осталось несколько дней. А то и часов.

Я покосился по сторонам.

— То-то столько повозок, украшенных золотом. Съехались все претенденты на трон?.. Это понятно. И понятно, почему почти нет женщн.

Он протянул руку, преграждая нам путь.

— Не сюда. Я проведу коротким путем.

Глава 11

Коротким этот путь не показался, совсем наоборот, нас с Фицроем довольно долго вели тесными коридорами, в одной из комнат велели оставить все оружие, так принято, ничего личного.

Дикий крик раздался совсем близко, за дверью, возле которой застыли стражи, несколько слуг и какие-то королевские советники с очень скорбными лицами.

Офицер сказал шепотом:

— Когда у его величества эти боли, крики слышны на половину города... Женщины плачут от сочувствия.

Я кивнул, я не женщина, да и не мой это король, а всех жалеть — язву желудка заработать, а демократ прежде всего должен беречь и жалеть себя, а также восхищаться собой и любоваться, это продлевает жизнь и повышает ее статусность.

— Грустно, — сказал я, — да, грустно. Но вы уверены...

Он ответил нехотя:

— Его величество не прекращает быть королем. И велит докладывать обо всем, что происходит в королевстве. Но все же, глерд, хотя от королевы Орландии с пустяком не пришлют человека, все же пощадите короля и не задерживайтесь у него ни на минуту.

Я ответил с содроганием плеч:

— Глерд, я сам не выношу даже вида больных! Передам послание и сразу же смоюсь.

Он посмотрел на меня со странной смесью укора и благодарности.

— Да, глерд... это было бы... да.

— Фицрой, — сказал я, — побудь здесь, постереги оружие. А то кто знает, что тут за порядки.

Он ответил с готовностью:

— Да-да, ты прав. Рожи у всех какие-то не совсем, а меч у меня, сам знаешь, цены ему нет...

Офицер переговорил со слугами, один отворил передо мной дверь, я переступил порог и остановился, обволакиваемый тяжелым воздухом, наполненным сильным запахом гноя, тяжелой болезни и безнадёжного страдания.

На ложе, окруженный подушками и подушечками, распластался крупный человек с нездоровым одутловатым лицом и воспаленными набрякшими веками.

С той стороны расположились трое лекарей, двое сидят у постели, третий наклонился над больным

и всматривается в его лицо, время от времени приподнимая ему веки.

На меня покосились с неудовольствием, а слуга, что вошел со мной вместе, осторожно приблизился к постели с распластанным, как рыба на столе у кухарки, королем.

— Ваше величество...

Астрингер прошептал едва слышно:

— Говори...

— Посол от королевы Орландии, — сказал он негромко.

Астрингер с великим трудом скосил на меня взгляд залитых кровью из-за полопавшихся сосудов глаз.

— Что... с нею?

Я ответил с поклоном:

— В полном здравии, чего желает и вам, ваше величество.

— Спаси... сибо, — прошептал он, — но, как видите, глерд... издохну уже скоро... Вот возликует ваша королева!

— Ваше величество, — ответил я с сочувствием, — вы поступаете нехорошо. Как король, обязаны сперва все сделать для королевства, а уж потом, если у вас такая блажь, то да, можете. Но не раньше.

Слуга зло зашипел за моей спиной:

— Глерд! Вы забываетесь. Его величество чувствует себя очень плохо.

Астрингер ответил вяло:

— Курт, он прав... Говорите, глерд, быстрее, скоро новый приступ... Не знаю, переживу ли.

Я посмотрел на него, на троих врачей, покосился на слугу, что не слуга, как оказывается, а либо королевский секретарь, либо что-то к этому близкое.

— Ваше величество, это как бы только для ваших ушей. Государственные дела.

Он ответил слабым голосом:

— Глерд... неужели моя венценосная кузина решила принять мое предложение стать моей женой?.. В моем положении, как видите, есть плюсы... не для меня, конечно...

— Есть и более важные дела, — ответил я и добавил многозначительно: — Даже для больного короля.

Он простонал:

— Вы молоды... Наверное, еще и не болели вовсе... Хорошо, только недолго. Дорогие друзья, оставьте нас... И лекари тоже.

Курт посмотрел на меня с неприязнью.

— Его величество очень болен, — сказал он с нажимом. — Не утомляйте его!

Когда за ними закрылась дверь, я повернулся к постели. Астрингер лежит, как мертвый, лицо желтое, как у мертвеца, веки багровые и напухшие, а губы из бледных становятся синими.

Я поколебался, сказал негромко:

— Ваше величество... я не лекарь, но ваши страдания облегчить смогу.

Он ответил стонуше:

— Я тоже...

— Ваше величество?

— Если хватит сил воткнуть нож себе в горло...

— Не то, — ответил я. — Рискнем? Что вам терять?

Он приоткрыл глаза и с недоверием смотрел, как я щелкнул пряжкой ремня, открылась коробочка, откуда я достал двумя пальцами крохотную белую горошинку.

— Это, — прошептал он, — что... и все?

— Да, — сообщил я. — Положите под язык. Не глотайте. Эта штука быстро рассосется, так быстрее попа-

дет в кровь. Из желудка долго, из пасти сразу. Она у вас вон какая.

Он с трудом высвободил руку из-под одеяла, но поднять не смог, упала бессильно.

— Откройте рот, — сказал я. — Вот так... Не глотайте. Хотя все равно станет легче, но не сразу и не так ударно.

Он послушно принял таблетку, закрыл глаза, я смотрел с сочувствием, даже с глубоким сочувствием, почти с состраданием, хотя мне такое по отношению к людям вообще-то не слишком свойственно, как и всем нам, любящим животных, что уж точно всех на свете человеков.

С минуту он лежал неподвижно, затем бледные губы слегка шевельнулись.

— В самом деле утихает...

— Полежите спокойно, — сказал я. — Сердце у вас, вижу, как у быка. Сейчас боль отойдет, ваше величество. Это не лечение, просто обезболивающее. Зато голова прояснится, ничто не будет отвлекать от поистине королевских мыслей, недоступных простому глерду. Непростому тоже.

— Говорите, — прошептал он, — с чем прибыли.

— К сожалению, ваше величество, — сказал я, — с дурными вестями. Но если вовремя все сделать правильно, то велика вероятность, что не только победим, но и останемся в выигрыше.

— Слушаю, — шепнул он.

— Король Антриас, — сказал я. — Да, проблема в нем. Нет-нет, ваше величество, все гораздо хуже, чем вы подумали, вижу по глазам, по ним пока еще можно видеть ваши мысли, а это не есть хорошо для короля, который по занимаемому трону должен быть хитрым, коварным и абсолютно харизматичным. Король Ан-

триас планирует напасть не на Нижние Долины, а на вас!.. Да-да, его цель — выйти к теплому морю.

Он проговорил тихо, страшась разбудить боль:

— Это да, в дальних планах... это все знали... Или догадывались...

— Пришло время, — сказал я и уточнил: — Как он полагает.

Он шепнул:

— Но сперва должен завоевать Нижние Долины?

— Он предложит союз, — сказал я не моргнув глазом, — а когда ее величество королева от союза откажется, попросит беспрепятственного прохода его армии через земли королевства Нижние Долины.

Он шепнул:

— Какая настойчивая сволочь...

— Такие обычно своего добиваются, — согласился я. — А потом переписывают историю, где изображают себя овечками.

Он молчал долго, за это время, как полагаю, мощное обезболивающее полностью притупило боль, но лицо короля оставалось мрачным, а в глазах, как мне почудилось, проступил нешуточный страх. Король он все-таки потому, что наследовал своему отцу, а тот деду, а это не совсем то, что по способностям. И понимаю, ему сейчас хочется, как обычно мне, лежать и намечивать себе горы золота, счастья и всего-всего, в том числе и непристойного, что можно именно только намечать, но не получить в реальности.

— Насколько, — проговорил он осевшим голосом, — это соответствует...

Я ответил с сочувствием:

— Ваше величество, я хотел бы принести вам хорошие новости, вы же хороший человек, это видно. В ди-

кие времена посланцев с плохими вестями казнили, я понимаю такое естественное желание, честно.

Он вскинул голову.

— Что?.. Странные речи, глерд. Вы не из Нижних Долин, верно?

— Совершенно точно, ваше величество, — сказал я почтительно. — Вы очень проницательный человек. Даже болезнь не мешает вам быть королем, что видит всех насквозь, я слышал о таком великом государе.

Он слабо шевельнул головой, прислушался со страхом, но явно больше не стегнуло по всем нервам, с облегчением осмелился улыбнуться.

— Никакой проницательности, юный друг. Купцы из Нижних Долин часто провозят товары, ваши ремесленники отделывали мне загородный дворец, так что нижнедоличан знаю...

— Я издалека, — подтвердил я. — Странствую в не-насытной жажде знаний и впечатлений. И забрался так далеко от родных мест, что даже и не знаю...

— И начали служить моей кухне Орландии?

— Не совсем так, — признался я. — Я совершенно случайно оказал ей пустяковую услугу, а ее величество решили щедро вознаградить меня, пожаловав званием или титулом глерда, еще даже не понял, и большим участком земли вместе с замком близ границы с Ула-мрией. Я принял с благодарностью, хотя, скажу честно, это нарушило мои планы двигаться дальше по странам, чтобы познать мир.

Он вздохнул, лицо снова омрачилось.

— Да, у нас редко получается то, что задумывается. Но вернемся к неприятному известию. Что еще известно о предполагаемом вторжении короля Антриаса?

— К сожалению, — ответил я, — не предполагаемое. Король Антриас готовился очень тщательно, все

продумал, так что это уже неизбежно. Несмотря даже на то, что часть его задумок сорвалась.

Он чуть оживился, даже наклонился в мою сторону.

— Какие? Обрадуйте умирающего.

— Первоначально, — сказал я, — планировалось вторгнуться двумя армиями: Уламрии и Опалоссы. Да-да, у них военный союз! Король Антриас заключил его с герцогом Ригильтом, наместником Опалоссы, пообещав помощь в удерживании трона.

Он слабо охнул.

— Две армии? Армии двух королевств?

— Ваше величество, — сказал я торопливо и с живейшим сочувствием, — этот коварный план удалось разрушить. Силами дипломатического корпуса королевства Нижних Долин. Герцог Ригильт, как объявлено, ранен на охоте, но я вам сообщаю конфиденциальную информацию, что герцог убит. И власть в королевстве перешла, надеюсь, в руки законного короля.

Он смотрел на меня, задержав дыхание.

— У вас... точные сведения?

— Абсолютно, — заверил я. — Олень снес рогами полчерепа герцогу. Король Антриас пока это скрывает, чтобы выиграть время, но я вас заверяю, герцог не просто убит, а надежно убит. Я видел это собственными глазами.

Он пробормотал, глядя на меня неотрывно:

— Хорошо у вас работает дипломатия... Олень, подумай только. Невероятно! А не могли, скажем, медведем? Или диким вепрем?

— Увы, — ответил я честно. — Там были только олени. И дикие козы. Но сам способ неважен, не так ли? Уж не нам точно заботиться о величии и престижности гибели герцога. Важно то, что армия Опалоссы в войну не вступит. Король Плаций вряд ли поддержит Антри-

аса, так как тот дружил с герцогом и помогал ему удерживать трон.

Он перевел дыхание.

— Это хорошие новости.

— Только наполовину, — сказал я. — Король слишком много вложил в подготовку к захвату Дронтарии. И армия у него в самом деле лучшая в регионе. Он и один в состоянии это проделать... если не предпринять нечто особенное.

Он спросил быстро:

— У моей кузины есть план?

— Да, — ответил я не моргнув глазом. — Как я уже сказал, король Антриас обратится к королеве с просьбой позволить его армии пройти через королевство до границ Дронтарии...

Он уже почти пришел в себя, сказал встревоженно:

— А если она согласится?

— Король сперва выведет армию на границу с Нижними Долинами, — объяснил я, — а уже потом попросит о свободном проходе. Чтоб его просьба была по-мужски весомой. Мы, мужчины, в спорах с женщинами особенно не любим проигрывать. Вы это знаете...

Он умолк на мгновение, потом проговорил тяжелым голосом:

— Ну да, королева по-женски предпочтет уйти в сторону от неприятностей. Пусть сражаются мужчины.

— Вообще-то верно, — поддержал я, — но не совсем. Ее величество разработало очень сложный план, но если он удался...

Он сказал в нетерпении:

— Ну-ну?

— То сможем решить эту проблему, — сказал я, — окончательно. В смысле, вы и королева Орландия сумеете.

— Какой план?

Я указал взглядом на стену напротив.

— Вашему величеству известны про вон те два глазка?

Он взглянул на меня остро.

— Вы первый, кто заметил. Не волнуйтесь, там наблюдают за нами двое моих самых преданных телохранителей. Из моего родного клана. Родня в двадцатом колене. Они нас видят, но не слышат, расстояние здесь приличное.

— Сейчас смотрит только один, — заметил я, — но это неважно. Главное, разговор останется в тайне. План прост, но должен быть выполнен ювелирно синхронно. Как только армия короля Антриаса с ним во главе пройдет беспрепятственно через Нижние Долины, король Плаций спешно вводит все свое войска в Уламрию и захватывает трон своего врага. Одновременно ее величество королева Орландия дает приказ нашим покинуть крепости и перегородить Антриасу путь к отступлению. Это мягкий вариант, ваше величество!

Его глаза расширились, он прошептал, не веря своим ушам:

— Мягкий? А какой тогда жесткий?

— Войска Нижних Долин, — сказал я, — наносят удар в спину армии Антриаса. Ваше величество, каким бы он ни считал себя великим полководцем, но с армиями трех королевств ему не справиться!

Он в волнении сжимал и разжимал кулаки, вздыхал и задерживал дыхание, выдыхая потом с такой силой, что будь за рабочим столом, заморился бы ловить и подбирать с пола разлетающиеся бумаги.

— Никто не предаст? — спросил он, не глядя на меня. — Простите, глерд, но я рискую больше всех.

— Вы подвергаетесь больше всех опасности, — уточнил я. — Удар направлен на ваше королевство,

однако опасности подвергаются все. Захватив Дронтарию, Антриас тут же развернется и захватит Нижние Долины. Думаю, и с Опалоссой долго не задержится, если король Плаций и не выполнит условий договора. Просто Антриас... это Антриас. Сам не остановится. Потому мы все должны действовать вместе. Иначе пропадем поодиночке.

Он помолчал, медленно повернул голову, выпростал из-под одеяла огромные руки. Я с сочувствием смотрел, как он сжал и разжал пальцы.

— Совсем не болит, — проговорил он с детским изумлением. — Вы что... великий лекарь?

Я покачал головой.

— Ваше величество, это не лекарство. Просто обезболивающее. К сожалению, боль завтра вернется.

Он заметно помрачнел.

— Жаль. Тогда нужно успеть хотя бы распорядиться. Страна должна быть готова к вторжению.

— Никому не говорите, — попросил я, — что вашу боль облегчил я.

Он тускло скривил губы.

— Хотите всегда смотреться только умелым бойцом? Не возражайте, я же вижу. Нет-нет, никому не скажу.

Глава 12

Слуга или секретарь уже несколько раз заглядывал в покои и подавал мне знаки, на этот раз я сам помянул его, а когда он с недоверием приблизился, король сказал ему заметно окрепшим голосом:

— Курт, позови командующего армией, глерд-канцлера и членов Тайного Совета...

И все-таки он устал, вызывая военачальников и раздавая распоряжения. Я смотрел с сочувствием, чем-то напомнил Петра Великого, тот, судя по летописям, жутко страдал от болей из-за камней в мочевом пузыре, а когда он страдал от невыносимой рези в канале, его крики слышны были даже на пристани.

Судя по отежнему лицу, у этого может быть та же ситуация, особенно если учесть, что и рацион у них был одинаковый...

Все-таки, как мне показалось, короля любят и жалуют. Возможно, в самом деле не такое уж и чудовище, хоть и сваталось к Орландии. Возможно, немножко туповатый, но лучше добрый и туповатый, чем умный и агрессивный, как тот же король Антриас...

Я скромно сидел в сторонке, прикидываясь то ли врачом, то ли вовсе тряпчочкой, но когда все начали выходить из королевских покоев, рискнул подняться и приблизиться к королевскому ложу.

— Ваше величество...

Он прошептал:

— Мне слышно...

— Вы мужественный человек, — сказал я, — но, ваше величество, эти боли доконают вас.

Он взглянул на меня измученными глазами.

— Вы такую мне новость сказали!..

— Хороший признак, — заметил я. — Острите...

— Это шутки висельника, — буркнул он. — Что вы знаете о таких болях...

— Мало, — признался я. — Но это камни, как догадываюсь, что отложились у вас внутри. Как у кур-не-сушек, но не совсем так. И чуточку иначе, чем у гусей. У тех они круглые, как у уток, но побольше, а у вас поменьше и с острыми краями. Когда лежат спокойно, то терпимо, можно не знать о них вовсе, но некоторые

иногда пытаются выбраться вместо с потоком... да не дерьма, то бы еще терпимо, а мочой... вот тут и начинается веселье! Не для вас, правда.

Он процедил сквозь зубы:

— Это я знаю. А откуда знаете вы?

— У нас один король так страдал, — сообщил я, — придворные рыдали с ним вместе. Жаль, лекарство придумали только после его смерти. Лет через триста.

Он насторожился.

— Что? Лекарство есть?

— Да, — ответил я. — Хотите попробовать?

Он посмотрел исподлобья.

— Шутите?.. Вы же сами сказали, скоро сдохну.

— Я такое брякнул? — спросил я виновато. — Где же моя неврожденная деликатность глерда... Или это из меня такой глерд... В общем, может быть, и не скоро. До утра дотянете...

Он прошептал:

— Вы в самом деле лекарь?

Я покачал головой.

— Нет, но у меня совершенно случайно есть нужная настойка. В путешествии все пригодится, а я такой запасливый, что мне бы купцом, а не глердом.

Он сказал слабо:

— Чем меня только не поили... Только хуже. Уже огромное чудо, что вы сумели погасить хоть на время мои боли.

— Тогда чем рискуете? — спросил я. — Судя по вашему лицу, вы уже на пределе.

Он криво усмехнулся.

— В самом деле... Ну помру на пару дней раньше...

— Ваше величество, — сказал я очень серьезно, — вы сейчас очень ценный союзник для Нижних Долин. Ее величество не желает вас потерять. Вы нужны нам

живым и здоровым. Это я к тому, чтобы вы не подумали насчет отравы.

Он отмахнулся.

— Мне уже все равно. Даже если отравы... Закончатся эти муки.

Он с надеждой смотрел, как я снова щелкнул металлической пряжкой, отстегнув крышку, на этот раз король увидел капсулу побольше, зловеще-красную и продолговатую.

— Это, — проговорил он, — не похоже... на отвар...

— Это отвар, — заверил я, — в сухом виде. Как сухое молоко... Ах да, как молоко может быть сухим... В общем, ваше величество, не умничайте, а глотайте... Предупреждаю, будет хреново, очень хреново.

Он помрачнел.

— А нельзя мне снова то снадобье, что снимает боль?

— Можно, — ответил я. — Да. Но хреново будет по-другому. Организм начнет бороться с инфекцией... с ядом, что вырабатывается в вашем теле... говоря без фокусов, у вас там уже гниет внутри. Такое сразу не залечится, сперва надо убить тех гадов, что творят такое... это такие червячки, но только очень-очень мелкие... а когда воспаление снимется, тогда и... В общем, раскройте рот, вот ваша чаша с вином. Нет, всего глоток, чтобы запить... Помните, все решает соматика. В смысле, если сложите лапки и перестанете бороться, вам конец, а если скажете себе твердо, что сперва королевство от Антриаса нужно спасти, то у вас есть шанс.

Он покорно проглотил капсулу, из чаши сделал всего один глоток, как я и сказал, и вернул мне пустую. Я посмотрел с уважением, буду знать, что такое королевский глоток.

— Не волнуйтесь, — сказал он, — если не получится... я же все равно помирал...

— Ваше величество, — сказал я восхищенно, — не знаю, какой из вас король, но человек вы хороший. Меня утешаете, надо же!..

Он слабо ухмыльнулся.

— Утешение ничего не стоит... А вы меня избавили по крайней мере от боли. Если и сдохну, то без этой рези.

— Уже начинает резать? — спросил я с беспокойством. — Только не врите, ваше величество. Вы же король, по мелочи не брешете.

— Нет, — признался он, — боли еще нет, но уже страшно... как вспомню...

— Не стоит раньше времени, — предупредил я. — Обезболивающее тормозит выздоровление. Потом дам, когда станет совсем больно. Завтра.

— Хорошо, — прошептал он.

Его лицо за это время чуточку порозовело, прерывистое дыхание стало ровным. Я молчал, он осторожно повернул голову, наши взгляды встретились.

— Вы великий лекарь, глерд, — сказал он с чувством.

— Лежите, — велел я, — а то сейчас будет еще хуже. Пока я всего лишь приглушил боль. Это для того, чтобы самолечение не показалось еще большей мукой.

— Но я чувствую себя хорошо!

— Чувствовать, — изрек я, — и быть — две большие разницы, как говорят в одном великом городе. Сейчас начинается процесс растворения ваших камней. Если начнете кабердыкаться, они зашевелиятся и могут попытаться выйти. А так как станут мельче, то могут пролезть, а это значит не просто поцарапают там, а буквально порвут острыми краями, как дурной кот хозяина когтями.

Он содрогнулся.

— Они что, кристаллы?

— Конечно, — заверил я. — У простых людей простой песок или мелкие камешки, у благородных глердов уже полудрагоценные, а у королей сплошь алмазы! А вы знаете, какие они по крепости.

Он снова содрогнулся, замер, прислушиваясь.

— Терпите, — сказал я с сочувствием. — Могут полезть один за другим. Но лучше подождать, пока не превратятся в слизь. Но, если вам вдруг жалко портить такие драгоценные камни...

Он вздрогнул.

— Глерд!.. Это у вас там юмор такой? Жестокий вы народ...

— А еще черствый, — согласился я. — Ваше величество, вы кабан здоровенный, у вас сердце, как вижу по морде лица, крепкое, так что, скорее всего, выдержите некоторое отравление организма... Не дайте себе умереть раньше Антриаса. Переживите этого гада!

В жару король метался несколько дней, часто теряя сознание, бредил, в самом деле боролся со смертью, но сегодня в минуту просветления велел подать себе некую бумагу, скрепленную своей подписью и королевскими печатями, собственноручно швырнул ее на жарко полыхающие угли в камине.

Курт просиял, сказал с чувством:

— Ваше величество!

Астрингер ответил слабым голосом:

— Ты прав, мой старый друг... Еще рано.

Я спросил шепотом у Курта:

— Что он сжег?

Тот ответил радостным шепотом:

— Завещание. С указанием наследника. Значит, идет на поправку.

На следующий день Астрингер выглядел еще изму-

ченнее, а лекари сообщили, что его величество начали мочиться, к их ужасу пополам со зловонным гноем и даже с кровью.

Курт, его секретарь, постелил себе матрас возле королевского ложа и спал там, а нам с Фицроем освободили комнату рядом с королевскими покоем.

Вместе с Куртом в королевских покоях все дни кризиса ночевали и лекари, старые, мудрые и очень грустные из-за бессилия помочь его величеству, которого знали едва ли не с пеленок.

Секретарь, проникшись ко мне почтением, то и дело спрашивал, что и как дальше с его величеством, я заверял каждый раз:

— Будем ждать. Его величество здоровый бугай.

Один из лекарей прислушался, переспросил испуганно.

— Бугай... Это... в ваших землях... похвала?

— Да, — заверил я. — Даже комплимент! У нас каждый старается выглядеть побугаистее, но, увы, получается редко у кого. А его величество... это просто бугаище!

— Бугаище, — повторил он раздумчиво, пробуя слово на вкус и запоминая его значение. — Вообще-то звучит царственно... По-королевски. Что ж, будем ждать...

Секретарь напомнил:

— Кстати, на гербе его величества как раз могучий бык.

Астрингер открыл один глаз, посмотрел на меня грустно и устало, снова опустил веки, напухшие и красные.

Курт сказал мне тихонько:

— Пусть отдыхает, давайте подождем в другой комнате.

— Да я вообще-то зашел только узнать, — сказал я, — а так у меня дел по горло...

Курт сказал испуганно:

— Но здоровье его величества...

— Это ваш король, — напомнил я. — Уверен, вы делаете для него все, что в ваших силах. Ваши лекари знают свое дело, даже не пытались пустить кровь, понимают, что можно, что нельзя, а это уже здорово.

Он воскликнул уже с негодованием:

— Не уходите, глерд! Дело о здоровье его величества!

— Успокойтесь, — сказал я мягко. — Я вас понимаю и сочувствую. Только я, напоминаю, подданный королевы Орландии.

Я повернулся к двери, ее открыли с той стороны, в комнату быстро вошел крупный человек в темном костюме с золотым шитьем, мне почему-то показалось, что у него под одеждой металлическая кираса.

На меня бросил цепкий взгляд, кивком подозвал Курта, коротко переговорил, кивнул и прошел к постели короля. Я не слышал, о чем они говорили, через некоторое время Курт оглянулся, махнул рукой.

— Глерд Юджин, не присоединитесь?

— Пить будем? — осведомился я.

— И много, — подтвердил он.

— Тогда я в вашем распоряжении, глерд.

Король все в той же позе раскинут на ложе, лицо бледное и в крупных каплях пота, грудь вздымается часто и с хрипами, губы почти синие.

Человек в темном костюме сказал тихо:

— Ваше величество... можете не отвечать. Я просто сообщаю, вы же велели докладывать, как там идет. Все выполнено, ваше величество!.. Триста мужиков из ближайших сел копают ров, три отряда моих ратников рубят лес на колья, другие готовят ловчие ямы...

Астрингер прошептал едва слышно:

— Глерд Юджин...

— Я здесь, ваше величество, — заверил я. — Вы важный союзник, не в интересах королевы Орландины дать вам околеть!

Его лицо чуть дернулось, то ли силился улыбнуться, то ли скривиться, но сил на полноценную гримасу не хватило.

— Спасибо, утешили... Это мой командующий армией глерд Эверхартер. Ему придется труднее всех. А вы в самом деле утешили, глерд. У меня ничего не болит, но никогда мне еще не было так паршиво... Я издыхаю, скажите правду?

— Ни в коей мере, — заверил я. — Сейчас ваши лекари готовят куриный супчик. Для восстановления сил. Хорошие у вас лекари, ваше величество! Я попробовал супчик, каюсь, не утерпел... скажу честно, такими лекарями нужно дорожить. Думаю, это у вас продлится еще с недельку, а потом воспаление уйдет целиком и даже как бы полностью. Подтвердите, что я велел все их лечебные отвары временно отложить... Сейчас только лечебное питание. Ничего больше. Они в этом намного лучше разбираются... Таким супчиком даже мертвого можно поднять из могилы! Нужно всего лишь заставить себя съесть хотя бы полтарелки.

Курт посмотрел на меня с укором.

— Глерд, это лучшие на свете лекари!

— Согласен, — сказал я, — только пусть его величество сперва выздоровеет и совершит пару важных дел на благо королевства. Потом лечите, не жалко.

Астрингер прошептал:

— Вот это государственный подход. Узнаю свою кузину.

— Дело прежде всего, — подтвердил я. — Вы тоже даже в таком положении не забываете о королевстве!..

Даже о женщинах, полагаю, думаете чуть меньше, чем о защитном поясе из копейщиков и лучников?

— Об этом думает глерд Эверхартер, — прошептал он. — А я думаю, что делать потом. Короли должны видеть ясно дороги, что для других еще в тумане.

— Думайте, — разрешил я, — это гоняет кровь от ж...ы через сердце в мозг и обратно. А для вашего выздоровления циркуляция крови просто необходима. До завтра, ваше величество!.. Выполняйте указания глерда Курта, я ему все рассказал, что и как делать, а он, как ни странно, согласился. Даже бить его не пришлось.

— Умным людям легче договариваться, — прошептал он. — А вот королям непросто.

Курт проводил меня до двери, сказал шепотом:

— Глерд, все эти дни вы не покидали дворца, а в вашем возрасте наверняка жаждетсЯ развлечений... Говорите, мы для вас сделаем все.

— Здорово, — ответил я. — Мне бы хотелось прокатиться немножко на самом большом корабле, а потом отправлюсь обратно в Нижние Долины!

Он запнулся, по лицу вижу, ждал от меня насчет дорогого вина, да побольше, и молодых женщин, но быстро собрался, сказал с улыбкой:

— Глерд... это не отдых, а тяжелая и опасная работа. А какие предпочитаете удовольствия в столице?

— Что вы, глерд, — ответил я, — побывать на море и не поплавать?.. В королевствах, не имеющих выхода к морю, это же мечта!.. Как у вас насчет морского флота? Много островов и земель открыли? Дивных стран в океане и удивительных народов?

Он посмотрел как на сумасшедшего.

— Зачем это нам?

Я опешил.

— Как... Зачем? Говорят, можно не жить, но плавать надо!

— Дурость, — произнес он солидно, — наши мудрые короли, еще при дедушке нашего Астрингера... нет, при его деде!.. сумели договориться, что два соседних королевства, Пиксия и Гарн, берут на себя все трудности перевозки наших товаров по морям. И если что будет потеряно в бурю, то выплачивают нам полную стоимость!..

Я пробормотал:

— Звучит неплохо.

Он хохотнул.

— Неплохо? Это мудрый ход!.. Пусть их корабли тонут в океане и разбиваются о скалы, а мы на своих нивах выращиваем самое лучшее в этих краях зерно, у нас не бывает засухи благодаря близости моря, у нас лавки ломятся от товаров!

— Верно, — признал я, — но все-таки жаль... Море, дальние плавания, открытые острова... перспективы...

Он посмотрел на меня с дружеской насмешкой.

— Вы молоды, — сказал он покровительственно. — А повзрослеете, дурь пройдет. Будете думать о семьях, об урожае... В общем, если что нужно...

— Скажу сразу, — пообещал я, и он мягко закрыл за мной дверь.

Глава 13

Фицроя отыскать удалось не сразу, он за все время во дворце показывался только переночевать, да и то всего дважды, пришлось расспрашивать о глерде из королевства Нижних Долин, такого не могли не заметить.

К моему изумлению, пришлось вытаскивать не из женской постели, а из лавки древностей, где он усердно выторговывал нечто уникальное, что возвращает молодость и потенцию, что, конечно, важнее.

Он заметно обрадовался, начал рассказывать, что успел купить и какие сделки повернуть, я прервал:

— А как тебе сама Дронтария? В целом?.. Это же королевство, у которого выход к морю!.. Чуть дальше по реке — и попадем прямо в безбрежный океан... Нет, сперва в море, но только с этим что-то непонятное.

— Что?

Я коротко объяснил, он кивнул.

— Это мне в первый же день объяснили. Королевство, говорят, не настолько большое, чтобы строить собственный флот. А Пиксия и Гарн, это соседи справа и слева, взяли на себя заботу о дронтарских товарах.

— Не бесплатно, конечно?

Он взглянул с укором.

— Кто же будет работать бесплатно? Разумеется, платят. Но и своим бы платили!.. Зато не нужно заботиться о ремонте кораблей, наборе команды, обучении, жалованье матросам... Платят только за перевоз!

— Гм, — сказал я, — что-то как-то не верится в такое бескорыстие соседей. А вот в то, что им выгодно было убрать конкурента, а то и соперника, с морских путей...

— Да ладно, — сказал он с укором, — каждый старается устроиться с удобствами! А что может быть лучше, когда работают за тебя?.. Пойдем выпьем, я здесь такой кабак отыскал, чудо!..

— Кабак да, — согласился я, — ты их отыскиваешь по нюху. Но эта лавка, гм...

Он сказал задиристо:

— А вдруг и я куплю что-то древнее, как твой магический арбалет?

— Пойдем, — сказал я, — чтобы стать магом, нужно много знать, а во многих знаниях много горя, как говорит Екклезиаст, потому что именно при его дворе придумали: много знает — убивать пора! А когда ловили убитого соседа и спрашивали за что, тот отвечал честно: он слишком много знал!

Кабак оказался небольшой, уютный, Фицрой пояснил, что здесь только для благородных, есть культура, и я в этом убедился, когда толстая стряпуха, подавая нам ложки, сперва вытерла их о задницу, что почему-то напомнило о Томске, но из-за чего, не вспомнил.

Когда перекусили мясом и сыром, Фицрой наполнил две оловянные чаши вином, придвинул одну мне.

— Здесь отменное. Что делать, на юге солнца больше! Пробуй.

Я сделал глоток, прислушался, все-таки общее происхождение дает знать, вино есть вино, пусть за годы мутаций вкус слегка изменился.

Фицрой поглядывал искоса, наконец сказал недовольно:

— Чего молчишь, как сыч?.. Поплывать все еще хочется?

— А тебе? — спросил я.

Он посмотрел в изумлении.

— Еще бы. И полетать.

— И летаем, — пообещал я. — Не на этих ненадежных монгах, а на чем-нибудь... ладно, все впереди. Но что-то в этом неверное. Не верю, что только молодые стремятся рисковать в море, а люди зрелые воздерживаются.

Он посмотрел с интересом.

— Ну-ну?

— Что-то не так, — сказал я. — Ладно, узнаем. Просто не верю, что народ, живущий на берегу моря, вдруг по своей воле отказался от морских путешествий.

Он напомнил:

— Но если Пиксия и Гарн предложили все товары перевозить на своих кораблях... и если это выгоднее, чем строить свой флот?

— Надо разобраться, — ответил я. — Может быть, меня слишком много обманывали, или же слишком много повидал обмана вообще, но не верю, что эти два королевства перевозят товары дронтарских купцов без особой корысти!

— Корысть наверняка есть, — сказал Фицрой солидно. — Но прикинь, во что обошлось бы строительство собственного флота Дронтарии! Умные головы посчитали и решили, что дешевле продавать с небольшой скидкой иноземным купцам, а дальше пусть плывут через бури и штормы, кто-то погибнет, кто-то выживет, но деньги за товар получены вперед, дальше эти проблемы пиксичей.

Я сделал еще глоток, задумался, повертел между пальцами тонкую ножку чаши.

— Ладно, узнаем больше, а пока с выводами лучше не спешить. На свете много всяких чудес, что и не снились нашему Фицрою.

Он сказал весело:

— Ты совсем разучился верить людям! Вот увидишь, все подтвердится. Налить еще?... По глазам вижу, давай чашу.

— С тобой пообщаешься, — огрызнулся я, — вообще всех убивать пора!

На другой день я с утра пораньше вошел в королевские покои, с плеч свалилась незримая тяжесть: король не лежит трупом, а полусидит в постели, обложенный

подушками, грелками, а под спиной целый матрас, свернутый вдвое.

Курт застыл как столб, руки сложил, притворяется, что его нет вовсе, но вообще-то всегда готов, только извольте повелеть.

Астрингер сразу поймал меня взглядом и держал им, пока я торопливо шел к нему, что говорит о достаточном уровне концентрации внимания.

Я поклонился, а он сказал с чувством:

— Глерд, вы спасли мне жизнь!

Я ответил скромно:

— Да не стоит снова благодарить за такую ерунду... вы это вчера сказали. Не ваша жизнь ерунда, ваше величество, она как раз не ерунда сейчас, когда вот-вот война, это я вам не как политик политику, вы поймете, а как бы человек человеку, хотя вы не человек, а государь, а я вообще непонятно что.

Он покачал головой.

— Да, вы еще какой политик! Такое сказали, что ничего не понял, зато с каким видом!..

— Учусь, — сказал я скромно, — когда-нибудь дорасту до настоящего политика. Если не свихнусь раньше.

— Глерд, — казал он серьезно, — излагайте все, что нужно. Обещаю сделать все, что в моих королевских силах.

— Ваше величество, — сказал я, — простите, что прерываю, но я человек скромный до наглости, мне ничего не надо.

— Скромный до наглости, — пробормотал он. — Интересное определение... У нас говорят «скромный до дурасти», но к вам это явно не подходит. Глерд, голова моя стала ясной, как никогда прежде. Ею я уже здоров, хотя телом еще слабее мыши... Я вспоминаю, насчет чего я нараспоряжался, и оторопь берет... Я действовал

в своем уме? Или та проклятая лихорадка лишила меня разума?

Я покачал головой.

— Ваше величество, к сожалению, я прибыл из Нижних Долин с нерадостными вестями, но вы мудро и своевременно, невзирая на телесную и прочую немощь, отдали точные и разумные распоряжения насчет строительства защитных укреплений. Все-таки потери наступающей армии всегда три к одному, так что у ваших людей преимущества будет еще больше... примерно пять к одному, считая помощь защитного вала и ряды оструганных кольев.

Он нахмурился.

— Значит, это все правда... А то я уже подумал, у меня был такой жар, что бредил...

— Вы бредили, — подтвердил я, — но по-королевски.

— Это... как?

— Величественно, — пояснил я, — и с достоинством. Хотя и жутко пердели, но женщин не было, так что все нормально, мужчины все на свете свои и одна как бы стая. У вас там такое скопилось, нужно было от всего лишнего избавиться...

Он пробормотал:

— Итак, что хочет от меня моя кузина?

— Победы, — ответил я.

— Чего? — переспросил он. — С вашей помощью она меня уже победила.

— Сейчас у вас один противник, — напомнил я. — Ваше величество, если вы уже забыли, то повторяю, король Уламрии решился воплотить свой великий план в жизнь. Он намерен превратить свое государство в, так сказать, морское. Ему нужен выход к морю, а самый кратчайший путь — через Нижние Долины в Дронтарию. Долгие годы он готовил армию, искал союзников

и даже договорился с регентом Опалоссы о совместных действиях. Теперь все зависит от того, договорились вы с ее величеством или скажете, что все было в бреду и вы за себя не отвечаете.

Он поинтересовался хмуро:

— А что мне еще остается?

— Значит, действуете заодно?

— Я прижат к стене, — напомнил он. — Король Антриас идет в Дронтарию, чтобы сокрушить мою армию и захватить мои земли. И даже мой трон, скотина!

— Он это сделает, — сказал я, — если не будете сотрудничать с ее величеством. Первое, вы не должны переходить границу и помогать гуцарам, которые оказывают яростное сопротивление уламрам.

Он буркнул:

— Разве это не в интересах королевы?

Я покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Подумайте, — ответил я, — вы же король и все поймете.

Он поморщился.

— Ах да, они мятежники и не признают ее власть. Она хочет убить сразу двух зайцев?

— А вы не так бы сделали? — спросил я. — Как только Антриас разобьет гуцаров и вторгнется в ваше королевство, ее величество выведет все войска из крепостей и ударит ему в спину. Ему придется очень не просто, учитывая, что будет отрезан от баз снабжения. Шайки мятежника Роммельса будут перехватывать все его отряды, отправленные в села за продовольствием.

Он прервал:

— А ему это зачем? Вашему неуловимому Роммельсу?

— Вы очень хорошо сказали, ваше величество, хотя и сами вряд ли это поняли.

— Глерд...

— Он неуловимый потому, — объяснил я, — что его никто не ловит. Насчет Роммельса не волнуйтесь, все схвачено, обо всем договорено. У нас такая дипломатия, даже с террористами наладит диалог, если нужно подгадить соседу. Слова это слова, а жизнь — жизнь. По дороге в Дронтарию я кое-что успел с ним перетереть. Совместные действия против иностранного вторжения повысят рейтинг Роммельса и, возможно, заставят его принять некоторые предложения ее величества по легализации преступно нажитых незаконным путем капиталов.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Какой-то вы всеядный... И с королевой общаетесь, и с самым подлым из разбойников договариваетесь.

— Я не политик, — напомнил я, — но работаю на политиков. Говорят, есть такие работы, которыми даже политики гнушаются... хотя я в это не верю, это сами политики запускают в массы, чтобы коричневые одеяния сделать чуточку белее. В общем, Антриасу подкреплений из Опалоссы ждать не придется, на что он рассчитывал, в то время как у вас все под рукой. Вам нужно будет только убрать с его дороги склады с продовольствием, зерно в амбарах, любой фураж для конницы... Это я к тому, что оборонительную линию он все равно прорвет, не для того задумывал великий поход, чтобы его остановили в самом начале.

Он поинтересовался недоверчиво:

— А ее величество королева... в самом деле ударит ему в спину? Или все же отсидится в крепостях?

— Расправившись с вами, — ответил я честно, — Антриас остатки вашей разбитой армии вошьет в свою

потрепанную, переоснастит и станет еще сильнее, чем был. Так что участь Нижних Долин будет решена. Королева это понимает, и вовсе не из любви к вам будет помогать разбивать Антриаса.

Он криво усмехнулся.

— Ну.. в такое верю больше. У нее всегда был холодный расчетливый ум. Я сватался к ней, но, честно говоря, я бы побаивался ее в постели... Глерд, у меня личный вопрос...

— Ваше величество?

Он проговорил с неловкостью, непривычной для такого огромного короля:

— Я никогда не чувствовал себя таким здоровым. Это... надолго?

— Хотел бы я сказать, — ответил я осторожно, — что навсегда, но, боюсь, это всего лишь на несколько лет. Вы же не измените свое питание?.. Потому лет пять будет копиться песок, слипаться в камешки... а потом опять их почувствуете. А может, и не почувствуете. У всех по-разному.

Он вздохнул с таким облегчением, словно стряхнул с плеч по меньшей мере горный хребет.

— Несколько лет? Это же вечность!.. За это время могу сто раз погибнуть в бою, утонуть в бассейне, упасть со скалы... ну ладно, с балкона, могу же помечтать о чем-то красивом?.. Вы чародей, не к ночи будь сказано. Так что сделаю все, как и предлагает мне ее величество ваша королева. Хотя вы не совсем вроде бы и нижнедолинец.

— Не совсем, — ответил я. — Путешествую. Столько королевств прошел, как уже сказал, что уже и не помню дорогу обратно. Нужно будет топтать новую.

Он продолжал всматриваться в меня очень внимательно.

— Значит, вас ничего особенного с Нижними Долинами не связывает?

— Ее величество, — ответил я скромно, — изволила, как я уже упоминал, пожаловать мне за пустяковую услугу замок с большим участком земли. Так что я... гм...

Он проговорил медленно:

— До меня доходили некоторые слухи. Была попытка захвата власти?

— Что-то вроде, — пробормотал я.

Он спросил тише:

— Предотвратили ее вы?..

— Я оказался там случайно, — заверил я. — Просто так получилось. Не скажу, чтобы был как-то расположен к королеве чужого для меня государства, но не мог смотреть, как на моих глазах убивают женщину... Так что, как вы верно изволили заметить, теперь нижнедолинец. В какой-то мере, конечно. Частично. И, думаю, не до конца жизни.

Глава 14

Король продолжал всматриваться в меня со всем вниманием, бросил быстрый взгляд на секретаря, но Курт сделал вид, что ничего не замечает и вообще как бы отсутствует.

— Глерд Юджин, — проговорил Астрингер с неудовольствием, — мне тягостно даже подумать, что завтра-послезавтра отбудете в свои Нижние Долины!

Я ответил вежливо:

— Ваше величество, я всего лишь выполнял поручение ее величества.

Он отмахнулся.

— Да в ж...у эту вашу королеву! Не обижайтесь, мне она не королева, да и для вас не совсем уж... Вы для меня важнее всех королев на свете. Я бесконечно благодарен вам, глерд, вы мне жизнь спасли!.. И что, уедете, и я вас больше не узрю?

Я ответил вежливо:

— Ваше величество, нам не дано предугадать, как слово мага отзовется. Мир тесен, уже все бока пооббивал.

Он вздохнул.

— Знаете ли, у меня еще вчера появилась смутная идея... Если моя кузина Орландия пожаловала вам замок с участком земли... то почему это не могу сделать я? Я не знаю, почему она решилась на такой щедрый подарок, но, полагаю, это именно в уплату за тот случай, когда вы помогли погасить насильственный захват власти.

Я ответил сдержанно:

— Ваше величество, нам не стоит судить своих правителей и мотивы поступков.

Он сказал с решительностью в голосе:

— Хорошо же. Я буду чувствовать себя неблагодарным, если не вознагражу вас чем-то... аналогичным. В моих владениях освободился замок Медвежий Коготь с достаточным участком земли, что позволит жить безбедно и даже... зажиточно. Он с этой минуты ваш, глерд!

— Ваше величество, — сказал я осторожно, — мне кажется, вы слишком быстро принимаете решения.

— Что значит, — переспросил он, — слишком?.. Под действием лихорадки?

— Под влиянием момента, — пояснил я. — А к вечеру пожадничаете. И будете думать, как отнять взад. То ли зарезать, то ли удушить...

Он приподнял брови.

— Даже так?

— И вообще, — сказал я, — очень не хотелось бы ущемлять чьи-то права. Это не в моих нахальных правилах.

Он покачал головой, оглянулся на неподвижного Курта.

— Видите?.. Вот что значит благородство. Глерд Юджин, заверяю вас, земли Медвежьего Когтя свободны полностью. Род благородного Гурлея пресекся, увы, о нем я жалею, он был верным слугой и хорошим человеком. По закону такие земли отходят во власть короля. Однако предпочитаю снова дарить кому-то из доказавших верность королю, а главное — полезность королевству. Так управляется эффективнее, а прибыли в казну поступает больше.

Я молчал в затруднении, Астрингер смотрит с интересом, за спиной зло пыхтит Курт.

— Ваше величество, — произнес я наконец, — позволено ли мне сперва взглянуть на ваш щедрый дар?

Курт всхрюкнул в великом возмущении, ну что за свиньи такие в Нижних Долинах, еще и перебирают, но Астрингер посмотрел с явным одобрением. Жулик на моем месте сразу же взял бы, чтобы потом продать или обменять, а вот такое отношение, как у меня, говорит о серьезности.

— Разумеется, — воскликнул он с энтузиазмом. — Я велю выделить охрану!

— Ваше величество, — запротестовал я, — это слишком большая забота!..

Он сказал с некоторой неловкостью:

— Там в последнее время беспокойно. Хозяина нет, сразу же крестьяне перестали платить налоги, а самые бойкие начали разбойничать...

— Я не один, — напомнил я. — Мы с другом стоим целой армии. Ваше величество?

Он наклонил голову.

— Курт, принеси карту.

Курт вздохнул, покачал головой, в глазах укор, но вижу, втайне ликует, король оживает просто на глазах, а это значит, оживет и затихшее в тягостном ожидании королевство.

Принес он не только карту, но и снятый с легкого столика верх, вбежал откуда-то слуга и торопливо подложил королю под спину большую подушку. А Курт опустил ему на приподнятые колени столешницу и подал карту.

Астрингер развернул во всю ширь, Курт придерживал услужливо край со своей стороны. Я всматривался с любопытством, Дронтария чуть поменьше Нижних Долин, узким клином достигает моря, впечатление такое, что с огромными усилиями прорвалась к нему, все-таки справа и слева крупные королевства, каждое почти вдвое крупнее, а значит и сильнее, здесь размер имеет первостепенное значение.

Он ткнул пальцем в береговую линию.

— Вот эти земли после смерти последнего из рода Трембазеров остались свободными и перешли во владения короля.

— Приличный кусок земли, — пробормотал я.

— Гурлей был богатым человеком, — сказал король. — Я уже начал было подыскивать достойного человека на роль хозяина...

Я ждал продолжения, но он сделал долгую паузу, я сказал осторожно:

— Да, конечно. Когда есть хозяин на месте, доход в казну поступает исправно...

Он кивнул.

— Точно. А когда хозяина долго нет, вообще перестают платить налоги. Причины всегда найдутся. Вы мое предложение принимаете?

Я пробормотал:

— Ваше величество... насколько вы серьезно?

Он шлепнул растопыренной ладонью по карте.

— Эти земли ваши! И замок. Не думаю, что ваш замок в Нижних Долинах краше. К тому же здесь море, чего нет во владениях ее величества королевы Орландии.

Я молчал, достаточно ошарашенный, а в голове звучит название мистического супербоевика по пьесе Островского «Не было ни гроша, и вдруг алтын». Не знаю, что такое алтын, но, наверное, что-то вроде золотого гульдена или двойного наполеондора в стране вампиров и зомби.

— Глерд? — спросил он.

— Ваше величество, — проронил я, — мне как-то неловко. Я вообще-то свинья еще та, бесцеремонная и все такое, но мне кажется, плата неадекватна услуге.

Он хмыкнул.

— Хотите больше?

Я отшатнулся.

— Ваше величество! Вы меня уже совсем каким-то мерзавцемставляете. Если не верите, что я сделал это из сочувствия к умирающему в тяжких муках еще крепкому и здоровому мужчине... тогда поверьте, что я сделал это ради прочного союза Дронтарии с Нижними Долинами!

Он улыбнулся левой половинкой рта.

— Короли не такие уж доверчивые идеалисты, глерд. Я догадываюсь, что вам Нижние Долины так же безразличны, как и Дронтария. У вас ни там, ни здесь родни, друзей детства, сладостных воспоминаний. Так что ваши настоящие мотивы я не знаю, но судить могу

по вашим поступкам. А они... все в мою пользу. Так что прошу вас хотя бы осмотреть тот замок. Мне кажется, если вы росли вдали от морей, то вас те земли очаруют.

Курт подтвердил со вздохом:

— Понравятся, понравятся... Так вцепится, что потом не отнимешь. Придется в самом деле того... удавить где-то втихую.

Астрингер слабо усмехнулся.

— Можете выехать на свои земли в любой момент, но я бы посоветовал задержаться до завтра.

— Ваше величество?

Астрингер вместо ответа взглянул на Курта.

— Как там?

— Все переделываем, — сообщил тот, — вместо тризны будет пир в честь выздоровления его величества!.. Многие будут застигнуты врасплох, но я уже стягиваю в столицу дополнительные отряды королевских стрелков. А вся гвардия окружила дворец еще три дня тому.

— Хорошо, — сказал Астрингер и перевел взгляд на меня. — Момент, которым я вдвойне наслаждаюсь. Все стервятники слетелись во дворец, он уже переполнен, потому Курт усиливает охрану моей особы и перекрывает ходы-выходы.

— А в городе? — спросил я.

Он посмотрел с интересом.

— Сразу схватываете?.. Да, у многих вельмож свои дома и даже дворцы в столице. Там у них накапливаются ударные отряды. Вообще-то в борьбе за трон готовились резаться друг с другом...

— Сейчас все в замешательстве, — сказал Курт счастливо. — А на пиру так вообще кто-то с горя помрет.

— Вот счастье-то, — согласился я. — Труп врага хорошо смотрится и даже пахнет. Увы, я человек из медвежьего угла.

Астрингер сказал с укором:

— Да ладно вам, наслаждайтесь моментом. Все ждут моей смерти. Врачи наверняка сообщили, что доживаю последние не только дни, но и часы... А так как наследника я все ещё не назначил...

— А свои дети?

Он тяжело вздохнул.

— Двое сыновей погибли, еще один умер в детстве... Обе дочери выданы замуж...

— А их мужья не будут претендовать на трон?

Он покачал головой.

— У нас другое наследование. Наши старейшины еще в древние времена решили, что передавать трон сыновьям — плохая идея. Во всяком случае, есть лучше. К примеру, король долго присматривается и сам выбирает того, кому оставит трон. А то сын бывает таким идиотом, как ему оставлять трон?.. Потому все съезжаются в столицу и ждут, кого назначат...

— А если бы не успели?

— Война, — ответил он. — Междоусобная между кланами и родами. Но теперь вместо поминального пира будет, как вон говорит Курт, пир по случаю моего выздоровления.

Я сказал с неловкостью:

— Ваше величество, только не упоминайте, что я был в некотором роде причастен.

Он хохотнул.

— В некотором роде? А почему такая скромность?

— Я же не лекарь, — объяснил я. — С вашим случаем просто повезло! А если и другие ко мне обратятся... В вашем королевстве начнется мор и всеобщее вымирание, как в триасовом периоде! Был такой в нашем королевстве. Наверное, был.

Он кивнул, лицо стало серьезным.

— Да-да, вы правы. Я как-то не подумал. И Курту велю не болтать лишнего.

Курт напомнил скромно:

— Вы уже велели, ваше величество.

— Ах да, — сказал Астрингер с досадой, — все-таки память начала пошаливать. Глерд Юджин, отдыхайте, наслаждайтесь нашим гостеприимством. Завтра пир, не забудьте!..

— Но вам лучше оставаться в постели, — предупредил я.

— Я осторожненько, — пообещал он. — Выползу, чтобы показаться, и сразу вернусь. Честно говоря, я не настолько хорошо себя чувствую, чтобы за столом сидеть, а лежать пока еще не принято даже в отношении королей.

Глава 15

Пока гонцы со всех концов страны сообщали, как собирается армия и направляется в лагеря поближе к границе с Нижними Долинами, Курт докладывал королю о подготовке к грандиозному пиру, что покажет короля живым и здоровым, а это несомненно повысит боевой дух населения.

Столы накрыли в двух залах для торжественных приемов, в одном знатнейшие глерды и самые знатные, во втором чуть попроще, но тоже знатные и родовитые, у остальных ко дворцу попросту нет допуска.

Пир начался без короля, что сразу же вызвало разговоры, но он появился даже не в разгар, а ближе к началу. Выслушал бурю восторгов, повнимал с благосклонной улыбкой отца королевства, ближайшим сподвижникам представил меня, чрезвычайного и пол-

номочного посла ее величества королевы Нижних Долин Орландии.

Я сидел с ним по левую руку, справа от короля расположился Эверхартер, командующий королевскими войсками, на меня совершенно не обращает внимания, держится красиво и величественно, словно олицетворяя незыблемость королевской власти.

Фицрой сам не захотел пировать в главном зале, шепнул мне, что предпочитает быть первым во втором, там будет веселее, у него есть опыт, а я вместе с остальными знатнейшими глередами пил и ел, прислушивался к разговорам.

О войне никто не говорит, хорошо, пока эта новость умело держится в тайне.

Астрингер тихонько шепнул:

— Кстати, вот там третий у главной колонны герцог Руммель с женой и дочерью. Это ваш сосед слева... Можете познакомиться прямо здесь.

Я запротестовал шепотом:

— Ваше величество, я еще не принял ваш щедрый подарок!

— После пира, — посоветовал он, — съездите и посмотрите. Это не помешает нашей подготовке к войне с Уламрией. Я уже отдал все распоряжения насчет сбора армии, часть из них вы слышали. Мы же не выступаем навстречу, все равно должны дожидаться подхода армии Антриаса за глубоким рвом и высоким валом. Просто посмотрите замок, села, пашни, леса... Там райское место!

Мне показалось, что-то недоговаривает, говорит слишком весело и небрежно, но вникать не стал, сама идея принять замок с землями еще и здесь кажется дикой, мне и тот ни к чему, а этот — тем более.

Герцог, который мой сосед, герцог Руммель, повернулся от жены к соседу, герцогиня взглянула в нашу

сторону, то есть на короля, я невольно засмотрелся на нее, странный образец нездешней красоты, слишком резко вычерченное и вылепленное лицо. Челюсть как у Габсбургов, щеки запавшие, а брови угольно-черные вразлет красивыми стремительными дугами, глаза же крупные, чуть навывают.

В строгом платье немолодой светской дамы, хотя, на мой взгляд, еще достаточно молодая женщина с крупными внимательными глазами, алгебраически точно высчитанными пропорциями лица, у меня даже сердце защемило, ничего ни прибавить, ни убавить, аристократический облик женского совершенства.

Она поймала мой взгляд, красиво приподнятые дуги бровей приподнялись чуть выше, но я не отвел взгляд, совершенство встретить в нашем мире так и не удастся, а здесь вот оно.

Астрингер сказал негромко:

— Присматривайтесь, присматривайтесь. Это не худшие в мире соседи. Не правда ли, при ее уродливости герцогиня... даже красива?

— Уродливо красива? — переспросил я. — Да, пожалуй...

В моде женщины с милым круглым лицом и ямочками на щеках, скошенным подбородком, а у герцогини, как напомнил я себе еще раз, нижняя челюсть выступает вперед, щеки запавшие, скулы высоки, в довершение всего выше остальных женщин на полголовы, а то и на голову, а какой мужчина потерпит, чтобы женщина с ним вровень или выше? Это унижение для мужской гордости.

Глаза ее слегка навывают, словно крупные глазные яблоки не помещаются в глазных пещерках, а такое расположение всегда придает, по общему мнению, наглое выражение, хотя это всего лишь анатомия.

Она перевела на меня царственный взор этих прекрасно наглых глаз, я постарался изобразить на лице предельную степень восхищения и даже восторга.

Ее брови чуть приподнялись, ресницы просто дивно громадные, черные, как у Кармен, и длиннющие, с красиво загнутыми кончиками.

Она тебя не поняла, сказал мне внутренний голос, будь поосторожнее, учитывай здешние вкусы. Здесь царит рубенсовщина с его мясистыми бабами, что вообще-то нравится и тебе, у тебя же вкусы, как у всех мужчин, но вот лицо у нее, как... даже не подберу сравнение, но впечатляюще.

— С нею дочь Сисилия, — шепнул король. — Правда, чудо?

— Совершенство, — согласился я.

— Ее первый выход в свет, — пояснил он. — Ей уже четырнадцать.

Сисилия, как мне показалось, взяла черты отца, мелкие, правильные, изумительно выточенные, вся как филигранная игрушечка, с любовью вырезанная лучшими мастерами.

— Ваше величество, — напомнил я, — как-то мне ваш дар принимать не совсем ловко. Если бы в кости выиграл, другое дело! А как плату за лечение — это неплохо. Такое делается бесплатно. Из любви к ближнему, как говорится для народа.

Он усмехнулся.

— А на самом деле?

— Из стратегического партнерства, — пояснил я, — королевств Нижних Долин и Дронтарии.

— Так это же, — сказал он, — в целях дружбы наших королевств!.. Политический шаг. К тому же вы предупредили о грядущей войне. Присмотритесь, говорю еще раз. Герцог Энтони Руммель и герцогиня Эльж-

бетта Руммель. Сегодня вывели в свет, как и обещали, свою дочь. Как видите, пока еще с двумя няньками. Входит в возраст, когда можно выдавать замуж.

Я снова посмотрел на эту Сисилию, совсем юная девушка-подросток, огромные глаза, расширенные в детском удивлении, печаль в них, кружевной воротничок на тонкой шее, что ни к чему не прикреплен, просто украшение вместо нитки жемчуга или бриллиантов, такое нежное и вроде бы не к месту, но она вся не к месту в этом жестоком и грубом мире.

— Она же совсем ребенок...

— Браки заключаются не в один день, — напомнил Астрингер благодушно. — И пару выбирают долго и тщательно. Чем ее родители сегодня и займутся... Хотя, конечно, уже давно прикидывают дома, кто может составить партию их чудо-ребенку..

Я вспомнил, Джульетте было четырнадцать, когда влюбилась в Ромео, а возраст ее матери видно уже по сказанному строго дочери: «Что до меня — в твои года давно уж матерью твоей была», так что синьоре Капулетти было никак не больше двадцати восьми лет, а скорее меньше, старуха, понятно.

Так что герцогиня Эльжбетта, выводя дочь в высший свет, все внимание сосредотачивает на ней, потому что теперь это она, Сисилия, — центр всего, а мать всего лишь мать, на втором, а то и третьем плане.

Я смотрел на герцогиню, блин, да она же совсем юная, моя ровесница, а я должен смотреть, как на мать этой юной красавицы? И вообще смотреть только на этого подростка? У нас они тоже рожают, бывает, и в тринадцать лет, когда залетают, но это еще не повод выдавать в тринадцать замуж...

Астрингер проговорил тихонько:

— Сейчас я сделаю вид, что бодр и весел, постараюсь своими ногами добраться до постели.

— До постели?

— До двери, — уточнил он. — А там мне помогут. А вы пируйте, а потом зайдите, если будет желание...

Он поднялся, красивый и величественный, на плечо Курта оперся, как бы выказывая ему благоволение, но я заметил, что почти навалился, а Курт, не дрогнув лицом, пошел как бы рядом, а на самом деле почти понес его к выходу из зала.

Я некоторое время поглощал хорошо приготовленное мясо, надо бы ввести в употребление вилки, а то брать пальцами как-то не слишком, приходится обтирать о просторные камзолы сменяющих блюда слуг, наконец осушил чашу вина и поднялся.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Половина гостей уже покинула стол, шушукуются группками в углах и под стенами. Поговорить есть о чем, я прошел к выходу, герцог с дочерью и двумя ее няньками беседует с группой солидно выглядящих глердов.

Герцог и герцогиня, на мой взгляд, просто идеальная пара: он на два пальца выше супруги, горд и надменен, сложен неплохо, но брюшко уже выпирает, лицо с правильными чертами, хоть и мелковатыми, в то время как у герцогини все крупное: глаза, брови, губы, даже нос хоть и не великанский, но выделяется горбинкой и широко расставленными ноздрями.

И не просто крупные, сказал внутренний голос, а заметные, сразу бросающиеся в глаза. Думаю, даже местные чувствуют, что герцогиня чем-то красива, хоть по местным меркам почти уродлива.

Герцогиня, продолжая беседу с женами глердов, вышла с ними в соседний зал. Я подумал, к кому подойти сперва, но герцог увлечен разговором, потому вышел вслед за герцогиней.

Женщины хохотали, потом мило попрощались, пошли к дальней двери, а она повернулась и увидела меня на ее пути.

— Герцогиня, — сказал я, — простите, что представляюсь сам, но дело в том, что у меня здесь вообще нет

ни одного знакомого, кто бы мог.. Я прибыл из Нижних Долин, и единственный, кто меня знает и мог бы представить вам, только что покинул пир.

Она проговорила медленно:

— Вы говорите о его величестве?

— Вы наблюдательны.

Она улыбнулась.

— Еще бы, вы сидели с королем рядом и общались, это все заметили, как могли не заметить?

— Герцогиня, — сказал я с чувством, — я не мог оторвать от вас зачарованного взора. У вас солидный и величественный муж, изумительная дочь, как чудное мгновенье... мимолетное виденье и этот... ага, гений чистой красоты... Герцогиня, это просто невероятно, у вас не дочь, а создание из света.

Она польщенно заулыбалась.

— Я горда ею.

— Повзрослеет, — сказал я с надеждой, — будет такой же прекрасной, как вы, герцогиня! Надеюсь, что будет.

Она в изумлении вскинула брови.

— Глерд?

— Не всем прекрасным детишкам, — пояснил я, — удастся превратиться в прекрасных девушек и юношей. Ваша мама должна быть горда, вам это удалось!

Она польщенно улыбнулась, но на лице оставалось легкое недоумение и как бы некоторое неудовольствие, что говорю и восхищаюсь не ее дочерью.

— Спасибо... да... но я давно уже не та девушка, что когда-то выходила замуж...

— Тем более, — сказал я напористо, — обычно прекрасные девушки, едва выйдя замуж, превращаются в... даже не стану говорить, сами знаете. Но вы все очаровательнее! Не могу понять, как вам удалось, если ты-

сячи тысяч женщин из бабочек превращаются обратно в гусениц?

Она проговорила в замешательстве:

— Глерд...

Я засмеялся.

— Нет-нет, герцогиня, я абсолютно незнатного рода, так что на руку вашей юной дочери совершенно не претендую. Да и вообще я целиком и полностью очарован вами. Как могу смотреть на кого-то еще?

Она польщенно улыбнулась.

— Глерд, я замужем...

— И что? — изумился я. — Любоваться на вас нельзя?..

Она произнесла с той же улыбкой:

— Но слушать такие откровенные речи замужней женщине не следует. Мы должны посвящать себя только семейной жизни и детям. Кстати, если вы настолько чудовищно незнатны, что даже гордитесь этим, то почему его величество посадил вас рядом с собой?

— Каприз, — ответил я беспечно. — Короли поступают с людьми, как с монетами! Я имею в виду, придают им цену по своему произволу, и их приходится расценивать по королевскому курсу, а не по действительной цене.

Она чуть наклонила голову, вроде бы соглашаясь, но не сводила с меня пронзительного взора.

— Просто случайность?

— Да, — подтвердил я. — Случайность, каприз...

— А дворец полон слухов, — произнесла она многозначительно. — И хотя, понятно, всегда преувеличены, но...

— Герцогиня, — сказал я, — никаких «но».

Она взглянула на меня с настороженностью во взгляде.

— Глерд... вы подошли ко мне не так уж и случайно?

Я замаялся с ответом, но она смотрит ясными чест-

ными глазами, взгляд очень умной и много понимающей женщины.

— Герцогиня, — ответил я шепотом, — не случайно, но пока держите в секрете.

— Глерд?

Я сказал тихонько:

— Его величество король в своей великодушной щедрости предложил мне в дар земли Медвежьего Когтя. Я заколебался, и тогда он указал мне на вас, сообщив, что вы будете моей соседкой.

Ее глаза в изумлении чуть расширились.

— Земли Медвежьего Когтя? Это очень щедрый подарок! На них много желающих... Его величество в самом деле вам их подарил?

Я покачал головой.

— Я еще не принял. В сомнениях. Герцогиня, я здесь проездом.

Она проговорила медленно:

— Как же вас тогда ценит его величество, если желает удержать вас в своем королевстве...

— У него это не совсем получается, — ответил я откровенно. — Хотя, когда я увидел вас...

Она ждала продолжения, но я многозначительно молчал. Наконец она произнесла негромко:

— Понимаю вас, глерд. Для спокойной жизни очень важно знать, какие у вас соседи.

— Тогда вы понимаете, — сказал я, — что для того, чтобы мне принять решение... герцогиня, давайте отойдем в сторонку, здесь все так задирают носы, что затопчут и не заметят.

Она послушно дала себя увести в сторону, а я не зря, оказывается, слонялся по дворцу Астрингера, приучив королевскую стражу, что мне соваться можно везде, кроме тех мест, куда нельзя, и сейчас я довольно

быстро провел герцогиню короткими путями в крохотную комнатку, у двери которой остался невозмутимый королевский часовой.

В камине полыхают дрова, хотя и так день теплый и солнечный, есть стол и два кресла, но я усадил герцогиню на роскошный диван, и, глядя на нее честными глазами, сказал искренне:

— Герцогиня... вы прекрасны.

Она в изумлении расширила глаза, но промолчала, стараясь понять, что я брякнул, такое непонятное и непохожее, почему брякнул, и что мне из-за этого бряка надо.

— Герцогиня, — продолжил я. — Вы такая юная и красивая!.. Если ваша дочь хоть вполовину будет похожа на вас, она вырастет красавицей. Хотя я это уже говорил, но это из меня просто прет и рвется!

Герцогиня взглянула в изумлении.

— Но разве она уже не красавица?..

— Красавица, — подтвердил я. — Но вы все-таки красивее. Во всем. И во всех смыслах. Потому я заставлял себя смотреть на вашу дочь, так принято, но глаза мои сами поворачивались в вашу сторону.

Она мягко улыбнулась.

— Глерд... ваши слова звучат так непривычно.

— Я не местный, — напомнил я. — Так что, надеюсь, вы извините мне какие-то незнания местного этикета.

Она чуть наклонила голову.

— Да, конечно. Я сразу поняла, что вы прибыли издалека. Только и сейчас не соображу, из какого королевства.

Я сказал учтиво:

— Из еще более дальнего, герцогиня, чем вы подумали. Потому мои промахи могут быть... значитель-

ными. Проявите снисхождение, это не от грубости, а из-за разницы в обычаях. Я смотрю на вас и не могу налюбоваться! У вас крупные глаза, чувственные губы идеальной формы, высокие скулы, элегантно запавшие щеки, широкие плечи и высокая полная грудь...

Она прервала:

— Глерд, вы меня как породистую лошадь описываете!.. Или даже как корову.

— Герцогиня, — сказал я с укором, — вы очень красивая женщина, я просто не мог удержаться... Вы дивно великолепны!.. Я смотрю на вас и уже чувствую в своих ладонях вашу великолепную грудь, такую полную, горячую и тяжелую...

Ее щеки заалели, она выпрямилась, ожгла меня взглядом.

— Глерд, прекратите!..

— Молчу, — ответил я покорно. — Но мечтать вы не запрещаете?.. И представлять всякое? Хотя, если честно, я не понял, где я сплеховал... Что именно я сказал не так, поправьте, чтобы я в другой раз не брякнул... И еще раз прошу меня простить заранее за незнание каких-то мелочей этикета, я прибыл из очень дальнего королевства, где другие моды и обычаи...

Она чуть наклонила голову и сдержанно улыбнулась, показывая, что да, слушает, не ударит.

— Да, глерд?

— Везде свои каноны красоты, — сказал я, — в моем родном королевстве вас бы называли королевой красоты!.. Позвольте объясню: у нас кроме правителей на троне есть еще и королевы красоты, избираемые каждый год заново.

Она сдержанно улыбнулась, но произнесла строго:

— Странные обычаи.

— Но всегда приятно смотреть на красивых жен-

шин, — пояснил я. — А на самых... это вообще счастье. Потому их осматривают особенно тщательно. Чтоб все было видно...

— Глерд, — сказала она строго, — это уже не мелочи этикета!

— Ох, — вскрикнул я испуганно, — простите, герцогиня... А в чем именно нарушил, подскажите, чтобы я где-то снова не сглупил.

Она сказала надменно:

— Вот эти ваши слова насчет того, как уже чувствуете в своих ладонях мою грудь!..

— Полную, горячую, — сказал я, — и тяжелую... Какое слово нельзя произносить?

Она отрезала:

— Все!

— Ох, — сказал я, — ну и нравы здесь... А само слово... ну, главное?

Она покачала головой.

— Смотря когда, глерд. Но вам лучше не рисковать, можете ошибиться. Потому лучше молчите.

— Хорошо, — сказал я. — Про... смолчу. А про ваши губы, такие полные, алые, сочные и зовущие... можно? Они же на виду, не полуспрятаны, как грудь, что у вас наполовину под верхом платья, мне приходится додумывать, какие так сочные ягодки малины на белоснежных холмиках... в общем, можно?

Она вздохнула.

— Глерд, другим можно, вам нельзя.

— Почему?

— Другие говорят иначе, — объяснила она, — а когда говорите вы, я уже чувствую, как ваши ладони мнут меня, а это нехорошо, меня может мять только мой муж, герцог Энтони. То же самое и с губами. Я уж и не представляю, что вы с ними напредставляли... хотя

и догадываюсь, но лучше умолчим, это не образец светской беседы.

Я сказал совсем виновато:

— Спасибо, герцогиня, вы меня спасаете. Как хорошо, что я оплошал перед вами, такой умной и понимающей, а не перед какой-то дурехой, что сразу же подняла бы меня на смех!..

— Да, — проговорила она, — в этом ваше счастье.

— Прекрасно сказано, — подхватил я, — вы в самом деле счастье, герцогиня!.. Умная, волевая и сильная женщина, это видят все, однако ваша сочная и созревшая красота, что манит меня, как распутившийся цветок бабочку или такого жука, как вот я, и хотя уже молчу про вашу полную нежную грудь, такую горячую и тяжелую, но воображению не прикажешь, вы будете сниться мне, герцогиня, а над сновидениями никто из нас не волен...

Герцогиня в изумлении вскинула брови.

— Глерд Юджин... я не совсем вас поняла... Вы что же... хотите... неужели вы хотите...

Она умолкла, не зная, какое из слов использовать, а я, глядя ей в лицо честно и прямо, сказал самым искренним голосом:

— Конечно, дорогая герцогиня. Конечно!.. Разве это не естественно для мужчины, увидев вас, вспылать к вам нежной страстью?

Она, не отрывая от меня взгляда расширенных в непонимании глаз, проговорила с трудом:

— Не могу поверить... вы хотите... зайти в нашем дружеском разговоре слишком далеко... вплоть до постели в каком-то туманном будущем?

Я вздохнул, покачал головой.

— Что вы, герцогиня, как вы могли такое подумать?.. Это так нехорошо. Мы же с вами романтики

и возвышенные натуры. Нет, конечно, как можно?.. Ни в коей мере!. Гораздо романтичнее предаться сладостному блюду прямо здесь, это так волнительно и восхитительно!..

Она еще шире распахнула глаза.

— Глерд... я не хочу о таком даже слышать!

— Герцогиня, — сказал я с мягким укором, — мы же соседи, у нас должны быть дружеские теплые отношения, доверительные даже. Это позволит жить счастливо и беспечно...

— Глерд, — сказала она твердо, — уберите руки. И не придвигайтесь вплотную, здесь и так жарко. То, что вы намечтали, невозможно.

— Возможно, — заверил я. — Дорогая герцогиня, давайте слегка сблизимся, тем самым закрепим соседско-дружеские отношения, которые, я уверен, только окрепнут.

Она сказала твердо:

— Глерд! Нет, нет и нет. Я ни разу не изменяла мужу. За все восемнадцать лет!.. И не намерена этого делать. Глерд, уберите руки. Я полагала, вы очарованы красотой моей дочери.

— Герцогиня, — сказал я мягко, — не стоит смотреть на меня как на... извращенца, что ли?.. Я из королевства, где женщины в тридцать лет только выходят замуж, рожают в тридцать пять... Нет, есть и те, кто выскакивают замуж в восемнадцать, а то и в шестнадцать, но в среднем где-то в тридцать пять... Многие откладывают рождение детей до сорока-пятидесяти лет...

Она покачала головой, в ее крупных глазах я увидел недоверие и печаль.

— Глерд, как это может быть?

— Вы прекрасны, герцогиня, — заверил я. — Вы молоды и прекрасны.

Она сказала строго:

— Глерд, уберите руки. Я понимаю ваше нетерпение, но совсем уж без ритуалов — это верх непристойности...

— Точно, — сказал я с восторгом, — здорово, правда?.. По глазам вижу, вам от этой пристойности уже просто ну совсем как-то не.

— Глерд!

— Понепристойничать, — сказал я, — и снова спасать мир! Вот это жизнь, ваша светлость. Это называется, жизнь полна! Когда и непристойностей просто девать некуда, и пристойностей, и спасение мира... Когда желают, чтобы жизнь была полна, ваша светлость, то желают, как мне кажется, именно побольше непристойностей.

— Глерд, — произнесла она, — что-то вы совсем меня... Начинаю чувствовать себя просто женщиной... Как это отвратительно! Настолько, что даже как-то омерзительно приятно.

— В этом весь шарм, — согласился я. — Мы всегда такие правильные, что аж противно! Эту правильность вбивают в нас так, что маятник начинает стремиться в другую сторону... Так что мы сейчас делаем все абсолютно верно. Чтобы оставаться на правильном пути мира и прогресса, мы должны время от времени вот так вот во всю...

Она проговорила жарким шепотом:

— Глерд, ну что вы меня так совсем неприлично щупаете?.. Будто курицу-несушку... Я герцогиня!

Я ответил счастливо:

— Герцогиня, вся радость на контрастах, это же самый изыск!.. Жарко здесь, и как жаль, что нельзя раздеться. И даже нам нельзя, хотя с нашими телами стыдиться вроде бы нечего.

Она чуть улыбнулась.

— Глерд...

— Герцогиня, — ответил я с укором, — я же ни слова ни о вашей груди, ни о ваших губах, хотя уже чего только не навоображал, а я только о погоде, самой безобидной теме.

Она покачала головой.

— Тогда почему вы совсем так вплотную? Тем более что жарко... У вас горячая ладонь, глерд. Уберите ее с моей талии, а то вдруг там загорится платье.

— Простите, герцогиня, — ответил я и опустил ладонь с талии на дюйм ниже. — Это все мое незнание здешнего этикета. Когда увидел здесь такую красивую сочную женщину с такой грудью, я не мог сдержать восторг...

Она сказала строго и чуть повысив голос:

— Глерд, я вас понимаю, жарко, но удерживаться надо.

— Зачем? — спросил я наивно.

Она чуть опешила от простого вопроса.

— Зачем?... Как зачем?... Так принято... Глерд, не жмите мне талию... И там не жмите... Условности за-чем-то да созданы... Глерд, у меня от ваших пламенных губ на шее останутся ожоги!..

Она все же сумела отодвинуться, я сказал сокрушенным голосом:

— Простите, герцогиня, это ваша спелая красота виной, что я схожу с ума... Как-то подумалось, что вот я взрослый человек, а вот вы, тоже взрослая, мы можем без условностей, обязательных для людей попроще...

— Глерд!

— Я не имел в виду, — сказал я торопливо, — всех условностей! А так, некоторых. Мы же с вами умные люди, герцогиня. Не отрицайте, другие могут видеть

только вашу красоту, а я вижу еще и ум... а ум позволяет обходиться без излишних условностей.

— Глерд, — ответила сердито, — уберите руки... У вас не руки, а лапы!.. Вы меня совсем к спинке дивана прижали, я уже дышать не могу... Глерд, это моя юбка!

— До чего же хорош материал, — пробормотал я, — он хранит ваш дивный запах... Герцогиня, вы просто созданы для восторга вами...

Она что-то пробормотала протестующее, но жар, как вижу, охватывает и ее, уже плохо соображает, а я не стал заморачиваться со сложными завязками на платье, в этом мире еще не придуманы ни бюстгалтеры, ни трусы, так что упрощенный мир тоже имеет прелющества.

Через несколько минут она отпихнулась и торопливо опустила платье. Ее чуть учатившееся за это время дыхание пришло в норму быстрее, чем мое, а я кое-как привел в порядок свою одежду, поцеловал ее разогретую ладонь.

— Герцогиня, меня зовут глерд Юджин, я ваш сосед... Счастлив познакомиться. Хотя в моем королевстве это еще не повод для знакомства, но мы здесь и сейчас, где я заверяю вас в своей преданности и вечном восхищении.

Она покачала головой, на щеках жгучий румянец, даже на ее белоснежную шею сполз, а в глазах стыд и недоумение, как случилось такое, что не планировала, никогда не допускала и не собиралась допустить недопустимое.

— Глерд, — проговорила она тихо, — кто вы... Я никому не позволяла овладеть мною... кроме моего мужа... Я просто не могу представить, как вам это удалось... и почему я так покорно уступила вашему натиску...

— Потому, — ответил я очень осторожно, — что у нас слишком много общего. Вы это ощутили. Еще не оформили мысленно, но ощутили сердцем и... словом, родство наших ощущений и привело к вязке. Но мы взрослые люди, рассудительные, и все, что происходит, можем поворачивать в свою пользу, так ведь?

Она поднялась, посмотрела по сторонам, словно стараясь понять, как сюда попала.

— Проводите меня обратно.

— Да, герцогиня, — сказал я покорно. — За стол? Или в сад?

Она сказала сердито:

— Вы добились от меня чего хотели, теперь верните туда, откуда взяли. И забудьте обо мне.

— Я вас никогда не забуду, — заверил я. — Это было так сладостно...

Она молча и решительно пошла в сторону двери, я ринулся следом. Какое же это непривычное ощущение, когда овладевая, как здесь говорят, женщиной, о ней как раз совсем не думаешь, а только о своих звериных наслаждениях. Чистая, так сказать, честная животная радость, не обремененная никакими учебниками, что нужно делать и как делать, чтобы угодить еще и партнерше.

Глава 2

За столом народу совсем мало, но уже возвращаются те, кто покинул зал раньше, через пару минут няньки привели, как под конвоем, прелестную Сисилию, а сам герцог явился еще через четверть часа, но за стол не сел, продолжал с двумя солидными глередами явно деловую беседу, заметно по серьезным голосам.

К герцогине подошел только однажды, поцеловал ее в макушку и, цапнув со стола наполненный слугой кубок с вином, вернулся к своим собеседникам.

Я лениво отхлебывал вино, потом поднялся и направился через распахнутые настежь двери в соседний зал, где гуляют веселее, задорнее и где Фицрой чувствует себя как рыба в воде.

Он меня заметил издали, Фицрой всегда все замечает, помахал рукой. Я пробирался между столами, где меня и догнал слуга, осторожно коснулся рукава.

— Глерд...

— Ну? — спросил я.

— Его величество изволит призвать вас срочно.

— Бегу, — сказал я торопливо. — Бегу! С ним ничего не случилось?

Он ответил с поклоном:

— Мне только велено передать то, что передал.

Я показал издали Фицрою, что увидимся позже, слуга быстро пошел обратно. В коридорах гвардейцев стало еще больше, что встревожило, но когда передо мной распахнули двери королевской спальни, я увидел короля хоть и в постели, но в сидячем положении и с бумагами на импровизированном столе на коленях.

В комнате трое слуг у самой двери, а возле постели Курт и высокий немолодой мужчина в темных доспехах, который, как помню, Эверхартер, командующий армией.

Я подошел к королю с другой стороны, он выглядит усталым, но лицо достаточно спокойное, без гримасы боли.

— Ваше величество, — спросил я быстро, — как вы?
Он кивнул.

— Неплохо. Горячий куриный супчик в самом деле придает сил. Но внутри еще горит... Не начнется снова?

— Не знаю, — ответил я честно. — Поменьше вставайте, не делайте резких движений. Никаких усилий. Вообще-то должно постепенно улучшаться. Но из меня никакой лекарь, ваше величество.

Он сказал с облегчением:

— Хорошо... А то как вспомню... Я позвал вас для того, чтобы вручить все бумаги на право владения землями Медвежьего Когтя. Извините, что не под рев фанфар, но вы человек с воображением... Курт, давай сюда!

Королевский секретарь протянул ему свернутый в трубку листок плотной бумаги, а король, не раскрывая, сунул мне.

— Держите, глерд. Скажите только, что не понравилось, сразу огорчусь и заболēju снова.

— Спасибо, ваше величество, — пробормотал я. — Мне нравится, что оживаете. Сейчас государю болеть нельзя. Потом, когда война кончится, это ваше дело, а сейчас это дело общее.

Он хмыкнул, кивнул Курту и молчаливому Эверхартеру.

— Видите? Вот это государственный подход. Сперва дело, а потом можно и сдохнуть.

Курт с неодобрением покосился в мою сторону.

— Я же говорил, ваше величество, в Нижних Долинах живут грубые люди.

Астрингер обронил:

— А он не из Нижних Долин...

— Тогда он еще грубее, — сказал Курт с достоинством. — Только в Дронтарии приличные люди.

Астрингер хмыкнул, указал мне на глерда в доспехах.

— Мой командующий армией. Эверхартер, чело-

век, который не любит воевать. Потому всегда старается одержать победу минимальными усилиями и чтоб как можно меньше убитых.

Я посмотрел на Эверхартера с улыбкой.

— Вы нас уже представили друг другу, ваше величество. Тогда, еще в бреду. Вы и в бреду король. С командующим вам повезло, ваше величество. Обычно армиями командуют воинственные дураки.

— Что значит повезло? — спросил Астрингер оскорбленно. — Знаете ли, глерд, сколько пришлось перебрать кандидатов?.. Все дело в том, что... Вообще-то королю стыдно в таком признаваться, но вы лекарь, а лекарям открываемся целиком... В общем, боюсь, захватить наше королевство на самом деле не так уж и трудно.

— Ваше величество?

Он тяжело вздохнул, посмотрел на Курта и командующего, но те отвели взгляды.

— У нас издавна, — сказал он, — вольности глердов велики, а сейчас, когда все со дня на день ждут моей смерти... сами понимаете.

— Вы были бы подходящим супругом ее величества Орландии, — обронил я. — У нее в королевстве тоже многовато свобод и вольностей... Или, наоборот, вдвоем утопили бы два королевства? Да еще и соседей бы прихватили?

Он поморщился.

— К счастью или к несчастью, она мне отказала... Стивер, рассчитай, за сколько недель армия Антриаса может дойти до наших границ.

Эверхартер, это он Стивер, спросил деловито:

— С боями или без?

— Бери худший вариант, — распорядился Астрингер. — Допустим, армия королевы не мешает продви-

жению Антриаса и они выходят двумя колоннами по ярмурдской и диссанской дорогам.

Эверхартер вздрогнул, бросил в мою сторону острый взгляд.

— Войска Нижних Долин сразу сдадутся?

Астрингер сказал нетерпеливо:

— Берем самый вероятный вариант: они со своими дружинами запираются в замках и крепостях, а войска Антриаса двигаются через Нижние Долины, не встречая сопротивления, и вторгаются в наши пределы!

— Плохой вариант, — пробормотал Эверхартер. — Хороший для Антриаса, плохой для нас. Единственное светлое пятно, что мы предупреждены и успеем выбрать хорошее место для встречи.

— Не забываем о гуцарах, — напомнил я. — Неважно, что скажет королева, они будут сражаться за свои земли. А это задержит армию Антриаса на несколько дней, если не недель.

Эверхартер задумался, что-то подсчитывая в уме.

— Основная часть наших войск уже стягивается к границе. Осталось подтянуть только дальние гарнизоны. Но даже с ними все равно успеем на пару недель раньше Антриаса подойти и укрепиться за оборонительным рвом. А то и на месяц! Армия движется медленно, если не целиком из конницы.

— Даже конница, — напомнил я, — беспомощна без обоза.

— А волы тянут телеги со скоростью десять миль в сутки, — напомнил Эверхартер. — Мы успеем собрать хоть две армии!

— Хорошо, — одобрил король. — Но так рано вывести к границам не стоит. Пока строятся заграждения, армия пусть накапливается в лагерях.

— За сутки?

— Да, за сутки-двое. Чтобы люди могли отдохнуть, выспаться там на месте и утром вступить в бой.

— Хорошо, ваше величество. Мудрое решение.

Я поклонился.

— Значит, у нас есть время. Ваше величество...

— Езжайте, — ответил король. — Помните, если не понравится, обижусь. Я человек мягкий, ранимый...

— Да, — сказал я. — Когда мы подъезжали к столице, видели развешанных на деревьях... Мягкий вы человек, ваше величество! А могли бы четвертованием. Или на кол сажать, так куда смешнее.

Он покачал головой.

— Из каких земель вы прибыли, глерд?

Я поклонился

— Ваше величество...

Когда я отступил на шаг и повернулся уходить, он сказал вдогонку, словно только сейчас вспомнив:

— Да, кстати... Как уже сказал, замок Медвежий Коготь и все прилегающие к нему земли ваши. Но там небольшое такое... сопротивление не сопротивление, но когда стало известно, что скоро помру, дальняя родня начала предъявлять права на те владения... Даже передрались вроде бы, но в конце концов победил некий Куланер, абсолютно бесполезный королевству человек.

Я переспросил:

— Что, в замке гарнизон Куланера? Мне его нужно завоевывать?

Он великодушно отмахнулся.

— Что вы, глерд! У вас на него все права. Бумага подписана мной и скреплена большой королевской печатью. Смело выбрасывайте из замка наглых захватчиков. Он ваш по праву.

Я замедленно поклонился.

— Ваше величество...

Глава 3

Фицроя за столом уже нет, я походил по дворцу — бесполезно, выбрался во двор, а там мой хвостун показывает королевской страже приемы метания ножей из двух рук разом.

Мое появление учуял, повернулся, весь из себя радостный и довольный, заулыбался во весь широкий рот.

— Юджин!.. Ты что-то хмурый!.. Это же здорово! Неприятности? Сейчас будем все крушить и ломать... Ребята вон помогут. Они это дело любят, как все мужчины.

Я буркнул с неодобрением:

— Потому пошли служить, а не остались работать, экономику поднимать.

Старший из стражников сказал со вздохом:

— Крушить хорошо бы, но мы на службе. А велено как раз задерживать таких, кто ломает и крушит.

— Тогда временно не будем, — согласился Фицрой с легкостью. — Юджин, что у тебя за беда?

Я покачал головой.

— Смотря как смотреть. Король подарил мне замок на берегу моря, как мне всегда и хотелось. Так что в самом деле беда, когда желаемое сбывается.

Стражники хрюкнули в один голос и переглянулись, Фицрой округлил глаза.

— Тогда в чем...

— Готовь коней, — сказал я. — Его величество велело дать нам лучших, а наших от щедрот оставим в подарок казне. А я пока соберу вещи.

— Сперва сравню, — ответил он, — чьи лучше. Наши уже отдохнули и отъелись. А можно взять тех и других?

— Фицрой, — сказал я с укором.

Он сказал со вздохом:

— Знал бы, давно бы продал.

Когда я вышел с мешком во двор, он уже приготовил коней, в самом деле предпочел местных, явно по приказу Астрингера выбирали лучших из лучших, два под седло, два с вьюками и два просто для запаса, надо брать, пока король добрый и дает, а мог бы и вдарить.

— Да я всегда готов, — ответил он на мое изумление. — Кто-то говорил, что вот-вот пустим корни вглубь и вширь, а потом еще и в стороны, чтоб ветром не свалило!

— Говорил, — ответил я пристыженно. — Я человек серьезный.

— А я вот так взял и поверил, — сообщил он с сарказмом. — Нехорошо обманывать такого доверчивого и легкоранимого!..

— Я в целом серьезный, — пояснил я, — но если жизнь такая несерьезная?

— Есть на кого сваливать, — ответил он и кивнул в сторону: — Вон тот отряд видишь?

Я оглянулся на десяток всадников на рослых конях, гвардия короля во всем блеске оружия и выучки. Их командир выстраивает в одну линию, но то и дело поглядывает в сторону Фицроя.

— Говорят, — сообщил Фицрой тихонько, — его величество изволил выделить нам в дорогу. Чтоб не скучно было, дескать.

— А сам как думаешь?

Он сказал так же тихо:

— Думаю, тут на дорогах шалят, потому и беспокоится.

— Или какая-то проверка, — сказал я.

— Зачем?

Я пожал плечами.

— Неважно, они нам не мешают.

— Но я за ними присмотрю, — пообещал он.

Когда поднялись в седла, Фицрой помахал рукой, и гвардейцы послушно выстроились за нами в колонну по двое в ряд. Как я понял, это для престижа, укрепленный замок не захватить даже армии, только долгой осадой, так что это либо всего лишь вежливый жест, король не может не поблагодарить, либо среди них человек, который еще и понаблюдает за нами.

Нас догнал старший среди гвардейцев, одет не лучше остальных, как и оружие все такое же, но откозырял и представился с надлежащим высокомерием глерда:

— Вэнсэн Ваддингтон к вашим услугам, глерды. Его величество велело не ограничиваться только охраной, а выполнять все ваши распоряжения, о чем я и сообщаю.

— Прекрасно, — воскликнул Фицрой и окинул его взглядом собственника, — мы вам найдем работу, глерд! Подмести, подать, пол вытереть...

— Глерд Ваддингтон, — сказал я, — мы благодарны его величеству за такую неустанную заботу. Он понимает, что нас мало, потому вам, возможно, придется не только работать мечами...

Он чуть наклонил голову.

— Глерд...

Когда он придержал коня и остался поджидать гвардейцев, я сказал Фицрою с упреком:

— Зачем пугаешь людей! А вдруг он человек серьезный? И не понимает твоих гнусных шуточек?

— Это еще почему? — ответил Фицрой самоуверенно. — Люди должны понимать прекрасное и возвышенное. Кто не понимает — научим.

— А кто не хочет понимать, — буркнул я, — заставим. Знаю, знаю...

— Этот глерд не похож на того, — сказал Фицрой, понизив голос, — кому могли поручить следить

за нами. Он же прост, как эти деревья, мимо которых едем.

— Военный, — согласился я. — Они и должны быть такими. На армии и дисциплине были построены великие и величайшие империи!.. А демократы все разрушили.

Он посмотрел на меня искоса.

— Что-то мне снова расхотелось быть демократом. Ты уж определись, кто ты.

— Зачем? — изумился я. — Как человек свободный и свободомыслящий, я всегда тот, кем хочу быть. У королевы я роялист, у Роммельса — гуманист и свободная личность, у служителей культа — человек, желающий рерихнуться и уйти от суеты мира на высокие горы...

Он задумался, я по инерции повертел так и эдак личность глерда Вэнсэна Ваддингтона, но он в самом деле выглядит только командиром отряда королевской гвардии, чуточку заносчивый и высокомерный, однако со мной разговаривает с почтением и робостью — то ли велели, то ли прослышал, что король ко мне благоволит просто безмерно.

Навстречу мчатся зеленые холмы и, устрашенно избегая столкновения, разбегаются в стороны, исчезают за спиной, в грохоте копыт слышу грозную музыку, и сердце стучит чаще и взволнованнее.

Одно солнце светит мощно и ярко, второе бежит торопливо, словно что-то украло, а по земле, обгоняя одна другую, скачут призрачные тени, смешиваясь в причудливые калейдоскопы.

Когда на службу приглашают хорошего менеджера, ему кладут такое месячное жалованье, что рядовому работнику хватило бы даже не на год, а на весь остаток жизни. Если же удастся заполучить очень хороше-

го управляющего, то его жалование всегда становится предметом зависти, ахов и пересудов в среде простого планктона.

Даже при увольнении менеджеры высшего звена получают «золотой парашют», что дает возможность купить остров и жить безбедно самому и оплачивать долги родни и друзей.

Потому ничего удивительного, что король сразу предложил мне замок и большой участок земли. Я работник не рядовой, он это понял по тому, как я помог королеве, а затем и вылечил его самого. Так что ничего странного, хотя, конечно, что-то настораживающее чувствуется, король недоговаривает о каких-то моментах...

Судя по карте, мы двигаемся по прямой к моим землям, что на берегу, как объяснил король, а это значит, все ближе к побережью, хотя высокие сосны, настоящий корабельный лес, обычно скрывают окрестности.

Возможно, море уже в прямой видимости, но увидим либо с холма, либо когда между нами и морем хоть на минутку исчезнут эти высоченные стены гордых сосен.

В двух местах дорога прошла прямо через села, народ выскакивает из домов, глазеет на двух знатных глердов на таких великолепных конях, а сзади еще и отряд королевской гвардии...

Фицрой довольно посмеивался, даже в самой столице больше нас внимания удостоились кони: попоны королевских цветов, упряжь из дорогой кожи, уздечки отделаны серебром и золотом, таких бы грабануть...

— Знаешь, Фицрой, — сказал я, — что-то мне как-то не совсем будто... Вот слез с дивана и еду с тобой,

могу еще десяток королевств проехать, да хоть сто, и везде будем крутыми и умными, но...

— Ну-ну, — поощрил он, — что запнулся? Разве плохо ехать через чужие виноградники, где спелые гроздья, срывать заодно цветы удовольствия, искать места, где вино слаще, а женщины податливее?

Я пробормотал:

— Не поверишь, но я родился в королевстве, где более податливых женщин вообразить невозможно, а вино настолько, что даже не представляю...

— И что, — спросил он с интересом, — обожрался?

Я кивнул.

— Похоже.

Он хохотнул.

— Я слышал о таких случаях. Когда же ты успел?.. Ах да, ты же родился в таком краю... Тогда да, тебе неинтересно ехать через одинаковые земли, где одинаковое кислое вино... И что, вяжешься в какую-нибудь войну, чтобы красиво погибнуть?

— Это тоже вариант, — согласился я. — Вот такие обожравшиеся крепостными девками и пишут про упоение в бою у бездны мрачной на краю... Но это оставим на крайний случай. Я еще не пробовал себя на такой ниве, на какой...

Я запнулся, он поинтересовался:

— На какой?

— На какой, — проговорил я медленно, — могу сделать много... очень много... как никто из людей...

Он восторженно посмотрел на меня загоревшимися глазами.

— Ты всерьез?

— Всерьез, — ответил я несколько неуверенно, — хотя это же работать... а для меня это как-то непривычно. С другой стороны... может быть, уважать себя буду?

Он вытаращил глаза, потом захохотал.

— Это ты себя не уважаешь? Ну ты орел!.. Да ты от самодовольства лопаешься!

— Любить себя, — возразил я, — и уважать... две большие разницы. А то и три. Я себя всегда люблю и другим показываю орлом, но сам-то знаю, что я вообще-то... ладно, пусть не г..., но ленивый дурак?.. А сейчас впервые подворачивается случай, когда могу не только покрасоваться какой я умный, но и в самом деле сделать что-то полезное! Для людей, для общества, для прогресса...

Он перестал ржать, посерьезнел.

— Если это не шуточка, — проговорил он с сомнением, — то это здорово... Памятники на городских площадях ставят не тем, кто больше сожрал, выпил или поимел девок, а кто... да, строил эти города или хотя бы мосты через реки, соединяя королевства... Ты в самом деле готов пойти по этой дорожке? Или хотя бы постоять на ней?

Я сказал с сомнением:

— Вот сейчас... да. Потом, когда прищемлю хоть палец или еще что, даже не знаю. Мне бы так, чтобы сильно не упакиваться. Я умничаю и пальцем руковожу... нет, если руковожу, то это рукой вожу?.. Ладно, могу и рукой, не так уж и трудно. Могу это делать красиво и повелительно, у меня жесты почти отработаны, я же красавец!.. Хотя что потруднее могу на тебя спихнуть, если решишься поучаствовать в великих делах.

Он воскликнул:

— В великих — да! В чем я только не участвовал, но великие дела обходил стороной, не люблю трудиться. А можем как-то других запрячь?

Я посмотрел с недоумением.

— А ты думал, будем пахать сами?

Он захохотал.

— Тогда я за! И что будешь делать?

— Не знаю, — ответил я честно. — И не хотел бы вовсе. Но раз уж я могу... хотя еще и не знаю, что именно, то обязан... Обязан?.. Наверное, все-таки обязан. Для чего-то нас Вселенная сотворила?

Он сказал весело:

— Ладно, сперва посмотрим твои земли. Раз уж король так хочет тебя удержать у себя, то наверняка подарил нечто стоящее.

Глава 4

Приключений по дороге никаких, тем более что эскорт не плетется в хвосте, а весьма активно проверяет впереди дорогу. Еще два-три всадника постоянно рыскают справа и слева, король Астрингер всерьез озабочен нашей, а точнее, моей безопасностью.

Двое суток с короткими отдыхами по прямой, к чести короля можно сказать, о дорогах позаботился, даже через леса пробил прямые, как стрела, а болотца по пути замостил.

А на третьи сутки дорога медленно пошла вверх, деревья расступились, далеко впереди страшно и величественно заблестал на солнце сложенный из оранжевого камня массивный замок — далеко и высоко, дорога все время карабкается вверх, справа и слева от нее деревья начали опускаться, и вскоре мы уже ехали, как по гладкой спине исполинского каменного дракона, а по обе стороны дороги деревья ушли чуть ли не на дно пропасти.

Фицрой посмотрел по сторонам, присвистнул, лицо стало уважительно озабоченным.

— Здесь хорошо оборону держать. Больше двух всадников в ряд не проехать, а если вскачь, вообще по одному.

— Да, — согласился я, — ограждения почему-то не предусмотрены. Хотя по одной телеге одна за другой — в самый раз.

Впереди распахнулась водная ширь. Уже по огромным волнам видно, что не река, даже очень широкая, а море, и по мере того, как мы все поднимались по дороге к замку, море становилось все бескрайнее и величественнее.

Фицрой прошептал:

— Сколько воды... Это же сколько воды!

Я покосился на него в некотором удивлении.

— Ты что, из пустыни прибыл?.. Или горец?

— Сколько воды, — повторил он и передернул плечами. — Просто жуть. Как тут живут?

Толстая стена из крупных каменных глыб, наверху прохаживаются стражи, видно, как легко расходятся, не мешая друг другу. По углам массивной стены высокие башни, а окна начинаются на высоте третьего этажа, да и то не окна, а бойницы, снаружи не пролезть.

Замок выглядит неприступным, по всей видимости строили в те времена, когда жестокие войны кипели по всей территории королевства, что могло тогда еще и не быть королевством.

Я на ходу подозревал Ваддингтона и парочку наиболее смысленных с виду гвардейцев.

— Что скажете?

— Если не впустят, — сказал он, — то не впустят. Так просто не войти.

Фицрой сказал медленно:

— Могут впустить вас одного, глерд. Остальных оставят здесь под прицелом арбалетов.

Один из гвардейцев сказал с нервным смешком:

— Что арбалеты... А вот те бревна — да...

Как и водится в хорошо защищенных замках, над воротами подвешены на канатах толстые очищенные от веток связки бревен. Штук по пять. Если веревку обрубить, помчатся до самого низу, сметая и превращая в кровавое крошево любую армию.

Фицрой проговорил в некотором сомнении:

— А в самом деле король отдал тебе этот замок?

Ваддингтон посмотрел на него сердито, но бросил взгляд на неприступный замок и смолчал.

— Не знаю, — ответил я, — уже не знаю... Может быть, в самом деле какая-то проверка?..

Фицрой спросил:

— А если хочет так полукрасиво избавиться от нас? Короли коварны. Или от кого-то, кто с нами?.. Глерд, вас как зовут?

Офицер вздрогнул, ответил послушно:

— Вэнсэн Ваддингтон, благородный глерд.

— Вэнсэн, — поинтересовался Фицрой ласково, — вашего имени нет в списке на повешение? Представим себе, что вас повесить надо, но король не может этого сделать из симпатии к вашей матушке, которая была с ним очень нежна... Как бы он поступил?

Ваддингтон насупился.

— Мой род служил королям верой и правдой, — отрезал он. — Мы верны королю, король верен нам!

— Гм, — сказал Фицрой. — Тогда остается...

Я прервал:

— Ребята, когда мы ворвемся в замок... а мы ворвемся!.. вам нужно вести себя соответственно моменту. На войне как на войне. Я человек дико милосердный, самому стыдно за свою мягкосердечность. Ну вот просто не могу вешать или кому-то рубить головы просто

ради смеха! Я гуманист, мне такое не по душе и противно принципам демократа. Потому, если замок придет-ся брать силой, то убивайте сразу любого, кто бросит в вашу сторону хотя бы косой взгляд, а то потом резать будет неловко. Думаю, набрать новых людей в замок проще, чем перевоспитывать старых.

Один из старых гвардейцев, слушающий очень внимательно, пробасил с одобрением:

— Очень мудро, глерд. Я бы счел за честь воевать под вашим знаменем.

— Я хочу, — объяснил я, — чтоб всем было хорошо. И никакого насилия... потом.

— Мудро, — согласился и Фицрой, — зачем какие-то обиды? Обиженных и недовольных перебить сразу, и набрать новых, что служить будут рады. Так и сделаем, Юджин! Но только... как?

— Напросимся на переговоры, — сказал я. — Двоих, надеюсь, пустят?.. А вы будьте наготове. Как только ворота распахнем...

Ваддингтон сказал бодро:

— Если распахнете ворота, замок уже ваш!

Мы с Фицроем пустили коней впереди, гвардейцы, как и положено, на три-четыре конских корпуса сзади.

Нас наконец-то заметили или просто изволили обратить внимание. На пристройке над воротами появился один из тех, кто носит настоящие металлические доспехи, наклонился, всматриваясь в нас, как я всматриваюсь в муравьев.

Я издали помахал рукой.

— Гость в дом — Бог в дом!

Фицрой все опасливо косил на устрашающе подвешенные бревна: стоит им сорваться, сметут нас, как насекомых; я же старательно держал на лице широчайшую улыбку всем довольного человека, которого сей-

час примут, накормят, напоят, да еще и молодую служанку положат в постель.

Через некоторое время человек наверху, что все время оглядывался на кого-то во дворе, крикнул нам:

— Двое могут зайти!.. Без коней. Остальные пусть ждут.

Я ответил доброжелательно:

— Все верно, наши кони в такую калитку не пролезут, га-га-га!

Фицрой посмотрел на меня косо и тоже сказал:

— Ха-ха.

В воротах отворилась калитка, у меня екнуло сердце: входить придется, низко пригибаясь, так удобно рубануть мечом по моей склоненной шее, но вроде бы опасности не чувствуется, скорее враждебное любопытство...

Оставив коня, я перешагнул высокий порожек первым, оказавшись в залитом солнцем широком дворе из камня, здесь все из камня, с двух сторон люди с выставленными в мою сторону копьями, а шагах в пяти двое богато одетых глердов.

Фицрой перешагнул вслед за мной, калитку тут же захлопнули и заперли на засов, что чуть поменьше вложенного в петли запора ворот.

Человек на верху ворот крикнул:

— Королевские гвардейцы стоят смирно!

Двое глердов наконец шевельнулись, один сделал короткий шаг вперед.

— Глерд Куланер, — назвался он. — Это мой брат Тернерс. Кто вы, что вас заставило забраться так высоко, когда кров и ночлег гораздо легче и удобнее получить в селах внизу?

Я покосился на Фицроя, тот озирается с восторженным видом, что должно польстить хозяевам и по-

зволить им чуточку расслабиться, он даже отодвинулся вроде бы нечаянно от меня на шаг, но это чтоб не зацепить мечом при схватке.

— Что села, — сказал я пренебрежительно. — Во-первых, там простой сиволапый народ, а здесь культура!.. Во-вторых, глерды... Его величество король Астрингер изволил милостиво пожаловать мне замок Медвежий Коготь и все принадлежащие ему земли с деревнями, пашнями, селами, лесами и озерами. Если вы здесь гости... то я готов вас принять со всем радушием. Как новый хозяин. Вы меня поняли?

Я говорил медленно, раскатисто, с видом всем довольного вельможного дурака, который не сомневается в своем праве приглашать и выгонять из этого замка и даже с отныне его земель.

Они переглянулись, Куланер презрительно поморщился.

— Послушайте, глерд, — сказал он мирно, — это наш замок и наши земли. По праву. Потому...

Я прервал:

— Простите, по какому-какому праву?

Он сказал резче:

— По праву родства! Глерд Гурлей был моим дядей. Потом этот замок перешел ко мне. И никакие бумажки...

— Это бумага от короля, — сказал я громко и напыщенно, чтобы слышала и вся челядь, что прислушивается из всех сил. — Вы знаете, земли после смерти хозяина отходят королю. И даже прямым наследникам хозяина замка он передает, если изволит, новым актом, а те подтверждают клятвой служить верно и преданно. Вы клятву, мне кажется, не давали вовсе?

Они переглянулись, второй, который Тернерс, сказал тоже повышенным тоном:

— Глерды, вот что я вам скажу. Вам лучше всего убраться. Мы даем вам возможность мирно уйти. Вас двое, нас двенадцать. Ворота за вами закрыты, ваши люди вам не помогут. Но даже будь ворота распахнуты... у нас еще в замке полдюжины умелых воинов.

Я сказал невесело:

— Глерды, я так не люблю насилие... Давайте сделаем проще?

Он ухмыльнулся победно.

— Как?

— Вы сложите оружие, — ответил я. — А мы дадим вам уйти. Может быть, даже оружие вернем. За воротами.

Они оба дружно расхохотались, даже у воинов за их спинами и которые справа и слева от нас, на лицах появились веселые улыбки. Все уже расслабились, копья держат свободно, а чтобы ударить, древко нужно сжать крепче, отвести сперва назад...

Куланер медленно и театрально вытащил из ножен меч, красиво протянул в мою сторону. Блестящее острие пустило зайчики с расстояния в ладонь от моего лица.

— Глерды, — произнес он. — Последний шанс остаться живыми...

— Да, — согласился я, — последний... Но вы его упустили.

В моих ладонях возникли пистолеты, а так как я уже согнул руки в локтях, изготовив для стрельбы, даже пальцы напряг, то выстрелы загревели в ту же секунду.

С двух шагов я не промахнусь и в таракана, если он черный, во лбу Куланера возникла широкая дыра, откуда плеснула черная кровь, а верх черепа Тернера вообще снесло.

Я продолжал стрелять в обалдевших воинов, где половина полегла раньше, чем сообразили, что их убивают.

Фицрой с первым же выстрелом бросился к воротам, с усилием поднял бревно засова и отшвырнул в сторону. С той стороны навалились на створки, и во двор ворвались королевские гвардейцы во главе с рас-свирепевшим и дико орущим глердом Ваддингтоном.

Я ринулся к распахнутой двери донжона, там попался кто-то в доспехах, я саданул сразу из двух пистолетов, огляделся в холле, пусто, но наверху лестницы появился арбалетчик и торопливо вскинул к плечу свое громоздкое оружие.

Четыре пули опрокинули его навзничь, это не так красиво, когда почему-то обязательно переваливается через перила и падает на каменный пол, но мне важнее результат, взбежал по ступенькам, сзади мчится Фицрой, а когда взнеслись на второй этаж, он крикнул:

— Я налево!

— Кто бы сомневался, — сказал я саркастически и побежал по коридору направо.

В коридоре навстречу выбежали трое, на ходу вытаскивая из ножей мечи. Я не стал уговаривать их сдать-ся, даже не предложил, трое не сдадутся одному, даже не вступят в переговоры.

Пистолеты дернулись дважды в моих ладонях, а когда все трое рухнули, пустил по контрольной в голову. Господь велел нас быть милосердными, нехорошо, когда люди умирают в муках.

Перепрыгнул, побежал наверх, главный гад обычно там, хотя вроде бы главного уложил еще во дворе, но кто знает, как здесь относятся к шаблонам...

Ударом ноги я распахнул первую же дверь на втором этаже, влетел, быстрый и злой. В углу завизжали две женщины, мужчин нет, а женщины в этом мире не воюют. Я крикнул им что-то ободряющее, перепугав вовсе

до полусмерти, и, пробежав комнату наискось, толкнул следующую дверь, определив, что за нею никого.

Жаль, стены здесь такие, сквозь них не увидишь, и потому едва не попался: в жаркой комнате двое мужчин, один выше меня и вдвое толще, он со зловещим ревом метнулся навстречу, занося для удара громадный тесак, таким можно рассечь пополам кабана...

Я торопливо выстрелил, отпрыгнул и еще раз нажал на скобу. Четыре пули из двух пистолетов пробили его двухцентнеровую тушу насквозь, но я едва уклонился от просвистевшего рядом с лицом чудовищного лезвия.

Он остановился и начал разворачиваться, я выстрелил снова, взяв прицел выше, но даже с половинкой головы он сделал несколько шагов, что-то рыча и выкрикивая, грохнулся и застыл огромной тушей, а изпод него пошла растекаться кровь все шире и шире, хватит залить пол от стены до стены.

Второй застыл в оцепенении, глядя на меня вытаращенными глазами, сам из себя поменьше ростом и намного моложе.

Я прорычал, стараясь сделать голос пострашнее:

— Ну?.. Что тебе не нравится?

Он воскликнул с восторгом:

— Что вы, хозяин!.. Вы убили старшего повара, теперь его место займу я!.. Вы увидите, как я умею готовить!

Я оглянулся на тушу огромного мужика с тесаком в громадной волосатой лапе.

— Так это был повар? Ладно, если так и готовил, как дрался, то не жалко. Но ты смотри, если обед будет не обед, то... у нас еще пару дней военное положение, понял?

Он сказал устрaшенно:

— Понял, высокий глерд!..

— Знаешь, что это?

— Догадываюсь, — заверил он. — Обед вам понравится, буду стараться. Как же повезло, как повезло...

Я кивнул в сторону кухни. Он понесся в ту сторону, подпрыгивая по дороге, как в танце, не в силах удерживать вполне понятное человеческое ликование.

Глава 5

Чувствуя себя немного не в себе, почти неуверенно, я медленно пошел вверх по лестнице, а когда поднялся еще на этаж, сбоку выбежали трое с оголенными мечами.

— Сдавайтесь! — крикнул я и, не дожидаясь ответа, чего ради станут сдаваться одинокому и безоружному, открыл огонь. — Вас предупреждали, дурачье...

Они рухнули один за другим прямо на лестничной площадке, а сверху сбежали двое жилистых воинов с обнаженными мечами в руках, в металлических шлемах и в длинных кольчугах крупной вязки.

Один, не глядя, перепрыгнул через плавающий в луже красной крови труп одного в хороших доспехах, другой сперва посмотрел, перепрыгнул, поешотрел по сторонам, где еще трое мордами вниз и в крови.

Я спросил резко:

— Родня или слуги?

Один запнулся с ответом, но другой выпалил:

— Я принят на службу глердом Куланером!

— Глерд Куланер убит первым, — сказал я. — А также вся та родня, что выскочила с ним. Ты идешь с ними?

Он колебался, бросил меч в сторону.

— Нет. Если хозяин мертв, моя служба кончена.

— Мудро, — сказал я и перевел взгляд на первого. — А ты?

Он вздохнул, на меня смотрит с ненавистью, ответил злым голосом:

— Это моя родня... но слишком далекая. Если они погибли, то сражаться смысла нет.

Он со злостью отбросил меч, тот зазвенел по каменным плитам и улетел под самую стену.

— Хорошо, — сказал я, — мечи подберите, но держите в ножнах. Выход свободный. Если надумаете искать другую службу, можете заглянуть сюда. Поговорите с начальником гарнизона.

Тот, у кого родня лежит во дворе в крови, кивнул и осторожно пошел к выходу из замка, а второй, сделав за ним шаг, оглянулся.

— А кто начальник гарнизона?

Я окинул его внимательным взглядом.

— Тебя как зовут?

— Айдан Бревстер, доблестный глерд!

— Айдан, — сказал я, — им можешь стать и ты. Я только вступаю в права хозяина. Кто успеет встать рядом раньше других, у того и ложка больше, и тапочки поновее.

Он вскрикнул бодро:

— Какие будут приказания, глерд?

— Глерд Юджин, — сказал я. — Обойди замок и успокой челядь. Сообщи, что это не захват с грабежами и насилием, а всего лишь плановая ротация. Смена собственника, но не рейдерский захват, а по указанию его величества короля Астрингера. Грабеж хоть и допустим, как при всякой демократической смене власти, но не слишком, здесь все мое, а я жадный! Насилия допускаются самые умеренные, для пользы дела.

Внизу в зал вбежал Фицрой, в руке залитый кровью по самую рукоять меч, крикнул мне снизу:

— Ты как?

— Чисто, — ответил я. — Хотя надо проверить и за-коулки. Чтоб не ударили в спину. Фицрой, это Айдан, новый начальник охраны замка. Как у тебя?

Айдан поспешно вышел, пригибая голову и горбя спину, а Фицрой отрапортовал весело:

— На левой стороне почти никого не оказалось, ты всегда лучшее захажываешь себе!

— А меч в крови?

— Кого-то зарубил, — ответил он с беспечностью. — Так, на всякий случай. А то просто неловко как-то вот так захватить замок и никого даже не нагнуть...

— Нагнуть не одну еще успеешь, — сказал я. — Просмотри весь замок, что-то он великоват. А я спущусь во двор, надо напомнить, что жизнь идет, жрать все равно надо, так чтоб поставки всячины не прервались.

Он отмахнулся.

— Да ладно, крестьяне и не заметят, что здесь что-то поменялось.

— Заметят, — возразил я. — Но не сразу, конечно. Я им тут такое устрою...

Он захохотал:

— Вот это я люблю!

Исчез он так быстро, словно выдуло сильным ветром, но я не успел сдвинуться, со двора в зал шумно вбежал глерд Ваддингтон, запыхавшийся и донельзя гордый победой.

— Двор и все пристройки, — доложил он ликующим голосом, — полностью зачищены! Кузнеца заперли, пригодится, булочник сидит у себя под столом.

— Прекрасно, — одобрил я.

— Хорошо бы, — сказал он, — съездить в расположенное не так уж и далеко село Большие Мявники.

— Что там? — спросил я.

— Сторожевой пост, — сообщил он. — Трое дежурят у моста. Собирают плату с тех, кто едет из земель Слэй-на Келли. Там ваш сосед.

Я подумал, покачал головой.

— Пока оставь. Кто знает, что там за соседи. Да и вырубать всех под корень не стоит. Живые подданные все же лучше, а сдохлых что возьмешь?.. Отдыхайте! Замок в наших руках, в селах просто объявим насчет смены хозяина. Отдыхайте, а в столицу можете вернуться, к примеру, завтра с утра.

Он сказал с сияющими глазами:

— Его величество будет счастлив, что вы так легко навели порядок в своих землях!

— Только с вашей неоценимой помощью, — напомнил я любезно. — Если бы вы не сняли со стен так молниеносно свору Куланера, у нас были бы серьезные потери.

— Спасибо, — ответил он.

— Вам спасибо, — сказал я. — Так и передайте его величеству, что я вами очень доволен и благодарю его величество за постоянную заботу и внимание даже к таким тактическим вопросам.

Он приосанился.

— Спасибо, глёрд Юджин. Его величество будет очень доволен и тем, что его повеления ведут к порядку и законности в его королевстве.

Сверху, громко топая по ступенькам, сбежал сияющий Фицрой, наклонился и вытер залитое кровью лезвие меча об одежду убитого защитника замка, красиво бросил в ножны.

— Остатки сопротивления подавлены! — доложил

он. — Некоторых я подавил с огромным удовольствием...

— Так быстро? — удивился я. — А кого подавил, жену или дочь Куланера?

Фицрой отмахнулся.

— Нет, но такая сдобная повариха попалась... Как свежая булочка только что из печи, еще горячая...

Ваддингтон улыбнулся и вернулся к своим солдатам, а я оглядел зал с залитыми кровью трупами.

— Все в порядке...

— Что-то голос у тебя невеселый, — заметил он.

— Много убитых, — ответил я. — Это ошибка.

— Наша?

— Их тоже, — ответил я со стесненным сердцем. — Они должны были остаться жить и служить мне. Не мне, так порядку. Но что сделано, то сделано. Главные гады, к счастью, вышли встречать нас сами. У нас совесть чиста, как плавники форели. Враг напал, мы защищались...

Он хмыкнул.

— Мы вообще всегда только защищаемся! Все время. Я до самой крыши защищался, а потом еще и в подвал заглянул. Там тоже один прятался. Но я сумел от него защититься, догнав в дальнем углу..

— Что насчет женщин? — спросил я.

Он вздохнул.

— Перед ними беззащитен. Ни от одной не сумел защититься, но пощупал по дороге только двух... чтобы проверить, не мужчины ли, а ты что подумал? Больно рожи у них...

— Хорошо, — сказал я. — Хоть и равноправие, но женщин как-то рука не поднимается убить вот так же легко. С усилием да, могу.

— С большим?

— Нет, — ответил я. — Я отношусь к женщинам со старомодным уважением. Правда, стараюсь соответствовать современным стандартам моего королевства, потому не выказываю разницы.

— Ничего не понял, — сказал он с нетерпением. — Но неважно, ты часто несешь непонятную чушь. Больно умный, убивать пора. Пойдем на двор, я велел всем собраться там. Вступишь в права. Бумажка от короля бумажкой, но нужно реально.

Я покачал головой.

— Оставлю до вечера. А пока соберу всех и объявлю... Он округлил глаза.

— Это я и сказал... А ты что подумал? Ах да, понимаю, понимаю... Но тут нет одной хозяйки, чтобы да, придется объяснять каждой, а это на несколько дней, так что удовольствие растянется. Ладно, я пойду соберу народ.

— А что насчет жены Куланера? — спросил я вдогонку. — Что-то нигде не видно...

Он ухмыльнулся.

— Куланер был не слишком уверен, что удержит замок, потому семью пока перевозить не спешил.

— Чудесно, — ответил я. — Никого не надо насилловать, утверждая свои неотъемлемые права.

— Да не вздыхай ты так, — сказал он с сочувствием.

— Это от счастья, — возразил я.

Он посмотрел с недоумением.

— Разве не счастье доказывать свою силу?.. Служанки — это не совсем то же самое, что и высокородные глерецсы.

— У меня здесь уже кое-кто есть, — ответил я. — Повыше рангом, чем жена Куланера.

Он охнул.

— А еще меня обвиняешь в чем-то таком, что у меня даже спина покраснела?

— Я все для дела, — ответил я твердо. — Все для родины, для отечества, для торжества тоталитарной демократии и всеобщей гуманизации. А ты все для себя, эгоист!

Народу во дворе намного больше, чем я видел в замке и даже предполагал. Видимо, кто-то прятался в дальних кладовках под ворохом тряпок, кто-то пережидал в кузнице и у кожемяк, а возчики дров только-только привезли из леса на двух подводах вязанки поленьев и теперь с удивлением выслушивали новости.

Я оглядел всех сурово и надменно, здесь вежливость расценивают как слабость и тут же постараются сесть на шею, нагнеть и своевольничать, знаю, наслышан от классиков про быстро хамящую челядь, творящую что ей вздумается.

— Его величество король Астрингер, — сказал я веско, — изволил пожаловать эти земли мне. Отныне закон здесь один — мое слово! Перед королем отвечаю я, а вы отвечаете передо мной. Человек я мягкий и добрый, но жестокий. Обязанности свои все выполнять в соответствии!.. Ибо!.. Я сказал.

Фицрой добавил многозначительно:

— Иначе!

Я повернулся к нему.

— Иначе что?

Он осмотрел в изумлении.

— Откуда я знаю? Я просто уточнил в твоей манере. Сам-то ты знаешь, о чем говоришь?

— Нет, — ответил я честно, — а что, надо? Помому, главное — внушительный вид и суровый голос. Чтобы все снова заработало в соответствии.

— В соответствии с чем?

Я поморщился.

— Да брось ты эти придирки! Пойдем на башню. Вид должен быть еще тот. Ну, ты понял. Может быть, сегодня же стоит проехаться по принадлежащим мне селам и деревням. Хотя нет, не стоит.

Башню строили только для наблюдений за окрестностями, потому узкая винтовая лестница, наверху площадка для двух-трех человек, но даже у меня захватило дух, будто вышел на крышу самого высокого в мире небоскреба.

С северной стороны внизу просто замок и постепенно опускающийся в лесистую долину холм, а вот с юга чудовищный обрыв, замок на самом краю высоченной скалы с отвесной стеной, и если сейчас спрыгнуть вот с этой площадки, то лететь долго и страшно, пока не ударишься о набегающие на скальный берег волны.

Фицрой старался не подходить к краю, но когда увидел, что я все замечаю, сделал над собой усилие, полушагнул вперед и крепко ухватился за деревянные поручни.

— Красота!

— Страшная сила, — поддержал я.

— Что-что?

— Красотой можно убить, — сообщил я. — Р-раз — и мокрое место!.. Красота всегда сильнее, чем безобразия. Потому красота и побеждает. Как тебе вид? Правда, красиво?

Он смолчал, устранившись взглядом на оранжевый простор неба и сине-зеленую гладь моря. С такой высоты даже не видно волн, с востока и запада зеленые долины, на которых тесно собраны в кучки крохотные домики, у меня целых восемь сел, хотя на самом

деле только три, остальные простые деревни, а с севера единственная дорога к замку, прямая, без всяких опасных проходов под стенами, с которых могут обстреливать и бросать камни.

— Да, — проговорил он после долгой паузы, — как-то да... мурашки бегут... от красоты, наверное. Крупные такие...

— Эстет, — обвинил я с чувством превосходства. — Порхаешь!.. А вот я практик, на земле стою.

Он фыркнул.

— Думаешь, я не понял сразу, чего присматриваешься вон к тому мосту?.. Да, это граница твоих владений с глердом Слейном. На той стороне реки уже его земли, а вон та беседка у воды... это он там отдыхает.

— И рыбу ловит?

— Вряд ли, — ответил он. — Но гостей туда приглашает. Место, как видишь, живописное.

Я кивнул, в самом деле причудливо хитрая река источила берег гротами, виноград плотной зеленой стеной карабкается по каменным стенам, создавая таинственные пещерки, в таких любят играть дети, но взрослые тоже их почему-то любят...

— Мы от развращенной столицы далеко, — заявил я, — у нас должны быть крепкие нравы.

— У нас?

— Здесь, — уточнил я. — На крепких нравах стоит мир. Он вздохнул с облегчением.

— Фу, а то я уж подумал...

— Мыслитель, — сказал я с отвращением. — Мы пришли, чтоб сказку сделать былью! Потому разузнай, что у нас за соседи, а потом проедемся по нашим владениям.

Он запротестовал:

— По твоим, ты на меня не взваливай, не взвали-

вай!.. Я вольная, как тушканчик, птица. Или вовсе как бобер. Но ты уже, вижу, присматриваешься, куда достанут твои стрелы из колдовского арбалета?

— И это тоже, — признался я. — Глупо не использовать такую возможность. Уже готовую. Хорошо, все дороги видны. И море...

Он спросил заинтересованно:

— А что насчет моря?

— Есть идеи, — ответил я туманно.

Глава 6

Насчет соседей стоит узнать только о двух: западном и северном. Или о западных и северных, если с моими достаточно обширными землями соседствуют несколько хозяйств.

На южной стороне у меня море, а с востока — герцог Руммель, к которому уже чувствую симпатию, связанную понятным чувством превосходства и неясной виной из-за его жены.

И хотя по моим представлениям все свободны и в моем поведении не было ничего предосудительного, но я же здесь, а не там, а здесь нормы не просто строже, а в самом деле просто драконовские.

Фицрою надоело мое угрюмое молчание, спросил:

— В какое село едем?

— Пусть села пока подождут, — ответил я. — Я так давно не зрел моря... проедемся по бережку. Ты даже раковин не видел?

— Видел, — ответил он. — Как-то торговцы привозили. Рассказывали, что добывают их в стране драконов, потому так дорого.

Я сказал покровительственно:

— Ошалеешь.

— Я пошел седлать коней, — сказал он.

— Сам? — переспросил я. — Так я и поверил.

Конечно, коней оседлали слуги, но Фицрой все равно проверил, как сидит седло, как затянуты подпруги, придирчиво измерил высоту стремян и лишь тогда сказал снисходительно:

— Кто будет стараться, того, может быть, и не убью.

Один из слуг вскрикнул с упреком:

— Глерд! Что не так?

— Пока все так, — сообщил Фицрой, — это чтоб не нагнали.

Ворота из замка перед нами распахнули, как мне показалось, те же самые люди, что открывали и тогда, когда мы приехали предъявлять права на замок. Возможно, как только я тогда сразу же уложил Куланера и Тернерса, они быстрее других поняли, что их ждет, бросились на землю и прикинулисьдохлыми, так и уцелели, что говорит об их житейской мудрости, такие уживаются при любом строе и везде считаются опорой власти и порядка.

— Да все хорошо, — заверил Фицрой, — что дергаешься?.. Замок под твоей рукой. Все люди глерда Гурлея служили Куланеру поневоле, как служат человеку с мечом в руке, но ты прибыл с бумагой от короля! Ты легитимнее.

— Тоже на это надеюсь, — ответил я честно, — Гурлей получал мандат от короля, я тоже, так что должны признать не только слуги, но, что куда важнее, соседи.

Кони бодро сбежали вниз по ровной дороге, специально вычищенной и выровненной, это чтоб бревна катились до самого низа. Хотя, может быть, это бревна как раз и выровняли почву.

— В какую сторону? — спросил Фицрой.

— Сперва на восток, — ответил я. — Для туга соображающих есть и другое измерение...

— Это какое?

— Налево, — объяснил я любезно.

— Тогда нас ждет удача, — ответил он.

Через лес навстречу бодро мчится игривая, как веселый щенок, и очень хитрая дорога, прыгает из стороны в сторону без всякой причины, а высокие деревья сжимают ее с обеих сторон и пугающе низко опускают толстые узловатые ветви.

Мы не успевали переговариваться, то и дело подныривая под эти угрожающе летящие навстречу острые сучья, может, потому я и услышал слабый крик за стеной деревьев.

Моментально насторожившись, остановил коня, Фицрой сразу развернулся впереди и бросил ладонь на рукоять меча. Крик повторился, нет, продолжается, и я решительно повернул коня в щель между деревьями, а через полсотни шагов впереди открылась широкая поляна.

В самом центре полуразрушенный древний колодец из массивных неотесанных глыб, а перед ним с протянутыми над краем руками трясется в диком крике мужчина в длинном халате со звездами и кометами и в остроконечной шляпе с широкими полями.

Фицрой продрался за мной следом, я услышал его шумный выдох, в котором столько отвращения, что можно сдуть половину леса:

— Колдун!

Колдун продолжал кричать, понижая и повышая голос так, что на шее и на висках вздулись толстые темные жилы, похожие на пиявки.

— Что он делает, — проговорил Фицрой потрясенно, — что он делает...

Колдун, хотя это явно маг, обеими руками с огромным усилием вытаскивает из колодца нечто очень тяжелое, судя по напрягшимся мышцам, но абсолютно незримое для нас с Фицроем.

Мне на миг показалось, что вот-вот он сам рухнет в колодец, не в силах вытащить это нечто, и я, движимый понятным желанием помочь другому хомо сапиенсу, крикнул издали:

— Мужик, тебе подсобить?..

Он покосился в мою сторону злым глазом, не поворачивая головы, но не ответил, а продолжал крик, как я понял, это не крик, а типа заклинание, прерываться нельзя, потому я торопливо соскочил с коня.

— Как помочь?.. Тащить?.. Или бросить куда камни?

Фицрой прокричал, не покидая коня:

— Лучше камни!.. Вон какие...

Я подбежал к колдуну, протянул руку, чтобы помочь, ухватить, но пальцы коснулись обжигающе холодного и настолько омерзительно скользкого, что я невольно отдернул руку.

Его крик перешел в хрип, глаза начали расширяться в ужасе. Я крикнул:

— Чем помочь?

Голос его становился все тише, в пальцы начали разжиматься. Я попытался ухватить это скользкое, оно с силой выдралось из моей ладони...

... И тут же из колодца с шипением выметнулось нечто незримое, пахнувшее холодом, словно дохнуло ветром с вершины заснеженных гор. Колдун с хриплым криком отшатнулся, споткнулся, но не упал, а завис в том странном положении, будто остановилось время, а он так и остался в падении.

Грудь его словно взорвалась, из широкой раны в сторону неба ударил фонтан крови. Фицрой ахнул и задвигался с обнаженным мечом вокруг дергающегося тела, а фонтан, к нашему изумлению и ужасу, не опал, а становился мощнее, превратился в мощный гейзер, извергающий тонны крови, если это кровь, и вдруг над телом колдуна медленно начало наполняться красным нечто ужасное, какая-то помесь осьминога и дерева, и чем больше крови вливалось в это существо, тем оно становилось отчетливее и зримее.

Я застыл, страхась привлечь к себе внимание, а жуткая тварь отступила и с непостижимой ловкостью юркнула обратно.

Фицрой отступил на шаг от колодца, лицо белое, шумно вздохнул.

— У меня руки трясутся, — признался он дрожащим голосом.

— Что руки, — проговорил я с трудом, — меня всего трясет...

— Что это было?

Я с трудом оторвал взгляд от страшно зияющего зева колодца и посмотрел на тело колдуна. К моему изумлению, он все еще слабо шевелит руками, пытаясь ладонями закрыть рану, в которой поместился бы котел для ухи.

— Эй, — крикнул я прерывающимся голосом, — ты... живой?

Его голос потрескивал и прерывался:

— Уже нет... Мое любопытство завело... слишком далеко. Я переоценил... Но если хочешь... ищи... квантереллу...

— Это что? — вскрикнул я.

— На острове, — прохрипел он.

— Далеко от берега? — спросил я. — Какие координаты?..

— Быстрееними... кольцо, — прошептал он. — Все... исчезнет...

Я наклонился и поспешно содрал у него с указательного пальца толстое кольцо из неизвестного металла. Маг с трудом перевел взгляд, я показал ему, что вот оно у меня на ладони.

Он прошептал:

— Значит... ты не случайно...

Его тело заблестало и моментально стало плоским, рассыпалось на искры, а те ушли в землю. Поднялись примятые стебельки травы, словно на ней и не лежало тяжелое тело, залитое кровью.

Я спросил торопливо:

— А что с ним делать?.. Что делать?

Фицрой, сам перепуганный и вздрагивающий, хлопнул меня по плечу и сказал натужно бодрым голосом:

— Живучий гад... Пока все не уничтожил у себя в логове, умирать не стал...

Я сказал зябко:

— Ничего не понимаю. Мы же просто ехали!.. Какое тут не случайно? Конечно, случайно. Только случайно! И нечего тут...

— Успокойся, — сказал Фицрой чуть бодрее. — Главное, мы живы и даже почти целы. Кроме моей гордости, ничто не пострадало. А тебя не жалко! Чего тебя жалеть?.. Давай в седло, поехали отсюда!

Я вернулся к коню, он щиплет верхушки молодых веточек, он словно и не слышал жуткого крика, шипения, не видел пугающего гейзера крови... А может, и не видел. Может, его видели только мы, люди.

Фицрой на коня взлетел с такой резвостью, словно

торопится поскорее убежать из этого страшного места. Я последовал за ним, но не потому, что храбрее, напротив, запоздалый ужас начал потряхивать с новой силой.

— Ты заметил, — сказал он внезапно, — там у колодца уже и деревья понарастали?.. Ну, не совсем рядом, но там дальше руины домов, огрызки фундаментов, а в них столетние дубы... Народ давно ушел. Или его пожрали, а новые не пришли.

Я сказал невпопад:

— А сколько крови из него... Ведер двадцать. Где они и помещались в таком...

— То была не его кровь, — предположил Фицрой. — Или нам померещилось. Главное сейчас, думай о бабах! Я всегда о них думаю, когда какая-то неприятность. Знаешь, так хорошо становится! Все-таки бабы — наше все.

Некоторое время кони шли через лес шагом, мы не решались пустить их даже в рысь, я спросил наконец:

— Ну как тебе... еще не передумал становиться магом?

Фицрой зябко передернул плечами.

— Магом? С ума сошел!.. Да ни за что... А ты как стал?

— Я не маг, — ответил я. — Уже говорил, только нахально пру вещи Рундельштотта. И пользуюсь.

Он буркнул:

— Спер бы что-то и для меня.

— А меч? — напомнил я. — А одежда, которую не пробить ни стрелой, ни болтом?

Он сказал мечтательно:

— Это все защитное, а мне бы еще и нападальное, как вон у тебя...

— Меч, — сказал я, — нападальное. Ладно, пошли быстрее. Нужно только запомнить, что в этом колодце

что-то опасное, это же мои земли! Опасное и непрос-
тое.

— То-то здесь пусто, — сказал он. — Непростые
у тебя земли. Поедем дальше?

Я ответил все еще неверным голосом:

— Что-то перехотелось. В другой раз. Подумаешь,
сосед... Познакомимся при случае. Соседи все-таки не
главное счастье в нашей интересной жизни, что все ин-
тереснее и интереснее... Как же этот гад напугал, до сих
пор селезенка трясется!

— У меня тоже, — признался он с неловкостью. —
Никогда бы не сказал такое вслух, но раз уж и тебя пуг-
нуло, то мне тоже можно. Насчет кольца постарайся
разузнать... Только не представляю, у кого. Не у сосе-
дей же...

— Он сказал про остров, — сказал я. — Но какой...

— Что такое остров?

Я посмотрел на него почти с жалостью.

— О, сколько нам открытий чудных готовит прос-
вещения век... Тебе точно готовит. В моем лице. Я как
бы просвещение, если не смеяться...

— Точно не хочешь ехать дальше?

— Этот гад охоту отбил, — признался я. — Меня ин-
тересуют только соседи и чего от них ждать. А не эти
монстры... Географию этих земель пусть изучают извоз-
чики, им положено.

— Возвращаемся?

— Да, — сказал я. — На сегодня хватит.

Он повернул коня и вдруг завопил:

— Олень!.. С какими рогами! Я таких здоровенных
еще не видел...

Я всмотрелся, за кустарниками виднеется горбатая
спина, никаких рогов, но испуганный олень вздернул
голову, глаза огромные, непонимающие, ну что такого,

подумаешь, рога, хотя рога в самом деле великанские и с красиво загнутыми отростками, их там не меньше дюжины.

Фицрой заорал и пустил коня вскачь, пригнулся к его шее, и олень, все поняв, развернулся и ринулся прочь еще быстрее, так как на спине ничего, кроме прилипшего листка.

— Да зачем он тебе, — крикнул я безнадежным голосом, но сам знаю, уже такое не остановить, послал коня следом. — Ну олень, подумаешь...

Олень явно опережал, но, оторвавшись от преследователей, забывал про нас, начинал щипать траву, а когда видел приближающегося Фицроя, испуганно бросался наутек, и снова мы неслись, как два дурака, за животным, хотя в любом селе можно за бесценок купить хоть барашка, хоть теленка, хоть кабанчика.

Но почему-то добытый на охоте ценнее, и мы мчались и мчались по моей земле уже в обратную сторону, на восток, я начал уставать раньше коня от бесцельности и дурацкости погони, когда в конце концов поля кустарника начали заканчиваться, а впереди поднялась и стала приближаться стена леса.

Я надеялся, что там на опушке погоня и закончится, вон как Фицрой горячит коня, стараясь успеть догнать, однако олень успел вбежать в лес, мрачный и дремучий, с плотно сдвинутыми друг к другу высокими деревьями, и там исчез.

Я издали рассмотрел непролазную чащу, начал придерживать коня, но Фицрой с азартом вломился следом за оленем, в зарослях вынужденно соскочил на землю и побежал, где-то пригибаясь, чуть ли не падая на четвереньки, где-то перепрыгивая упавшие стволы лесных великанов.

Я остановил коня на краю леса, крикнул:

— Эгей!.. Ты где?

— Он тоже застрял, — донесся отчаянно-радостный вопль. — Иди сюда, возьмем голыми руками. Запутался рогами!

Я вздохнул, покинул седло, конь посмотрел на меня со снисходительным презрением.

— Жди, — велел я, но на всякий случай набросил повод на крепкий сучок. — Мы скоро. Наверное...

Глава 7

Лес в самом деле торжествующе дремучий, цепкий, деревья толстые и настолько высокие, что вершины тают в сверкающем оранжевом небе.

Я пробирался с трудом, где-то протискиваясь, где-то перелезая, мелькнула за деревьями яркая одежда Фицроя, вдруг донесся его горестный крик:

— Ну что ты ломишься, что ты ломишься?.. Спутнул...

Я продрался ближе, Фицрой разочарованно показывал на белый зад мелькнувшего далеко впереди оленя.

— Видишь?.. Тебя увидел!

— А тебя не боялся? — спросил я. — Возвращаемся?

— Погоди еще чуть, — попросил он. — Что-то с этим оленем странное...

— Посмотрим, — сказал я, — лес тоже странный...

Некоторое время протискивались между деревьями. Незаметно пахнуло свежестью, настоящим морским воздухом. Деревья впереди разбежались в стороны, я тихохонько охнул: впереди море, настоящее море... хотя нет, не море, а уютная такая бухта, даже бухточка, по берегам могучий строевой лес, абсолютно зеркальная гладь залива...

— Красота, — сказал Фицрой. — Озеро!

— Давай пройдемся по краю, — ответил я. — Как-то загадочно это... И маняще.

— Чем? — спросил я.

— Возможностями, — ответил я. — Возможностями, которых никто не замечает.

Он хмыкнул.

— Не знаю, что за возможности ты увидел. Вообще-то их у всех полно на дорогах, только мало кто нагнется, чтобы поднять. А другие так и вовсе отпихивают ногами. Любые возможности означают риск и работу, а кому это надо? Все хотят жить, ничего не делая.

— Я тоже такой, — признался я. — Но сейчас возможности очень уж велики. И раз уж никто другой не желает взяться, посмотрю сам, вдруг что получится...

— Ты о чем?

— Сперва обогнем, — ответил я. — Вдруг это не озеро?

— А что?

— Бухта, — ответил я. — Чует моя душа, если она у меня есть, что это бухта...

— Что такое... бухта?

— Отросток моря, — пояснил я. — Тихий такой, ласковый, мирный...

— Вернусь за конями, — сказал он.

Бухта, широкая посредине, оказалась с достаточно узким горлышком: мы ехали по самому краю, конские копыта расплескивают воду, а тот берег все приближается и приближается, и когда между ними осталось водное пространство, через которое даже я смогу перекинуть камень, впереди послышался шум накатывающих волн.

Деревья здесь стоят настолько плотно, что мы едва-едва протискивались между исполинскими ствола-

ми, а потом пришлось покинуть седла и протаскивать коней за повод между множеством то ли корней, вылезших наружу, то ли веток, что опустились к грязной земле и коренятся там, превращая дерево в подобие огромного паука на множестве неопрятных лап, опущенного в воду.

Наконец стало так тесно, что коней пришлось оставить, привязав к корням, а сами протиснулись навстречу все более громкому прибою.

Море открылось во всей исполинской красе, бескрайнее, сине-зеленое, что медленно становится оранжевым, как кипящее золото, мне даже не обязательно поднимать голову, чтобы увидеть, какое вышло солнце.

Волны катятся с величественной неспешностью, но Фицрой зябко передернул плечами.

— Красота, — сообщил он, — но страшноватая красота... Не представлял столько воды! С крыши твоего замка хоть и видно больше, но вот так страшнее...

— Зрительно? — подсказал я. — Ощущательно?..

— Ну да...

— Я тоже не морской человек, — признался я, — но когда мы с тобой поплывем открывать новые острова и материки, будем вспоминать этот момент...

Он посмотрел на меня дикими глазами.

— У тебя шуточки, глерд!.. Да я и по щиколотку не войду здесь в воду, если не буду держаться за дерево!

Я засмеялся.

— Топаем обратно. Пока наших коней не сперли. Увидели достаточно.

— Достаточно для чего? — спросил он.

— Да так, — ответил я. — Бухта совершенно скрытая, надо же! Так заросла, что даже и не знаю...

— А олень ушел, — сказал он со вздохом. — Наверное, уплыл, гад. Бывают олени водоплавающие?

— Здесь тихая вода, — напомнил я, — как в озере. И пресная, иначе деревья не росли бы такими гигантами. Река заполняет залив своими водами, а те потом выходят на морской простор.

Он сказал мне в спину:

— Теперь ночь не засну. Нужно будет среди твоих служанок выбрать самую толстую. Почему-то на толстой засыпаю лучше всего.

— Сказал бы хоть из культурности про красивую.

— Так я ж и сказал! Разве толстые не самые красивые? А красивые не толстые?.. Какие-то у тебя странные в таком простом деле взгляды.

— Возвращаемся к своим баранам, — сказал я, отмахнувшись, — к коням! Лезут всякие готовые крылатости, кто их просит...

Насчет бухты сразу же закопошились всякие мысли, даже идеи, но, как я помню по карте, моим соседом является герцог Руммель, а черта между нашими владениями проходит по естественной границе, реке. И, понятно, по этой бухте.

С одной стороны, вроде бы удобно, бухточка врежется в сушу довольно глубоко, так что служит как бы естественным водоразделом между двумя хозяйствами, плюс речушка, по ней в давние времена и проведена граница.

У герцога Руммеля обширные владения, но сам он, как я слышал в королевском дворце, находится в стадии упадка, длительного и затяжного. И конца не видно, хотя что это я, оборот речи такой, на самом деле конец очевиден: полное разорение и распродажа по частям как земель, так и самих угодий.

— Жаль только, — сказал я задумчиво, — что граница между нашими владениями проходит по этому заливу.

Фицрой спросил заинтересованно:

— Что ты задумал?.. Это же естественная граница! А дальше по речушке...

— Есть идея, — признался я. — Но для нее лучше, чтобы весь залив был моим. Знаешь, надо встретиться с хозяином этих земель. Вдруг что-то удастся как-то решить. Он мне уступит эту никому не нужную воду, а я ему, к примеру, клочок плодородной земли.

Он поморщился.

— Невыгодная сделка... если вот так посмотреть. Но ты же задумал обмануть его по-крупному?

— По очень крупному, — подтвердил я. — И не только его.

Он воскликнул:

— Вот это понимаю! Всегда считал тебя мошенником высшего полета. Едем к Слейну Келли, как и собирались!.. Он хороший купец, глава гильдии овцеводов, у него две дочки и семь водяных мельниц...

Я изумился:

— Где ты все это узнал?

Он сообщил покровительственно:

— Общаться нужно не только с королями. Простой народ знает такое, что королям и не снилось... Особенно подробности о жене короля, его дочках.

— Еще бы, — ответил я. — Знаю, о чем ты в первую очередь спрашивал.

Он расхохотался.

— Я же умница и красавец!

— Знаешь, — сказал я, — умница и красавец, ежай и шупай служанок Слейна Келли или возвращайся в Медвежий Коготь, а я, раз уж мы на границе с владениями герцога, заеду к нему в гости. С соседями нужно крепить отношения, верно?

— Еще как, — согласился он. — Но не упейся слишком уж, а то с коня упадешь.

— Обещаю, — ответил я, — а ты пока там похозяйствуй, если я где что недосмотрел. У меня это запросто.

Он хохотнул.

— А ты отлучишься? Не удалось навязать мне замок в глёрдстве Остеранском, так тут новое?.. А ты куда?

— На ту сторону залива, — ответил я.

Кони и не заметили наше отсутствие, с аппетитом объедают сочные молодые побеги, витамины всем нужны, я поднялся в седло, Фицрой лихо вскочил еще раньше, крикнул:

— Удачи!

— Пошел, — ответил я.

Он гикнул и послал коня в красивый галоп, уже забыв про оленя с вот такими рогами.

Я поднялся в седло, из головы не идет эта потаенная бухта и особенно та ее особенность, что вход со стороны моря полностью перекрыт ветвями огромных деревьев, даже не знаю, что за порода, что-то вроде помеси бабоеба с мангровыми зарослями, во всяком случае, со стороны моря увидеть проход абсолютно невозможно.

Вообще, мелькнула мысль, место настолько дикое, что если увижу тираннозавров и стегоцефалов, ничуть не удивлюсь.

Когда вдали показалась красная крыша замка герцога Руммеля, на западе небо уже красиво и страшно полыхало оранжевым огнем, что медленно переходит в изумрудно-зеленый. Я все еще не могу разобраться, при каких солнцах и в каком случае происходит такое странное наложение цветов, да и, если честно, не заморачиваюсь, а принимаю все, как и весь народ, привычно и равнодушно.

Дорога пошла вниз, замок скрылся, некоторое время конь свободно несясь среди приземистых зеленых холмов, потом деревья расступились, на очищенном от деревьев пространстве красиво смотрится подсвеченный заходящими солнцами замок герцога.

Вообще-то вблизи понятно, это даже не замок, а добротное поместье, огромное, роскошное и немножко безалаберное: даже я поставил бы пристройки удачнее.

Строители предпочли расположить замок или поместье в уютной долине, хотя здесь достаточно и высоких холмов. Вообще-то когда-то было замком, вижу, но потом перестраивалось и, главное, пристраивались разные помещения, так что сейчас просто огромная роскошная усадьба. Герцог удобства ценит выше безопасности или же просто на все махнул рукой.

Правда, сразу за хозяйственными постройками красиво и гордо вздымается высоченная башня, тонкая, как игла, с небольшой тыковкой на вершине, едва ли намного вместительнее матросского клотика, но видно оттуда, полагаю, даже края земель ближайших соседей.

Дороги неплохие, чувствуется, что за ними присматривают, ямы засыпают, ручьи отводят в сторону, поля в порядке, скот пасется тучный, коровы с выменем до земли, а овцы покрыли склон холма слева от дороги так, что травы не видно.

Подъезжая ближе, рассмотрел, что главное здание раскинулось широко и вольно, а по бокам еще и крылья в виде добротных домиков, соединенные с облагороженным донжоном длинными изящными верандами.

Само поместье расположилось посреди огромного сада, хотя деревья благоразумно держатся на расстоянии, потому что вокруг главного здания земля выложена отесанным булыжником настолько плотно, что

кажется исполинской плитой, расчерченной на квадратики.

Я остановил коня перед невысокой кирпичной стеной, что продолжилась ввысь уже металлическими прутьями с недобро блестящими острыми кончиками. Ворота из плотных досок скреплены металлическими полосами так часто, что деревья почти и не видно.

С высоты седла я увидел по ту сторону ухаживающих за цветами садовников, гаркнул:

— Эй там, морды!.. А ну быстро отворить ворота!

Оба вздрогнули и бросились отворять, и только когда я въехал, один опомнился и спросил робко:

— А вы кто... будете?

— Сосед, — ответил я небрежно. — К герцогу знакомиться. Запоминайте! И чтоб двери открывали за годя.

Они поспешно поклонились.

— Да, высокий глерд. Вы глерд Куланер или... глерд Тернерс?

— Глерд Юджин, — сказал я высокомерно. — А Куланера и прочих забудьте. Их больше нет. Среди живых. Сметены прогрессом и гуманизмом.

Перед домом двое рабочих поливают из леек цветы, в сторонке конюх гоняет на длинном поводке коня по кругу, но меня первым заметил с крыльца толстенький человечек в ярком костюме домашнего слуги, поспешил навстречу.

— Глерд?

Я сказал покровительственно:

— Глерд Юджин, хозяин земли Медвежий Коготь ваш сосед. Прибыл познакомиться с теми, чья земля трется боком о мои владения... ха-ха-ха!.. чешется, наверное. Хозяин дома?

Он ответил с заминкой:

— Герцог изволил отбыть на мельницу, там сейчас меняют жернова, он в таком случае всегда присутствует и... руководит.

Я поинтересовался деловито:

— Когда прибудет?

— Неизвестно, — ответил он. — Если все пойдет как обычно, то скоро, если же что-то стряслось, то проследит за ремонтом...

— Жаль, — ответил я. — А кто-то еще в доме из хозяев?

Он поклонился.

— Да. Герцогиня.

— Прекрасно, — ответил я и, соскочив на землю, бросил ему поводья. — Отведи к коновязи, дай овса. Поить сразу не надо, пусть высохнет. А я засвидетельствую почтение герцогине. Как ее зовут?

— Эльжбетта Руммель, — ответил он с запинкой. — Сиятельная Эльжбетта.

— Запомню, — сказал я, — Эльжбетта Руммель... Трудное имя. Но постараюсь запомнить.

— Сиятельная, — подсказал он. — Сиятельная герцогиня!

— Ух ты, — сказал я. — Ладно, уже весь трепещу.

Он остался возиться с конем, я бодро взбежал по ступенькам, двери в холл распахнуты, там светло и чисто, пахнет цветущим лугом и немножко лесом.

Я не сразу заметил разбросанные под стенами пучки душистых трав, а пока осматривался, навстречу вышла женщина с корзиной белья, охнула от неожиданности при виде внезапно появившегося перед ней неизвестного мужчины.

Я сказал властно:

— Стой и не дрожи!.. Где сиятельная герцогиня?

Она указала дрожащим пальцем:

— Вон туда... Вторая дверь направо...

— Иди, — сказал я, — насиловать пока не буду.

Она, уже оправившись от испуга, сказала кокетливо:

— Уж и помечтать нельзя!

— Фицроя на тебя нет, — ответил я и пошел искать вторую дверь налево. С той стороны двери доносится строгий голос Эльжбетты, я прислушался, постучал.

Голос прервался, через некоторое время донеслось:

— Открыто!

Я распахнул дверь и вдвинулся, держа на лице приятную улыбку. Эльжбетта вскочила, а песик перед нею, напротив, припал пузом к ковру и уставился на меня большими и блестящими, как пуговицы, глазами, не зная еще, рычать или начинать подлизываться.

— Вы?

— Ваша светлость, — ответил я с поклоном, — я считал дни и недели, когда же наконец увижусь с вами! Мне казалось, прошли годы...

Она промолвила:

— Глерд, прошли всего сутки... или больше?... Но... почему вы здесь?

— Сгораю от страсти, — объяснил я. — Да и вообще, герцогиня... Мы будем считать себя обделенными жизнью, если не устроим некоторое безобразие, что украшает жизнь. На самом деле нет же ничего порочного, верно?... Я самец, вы самка... Ну чего нам притворяться?... О, да тут и диван какой шикарный!.. Позвольте я вас проведу к нему...

Она опустилась на диван, но отодвинулась, вид неприступный.

— Глерд...

— Герцогиня, — сказал я, — неужели вы думаете, что я принял замок и те земли просто так? Из жадности?..

— А что еще могло вас здесь заинтересовать?

— Вы, герцогиня.

Она насмешливо прищурилась.

— Простите?

— Я воспылал к вам страстью, — пояснил я скромно. — Представляете?

— Не представляю, — ответила она. — Вы мне показались вполне разумным человеком.

Я вздохнул.

— Герцогиня, вы не ошиблись. Я в самом деле не дурак, вы прямо в точку. И как скучновато среди дураков... И когда я увидел вас...

Она сказала с иронией, но улыбаясь:

— Ах-ах, ну прямо вот так сразу.

— Представьте себе, — заверил я. — Ну такой вот я извращенец. Все ищут богатых, а я мечтаю об умной... И когда уже и мечтать бросил, ну разве что ночью, во сне чего только не напридумывается, как вдруг вас увидел!

Она продолжала улыбаться, рассматривая меня очень внимательно, как диковинного жука.

— И тут же признали меня умной?

— Сразу же, — заверил я. — Кто увидит только вашу статью, вашу изысканную грудь...

Она сказала с мягкой улыбкой:

— Глерд, эту часть пропустите.

— Хорошо, — ответил я, — и ваши крутые бедра...

— И это пропустите, — посоветовала она.

— Как скажете, — ответил я со вздохом, — хотя хотелось бы поговорить о таких приятных вещах. И о заднице, значит, нельзя?

Она посмотрела чуть строже.

— Глерд... я думала, мы уже договорились, когда вы о бедрах...

— Аа-а, — сказал я понимающе, — значит, просто разные термины. Я различаю бедра и задницу, а рань-

ше, как помню, все это входило в понятие «бедра». В общем, герцогиня, как умная женщина, вы же меня понимаете...

Она проговорила с той же снисходительной улыбкой:

— Да, глерд, я вас тоже нахожу очень умным и хитрым человеком, что возбуждает мое женское любопытство. Однако же вы не учитываете, что в подобных делах, как я слышала, впереди длинный ритуал обхождения и уламывания женщины, которую мужчина намерен обольстить... и я такие ритуалы прекращала в самом начале.

Я подумал, посмотрел ей прямо в глаза.

— Герцогиня... Как вы правы, как вы правы... В самом деле, на хрена нам этот ритуал? Если мы в самом деле умные?.. И если между нами в самом деле нечто такое... даже не подберу слов... голова перестает мыслить...

Глава 8

Она попыталась высвободиться, но от растерянности и неожиданности того, что снова обрушилось на нее, не сумела ни слов отыскать нужных, ни воспротивиться, я уложил ее и, как голодный паук на толстой сладкой молодой мухе, насытился так, что просто воспарил, а она дождалась, когда я слезу, медленно села и опустила задранное почти до горла платье.

— Глерд, — проговорила она смущенно, но голос ее креп с каждым мгновением, — это нужно прекратить... Мы не должны так поступать...

Я залюбовался, она считается уже выбывшей из разряда молодых женщин, так как в нем уже ее дочь, но до чего же волшебной играет румянец на ее нежно-белых щеках, как дивно блестят ее крупные глаза!

— Герцогиня, — сказал я, — вообще-то я прибыл к герцогу для знакомства. Мы соседи, я все-таки, благодаря вам, принял земли Медвежьего Когтя, как и его замок. Теперь нам предстоит познакомиться ближе.

Она отшатнулась.

— Еще ближе? Вы на что намекаете?..

— Герцогиня, — заверил я. — Я говорю о том, как это должно выглядеть в глазах общества, это же вас интересует?.. А мое сердце уже у вас под ногами.

Она слегка успокоилась, дернула за шнур, далеко за стеной прозвенел звоночек. Дверь распахнулась, появился сгорбленный старик с неопрятными седыми волосами.

— Вели подать вина и сладостей, — велела герцогиня, взглянула на меня и добавила: — Но сперва жареного мяса. Можно птицу!

Старик поклонился и переступил порог обратно, плотно закрыв за собой дверь.

— А как, — проговорила она негромко, — прежние хозяева?

— Глерд Гурлей? — спросил я. — Он умер, увы. Говорят, хорошим был человеком.

— Это я знаю, — проговорила она. — Но там поселились, поселились...

— Кто-то был, — ответил я с небрежностью. — Пришлось похозяйствовать. Кого-то немножко убил, остальные признали мои права и свои обязанности. У меня всегда так: у них обязанности, у меня права.

Вошли двое слуг, на столе появился кувшин из серебра, чаши тоже серебряные, тончайшей работы и с настолько сложной изысканной гравировкой, что я засмотрелся невольно, выдавая провинциала.

Еще двое внесли вкусно пахнущие блюда, молча и степенно расставляли все на столешнице. Мы мол-

чали оба, но едва за ними закрылась дверь, герцогиня сказала строго:

— Глерд, я очень примерная жена... и не хочу, чтобы подобное когда-либо повторялось!

— Я тоже, — согласился я. — Хотя я не совсем примерная жена, но готов, чтобы подобное не повторилось... Хотя нет, уже не готов... и с каждой минутой менее готов...

Она чуть повысила голос:

— Глерд!

Я сказал виновато:

— Герцогиня, да я просто шучу. Жизнь такая тяжелая, как говорят, что без шуток и жить невозможно, а кто живет... тот разве живет?.. Я в самом деле хочу познакомиться с герцогом. Мы соседи, а это значит, могут быть и совместные проекты, и помощь друг другу. Ваша дочь дома?

Она улыбнулась.

— Ага, все-таки хотите с нею познакомиться?

Я покачал головой.

— Ничуть, просто не хочу, чтобы нам помешали.

— Она в своей комнате, — сообщила она. — Учит-ся вышивать кружевные платки, которые будет дарить молодым героям, учиться играть на виоле...

— А учитель молод и красив? — спросил я.

Она гордо улыбнулась.

— С нею неотлучно две няньки. Глаз не спускают, а во время уроков постоянно с нею рядом. Так что герцог может быть спокоен за ее добродетель.

— Зато герцогиня, — сказал я в тон, — занимаясь хозяйством, ходит и ездит без провожатых. Хотя, конечно, в начале замужества и с нею ходили сопровождающие...

Я сделал нарочитую паузу, герцогиня слегка наклонила голову.

— Да, так было первые годы. Но родилась дочь, а герцог за годы совместной жизни убедился в моей верности, а также полном отсутствии интереса к мужчинам. В мире есть намного более увлекательные вещи, глерд Юджин, чем флирт и вот такие рискованные забавы.

— Это все у нас будет, — пообещал я. — Супруг отлучился надолго?

— Нет, — ответила она. — На мельнице всегда порядок. Просто меняют жернов, а супруг проследит, чтобы никого не придавило... Что делать, любит сам руководить работами.

— Хозяйственный, — согласился я.

— Я тоже, — сообщила она. — В этом мы с супругом схожи. Но на мне хозяйство замка, а он занимается всеми нашими землями.

— Не доверяет управляющим?

Она ответила уклончиво:

— Предпочитает сам увидеть, какой мост требует ремонта, где нужно проложить дорогу, какую часть леса определить под вырубку и сколько все это будет стоить... Какое вино предпочитаете, глерд?

— Вас, — ответил я.

Она вскинула брови.

— Глерд...

— Вы лучшее на свете вино, — заверил я. — У меня при одном взгляде на вас кружится голова и волнуется все естество. Плоть, в смысле.

Она проговорила с запинкой:

— Глерд, вы очень... откровенны...

— Мы взрослые люди, — напомнил я. — Вы видите, чего хочу от вас и жажду. Кроме того, герцогиня, я

же ваш сосед!.. Думаю, нам лучше скреплять наше соседство такими же прочными узами, чтобы перешло в дружбу и прочную поддержку. Вообще, герцогиня, у нас с вами так много общего...

Она скептически прищурилась.

— А что у нас еще общего?.. Разделяющая или соединяющая наши земли речка и морской залив?

Я пробормотал:

— Герцогиня... Вы слишком умны для женщины. Не подумывали переменить пол?

Она рассмеялась.

— Значит, угадала... хотя сказала без всякой задней мысли.

— Интуиция, — обронил я, — страшная штука. И не знаешь даже, когда подведет...

Она улыбнулась.

— Глерд, вы все равно остаетесь для меня загадкой.

— Что вы, герцогиня, — укорил я, — для всех я уже никакая не загадка, только для вас...

— Может, — предположила она, — к ним вы не лазили за пазуху?.. И не шупали их так, словно хозяйка курицу, проверяя, скоро ли снесет яйцо?

Я спросил обеспокоенно:

— А что не так?

Она с интересом посмотрела на меня.

— Глерд... Я герцогиня, а не крестьянка. И вы это прекрасно знаете. Но так вот со мной мог поступить либо король, либо... разбойник. Кто вы, глерд?

Я спросил почти с испугом:

— Что, и на разбойника не тяну?

Она спросила с улыбкой:

— Король-разбойник? Король в изгнании?.. Тоже маловероятно...

— Почему?

Она покосилась в мою сторону, во взгляде промелькнуло оценивающее выражение.

— Вы сами кого угодно изгоните.

— Ну спасибо, — ответил я с подчеркнутой обидой. — Просто я не со всеми местными обычаями знаком. И не знал, например, что герцогиня нельзя щупать, как кур-несушек. У нас, к примеру, женщины сбывают волосы как под мышками, как и внизу. А здесь о таком даже не слыхали! У всех такие заросли!

Он вскинула брови.

— Наверное... только шлюхи?

— А у нас других нет, — ответил я равнодушно.

Она охнула.

— Как... как мужчины это допустили?

Я пожал плечами.

— Дык мужчины это и ввели. В силу какой-то экономической целесообразности. Не вникал. Я не мыслитель, я все принимаю как оно есть.

Она помолчала, потом проговорила медленно:

— Правда?

Я сперва не понял вопроса, потом пожал плечами.

— Ну ладно, здесь я пытаюсь что-то менять. Странное чувство. Как будто кто-то забросил меня сюда и смотрит с любопытством: останусь таким же или что-то во мне изменится?.. Буду счастлив, если сумеете посетить мой новый замок и что-то посоветовать в смысле его обустройства!

Она улыбнулась.

— Глерд, это невозможно.

— Почему?

— Я замужем, — напомнила она. — Не знаю, как в вашем королевстве, но в Дронтарии нельзя появляться вне дома без мужа.

— Приезжайте с мужем, — сказал я беспечно.

Она посмотрела озадаченно.

— Вы... всерьез?

— Абсолютно, — заверил я. — Полагаю, ему тоже будет любопытно познакомиться с человеком, которому король в первый же день знакомства подарил замок!..

Она продолжала рассматривать меня все так же озадаченно.

— Я... переговорю с супругом. Вы правы, интерес при дворе вы сумели вызвать просто жгучий. В гости к вам еще начнут набиваться, увидите!

— Скажите мужу, — предложил я, — что я очарован вашей дочерью. Разве это не самый правдоподобный повод?

Она грустно улыбнулась.

— Да, конечно.

— Это только повод, — заверил я.

Она сказала медленно, продолжая улыбаться:

— Да, только повод. Какие у вас здесь планы?

— Никаких, — заверил я. — Отдохну и отправлюсь в обратный путь. Хотя, конечно, его величество любезно предлагает мне отдыхать здесь до бесконечности!

— Как интересно...

— Однако, — сказал я и посмотрел ей прямо в глаза, — если я и задержусь здесь, то вы, герцогиня, виной.

Она округлила глаза.

— Простите?

— Я вами очарован, — сказал я. — Сам не думал, что вот так возьму и очаруюсь! Весь, представляете?.. Ну, вы же человек сравнительно взрослый, представляете, верно?

Она насмешливо взглянула из-под приспущенных век.

— Глерд... а теперь можете сказать, зачем затащили меня в постель?.. Я же прекрасно понимаю, у меня ни связей при дворе, ни богатства...

— Это же здорово, — ответил я. — А то бы сказал кто, что ради связей или богатства!.. Герцогиня, вы же такая прелесть!.. Вы просто чудо. Вы лучшее, что есть в этом королевстве!

Она польщенно засмеялась.

— Глерд, вы умеете говорить женщинам приятные вещи.

— Герцогиня, — сказал я, — могу ж я что-то сделать для себя, а не только для какой-то цели?

Она покачала головой.

— Правда? А мне казалось, мужчины вроде вас всегда все делают только для какой-то цели.

— Для цели, — повторил я, — для великой цели...

— Для великой, — подтвердила она, не заметив или не пожелав заметить иронию. — Вы смотрите именно таким.

— Правда? — переспросил я. — Честно говоря, меньше всего думал о себе так. Даже не знаю, но когда такое свалилось на голову, пришлось слезть с дивана. И сейчас я, честно говоря, все еще в растерянности. Думаю, герцогиня, мы поддержим друг друга.

Она чуть отодвинулась, взгляд стал отстраненным.

— Глерд, я чувствую вашу неясную тоску, но абсолютно не могу понять ее сути. Тем более, что значит поддержать друг друга?.. Я вполне удовлетворена жизнью...

— Тогда поддержите меня, — предложил я. — Разве это не извечное предназначение женщины? Поддерживать мужчин и вселять в них силы? Уверенность — тоже сила.

Она посмотрела искоса.

— Вас трудно понять, глерд. Хотя, признаюсь, так даже интереснее. Это не с конюхом переспать на ходу.

— Переспать на ходу, — повторил я, — здорово! Богат язык, очень богат. А в моем королевстве слишком

прямые и недвусмысленные синонимы. Зато много... Знаете, герцогиня, вы поддержите меня тем, что пока вот набираемся сил, вы расскажете мне как можно больше о Дронтарии. Мне кажется, что женщина с вашим умом знает больше и лучше, чем даже королевские советники.

Глава 9

В старину говорили в таких случаях, что между ними был стыд, а это всегда сближает, по крайней мере в этом мире, и пока я насыщался деликатесами местной кухни, герцогиня хоть и с некоторым смущением, но достаточно мило отвечала на вопросы, расширяя мой кругозор больше, чем мне удалось за все время пребывания в этом мире.

Похоже, она в самом деле прекрасно разбирается в делах королевства, обладает ясным, трезвым умом, а еще умеет оформить в более четкие и емкие понятия, чем уклончиво рассказывали сам король Астрингер и его советники.

Дронтария в течение веков выдерживала натиск двух соседних королевств, Пиксии и Гарна, а те в конце концов, опасаясь друг друга, постепенно перешли от идеи захватить Дронтарию и разделить ее земли пополам к идее оставить ее буферным государством, имеющим право ловить в море рыбу, но без возможности строить свой морской флот.

Впрочем, чтобы не было возмущения в народе, а главное, среди знати, договор об отказе от строительства собственного флота сумели подать как победу дронтарской дипломатии. Дескать, все издержки принимают на себя Пиксия и Гарн, они берут товар на

пристани, а дальше уплывают с ним и где-то далеко продают, а потом привозят золотые монеты.

Возможно, так и есть, то есть не получают никакой выгоды, однако же отсутствие своего флота до сих пор задевает как гордость королей Дронтарии, так и некоторых знатных глердов, которые могут смотреть дальше границы своих родовых земель.

— Меня бы задело, — заметил я. — Будь я дронтарианином. Или дронтарианцем.

— А сейчас вы не дронтарианин?

Я пожал плечами.

— Наличие земельных угодий не делает местным.

— Ни в какой мере?

— Думаю, что... разве что личные привязанности.

— К королю Астрингеру?

— К вам, герцогиня, — ответил я любезно. — Вообще-то я не шучу. Не верите?

Она покачала головой.

— Само собой.

— Почему?

— Думаю, — проговорила она медленно, — во-первых, вам лестно добиться удовлетворения своих телесных потребностей от замужней женщины... Во-вторых, я герцогиня, а это сразу повышает и ваше мужское самомнение.

Она замолчала, я поинтересовался:

— А в-третьих? Герцогиня, я же чувствую!

— Верно, — согласилась она, — есть и в-третьих. Вы каким-то образом ощутили, что я одинока и несчастна, хотя этого не знает никто на свете, включая моего мужа, дочь и родню. И... воспользовались.

В ее взгляде я прочел осуждение и понимание простой истины: все мужчины — похотливые свиньи, как

не воспользоваться женской слабостью, я такой же, как и все, только оказался хитрее других и настойчивее.

— Герцогиня, — сказал я со вздохом, — вы очень прозорливая женщина. А я... свинья, как и все. Добавьте ко всем моим достоинствам, что я тоже, как ни странно, одинок и несчастен. И до сих пор не знаю, что хорошо, что плохо. У нас эти понятия размыты настолько... к тому же несколько раз менялись местами, что уже и не знаешь, как правильно... Я имею в виду в моем далеком королевстве.

Она сказала с сочувствием:

— В вашем королевстве были трудные времена. А здесь вы... чего добиваетесь?

— Пока ничего, — ответил я. — Пытаюсь понять, что делать. Беда наша в том, что те, кто знает, бессильны, а кто силен... тот либо глуп, либо боится шелохнуться, чтобы не поломать все вокруг..

— Но у вас есть замок и земли, — напомнила она.

— На своих землях, — сказал я, — установлю справедливые законы. Но я хотел бы, чтобы справедливые законы были установлены во всем мире. Герцогиня, я просто уверен, что вы мне поможете... Добрым словом, чисто женским теплом...

Она отпила из чаши, которую я заполнил вином до венчиков, попыталась высвободить плечи из моих объятий, но я проявил настойчивость, ни одна женщина еще не волновала мою плоть с такой мощью, герцогиня почти не сопротивлялась, когда я уложил ее там же на диване.

Одевшись, я снова наполнил вином чаши, герцогиня поспешными движениями опустила задранное платье и сдвинула ноги. Я передвинул ее чашу к ней побли-

же, а герцогиня, опираясь на спинку дивана, медленно села, стараясь не встречаться со мной взглядом.

— И что же, — спросила она, — вы в самом деле... говорите о справедливости для всех... вот так серьезно?

— Абсолютно, — заверил я, — хотя и самому смешно.

Она сделала жадный глоток, хотя и старается не показывать, что за время нашей возни на диване во рту пересохло.

— Почему?

— Меньше всего, — объяснил я, — я ожидал от себя стремления к справедливости. Мне, как и любому молодому дураку, пираты и разбойники нравятся больше, чем те, кто их ловит и вешает. Хотя пираты как бы тоже за справедливость, хотя они убивают и грабят мирных купцов, а потом еще и топят их с кораблями вместе, чтобы концы в воду...

Она допила вино, опустила чашу на стол и наконец взглянула на меня, но стыдливый румянец молодой женщины все еще полыхает ярко и жарко на обеих щеках.

— А почему, — произнесла она, — сейчас...

Я развел руками.

— Как уже сказал, этим должны были заниматься другие люди. Обеспечивать справедливость так, чтобы это устраивало меня в первую очередь. Но что-то сдвинулось в мировой константе...

— В чем-чем?

— Во мне, — объяснил я. — Так как я и весь мир. Ну, таким вот ценным я себя чувствую. И неважно, что другие мое мнение не разделяют. Понятно же, что самое правильное и важное мнение — это мое.

Она улыбнулась.

— И когда начнете завоевывать мир?

— Уже начал, — сообщил я. — Завоевал... или почти завоевал вас, герцогиня. Остальное пойдет легче.

Она поднялась, неспешно поправила складки платья на холеном белом теле, таком нежном и хватательном, а я невольно подумал, что как это здорово, когда под платьем нет ничего лишнего.

— Скоро вернется герцог, — произнесла она, избегая слов «муж» или «супруг», — потому подготовьте к нему вопросы... а я сейчас вернусь.

Вернулась она через несколько минут с высокой сложной прической, строгая и чопорная. Мы сели за стол на противоположных концах, в таком положении и слышали за окнами стук копыт, веселые голоса, среди них я узнал и зычный голос герцога.

Я покосился по сторонам, сидим чинно, лица светски приветливые, спины прямые, перед нами уже пустые тарелки с остатками соуса, а мы держим в пальцах тонкие ножки кубков изящной работы.

Герцог вошел в сопровождении управителя, тот что-то суетливо объясняет, я поднялся из-за стола и ответил учтивый поклон в сторону хозяина замка.

— Ваша светлость...

Он остановился, глядя на меня.

— Глерд...

— Глерд Юджин, — подсказал я. — Мы виделись на королевском пиру, ваша светлость. Его величество подарило мне земли Медвежий Коготь с замком и селами.

Он покосился на герцогиню, что не двигается, слушает со скромным вниманием хозяйки, перевел взгляд на меня.

— Да-да, я видел вас рядом с королем.

— Потому я, — продолжил я, — поспешил к вам, как к соседу, чтобы заверить в своем уважении, почтении и желании быть вам полезным, а самое главное, стать хорошим соседом!

Он сдержанно улыбнулся.

— Глерд Юджин, мне как раз больше всего недостает хороших соседей. Садитесь, я присяду тоже, ноги устали. Да и горло стоит промочить хорошим винцом... или какое там отыщется.

Он сел от меня и герцогини на равном расстоянии, мне их лица показались похожими, как всегда бывает у супругов, проживших долгие годы в согласии.

Герцогиня проговорила ровно:

— Пока вы отсутствовали, герцог, я рассказывала нашему новому соседу, как здесь живут, чем занимают-ся, что выращивают, что пользуется спросом на рынке. Боюсь, его это больше напугало, чем воодушевило.

Герцог сказал с укором:

— Ну что ты делаешь, дорогая! Такой милый молодой человек, такой воспитанный, а ты его можешь спугнуть. Возьмет и убежит на другой конец королевства.

Он сам налил себе из кувшина в кубок, выпил и налил снова. Глаза немного повеселели.

— В самом деле, глерд, — сказал он, — в нашем краю за что ни возьмись — все прибыльно. Разве что прибыль бывает не очень-то... но жить можно, хоть земледелием, хоть скотоводством...

— А рыбной ловлей? — просил я.

Он поморщился, покачал головой.

— Это рискованно, трудоемко, нет гарантированного улова... Вот один мой родственник, его земли почти на границе с Гарном, разводил рыбу в своем пруду. Это я понимаю, оттуда рыба никуда не денется. Это все равно что разводить овец. Или кур. А в море... Там рыба хочет придет, хочет не придет...

— Это верно, — согласился я, — но помечтать можно?.. А я люблю мечтать.

Он поморщился.

— Мечтать мужчинам не пристало. Впрочем, вы еще совсем юноша, у вас отголоски детства.

Герцогиня поглядывала то на него, то на меня, проговорила мягко:

— Дорогой, что случилось?.. Я вижу, ты расстроен.

Он отмахнулся.

— Потом расскажу. Не стоит нашего дорогого гостя нагружать наши проблемами.

— Как раз наоборот, — быстро сказал я. — Раз уж я выбрал жить здесь, мне надо знать, что здесь происходит, чем грозит, куда бежать и как прятаться?

Он пробормотал:

— Вам ничем не грозит. Это мои трудности. С той стороны у меня напористый сосед, что уже расширил свои владения вдвое. С помощью своей дружины. Теперь донимает меня, заявляя, что имеет права на часть земли на той стороне озера... Ты помнишь тот лесок, что за оврагом?

— А он точно не имеет? — спросил я.

Он взглянул с самым оскорбленным видом.

— Эти земли четыреста лет принадлежали моему роду!.. За эти годы они только сокращались, но за все время я ни горсти чужой земли не взял! Ни я, ни мои предки.

Я сказал вежливо:

— Думаю, все наладится. Герцог, я покидаю вас, я вообще-то еще не все свои земли объехал, а поспешил с вами познакомиться, так как слышан много хорошего.

Он поднялся, кивнул.

— Глерд...

— Ваша светлость, — ответил я учтиво и отбыл.

Глава 10

Во дворе люди герцога смотрят в небо и что-то высчитывают на пальцах. По обрывку разговора я уловил, что зеленое солнце сегодня к вечеру может выскочить в момент, когда оранжевое уйдет за край, так что нужно будет спрятаться всем, а также скотину и кур загнать в помещения, а еще обязательно поставить перед ними в корытах воду, иначе не спасет и тонкая крыша сарая.

Я зябко передернул плечами, под излучение зеленого попадать не хочется, хотя я и провитаминизированный, с усиленной иммунной системой, выживу, но только выжить мало, еще бы не стать уродом...

— Вперед, — велел я коню, — нужно еще и успеть вернуться до захода оранжевого... А то превратишься вдруг в эогиппуса или тарпана...

Земли герцога я проскочил достаточно быстро, проезжающие по дороге возчики указали на мелкую речушку, через которую переброшен деревянный мостик.

— Вот там уже земли глерда Барна Риппера...

— Еще год тому были землей герцога, — уточнил второй.

— Спасибо, — сказал я. — И у кого было лучше?

Оба посмотрели на меня в изумлении.

— Конечно, у герцога!.. Глерд Риппер установил двойные налоги!.. Ему надо больше, он то крепость строит, то дружину усиливает...

— Хорошее дело, — согласился я. — Кто любит войну, к тому она и приходит... Спасибо!

Конь ринулся к мостику, копыта весело простучали по деревянному настилу, а дальше раскинулся простор земель, недавно принадлежавших герцогу.

В сторонке проплыли три больших села, я начал

вертеть головой, вдруг да проскочил имение этого Барна Риппера, увидел на опушке леса лесорубов, свернул к ним.

Мужики насторожились, встали в линию, держа топоры наготове.

Я издали помахал рукой.

— Эй, парни!.. Я ищу глерда Риппера!.. Кто-нибудь подскажет?

Один крикнул с явным облегчением в голосе:

— Дальше по этой же дороге!.. Не промахнетесь!

— Спасибо, — сказал я. — Ну и территорию отхватил... Можно свое королевство создавать...

Конь снова пошел галопом, и так неслись еще с полчаса, пока впереди на невысоком холме не обрисовался массивный замок, неуклюжий и громоздкий, такой выдержит и удары камней из десятков катапульт... хотя нет, это не замок еще, а странная смесь средневекового замка с его толстыми стенами и без окон до высоты в два этажа, а выше уже деревянный верх еще в три этажа с башенками и надстройками, широкими окнами, сейчас распахнутыми навстречу наступающему вечеру с его чистым воздухом, настоящим на травах...

К замку идет широкая дорога, а внизу расположено множество подсобных хозяйств, которые, на мой взгляд, проще бы поместить в сам замок: пекарня, прачечная, кузница...

На просторной вытоптанной копытами площадке несколько человек заняты тем, что гоняют на длинном поводе молодых коней, приучая слушаться хозяина.

На пути к ним я встретил мужика с лопатой на плече, на всякий случай остановил, поинтересовался:

— Приятель, не скажешь, хозяин этой красотищи здесь?

Он, не глядя на меня, с хмурым видом кивнул в сторону группки мужчин.

— Вон там глерд Риппер!.. Видите, указывает, какую лошадь обучать вон за той?.. Самый высокий.

— Любит коней? — переспросил я. — Это хорошо. Я тоже почти лошадаешник. Обожаю коней! Только ездить верхом не люблю. Да, в седле, но куда денешься, если надо...

Мужчины обернулись в мою сторону, я подъехал ближе, сорвал с головы шляпу и грациозно помахал перед собой.

— Глерды... Мое почтение! Как же люблю, когда кто-то занимается тем же делом, которое так обожаю и я!

Они молча смотрели, как я покинул седло, небрежно забросив повод на конскую спину, разговор явно не затянется, пошел к ним с широкой улыбкой на лице.

— Я ваш сосед глерд Юджин, — сообщил я. — Мне его величество король милостиво пожаловало земли с той стороны владений герцога Руммеля, я их только что проехал и не успел опомниться, как оказался в ваших...

Мужчины начали ухмыляться, один, высокий, как столб, худой и жилистый, сказал с недоброй ухмылкой:

— У герцога мало земель, да и те постоянно сокращаются, ха-ха!..

Остальные захохотали тоже, я сказал весело:

— Могу я поприветствовать хозяина?

Тот, который так отозвался о герцоге, шагнул навстречу, лицо злое, глаза колючие, сказал жестким голосом:

— Глерд Барн Риппер, властелин этих земель. Думаю, мои земли пошире ваших и владений герцога, вместе взятых!

— Не сомневаюсь, — ответил я любезно, — особенно если вы включаете в свои и те земли, которые герцог тоже считает своими.

Он посерьезнел, лицо напряглось, а мужчины перестали смеяться.

— Глерд, — произнес он зло, — вы на что намекаете? Я широко и чистосердечно улыбнулся снова.

— Что вы, глерд!.. Я просто праздную получение от короля земель и еду вот, пьяный от счастья. Позвольте вас на минуту в сторонку, хочу нечто сообщить вам крайне интересное... Я не задержу вас, правда-правда!

Он нахмурился, но кивнул своим.

— После Белянки начинайте на длинном поводке Краснохвостика. Я сейчас вернусь.

Я думал, мы пройдем в дом, однако он отошел на десяток шагов и сказал злым голосом:

— Понимаю, что вы, раз уж справа от герцога, должны были познакомиться с ним раньше, а потом уже со мной... но это все равно неприятно. Итак, что вы хотите сказать?

— Глерд, — сказал я доброжелательно, — я всего лишь прошу вас отказаться от тех спорных земель в пользу герцога. Как можно не пойти на уступки перед таким уважаемым человеком?

Он взглянул сверху вниз с таким презрением, словно я не человек вовсе, а нечто вроде колченогого таракана, который даже ползти по прямой не способен.

— Глерд, — произнес он высокомерно, — то, что вы получили замок в дар от короля, ничего не значит во взаимоотношениях между высокородными глердами. У нас свои правила! Герцог не получит эти земли!.. Более того, я рассчитываю со временем явиться к нему и забрать пока что принадлежащие ему владения, так как в древние времена, что нашло отражение в хрониках, они принадлежали моим предкам!

Я выслушал, сказал с облегчением:

— Если так, глерд, это прекрасно. Я имею в виду, что его величество не вмешивается в такие разборки. Ему лишь бы исправно платили налоги, понятно...

Он гордо вскинул подбородок и произнес с высоты своего роста, хотя, на мой взгляд, выше меня разве что на пару пальцев:

— Надеюсь, глерд, я вас больше не увижу в своих землях. Эти, кстати, тоже мои.

Я сказал галантно:

— Глерд, а я как раз уверен, что мы завтра встретимся... Нет, не здесь, а на границе земель герцога и ваших земель. Там такой мостик, помните?.. И к тому времени вы придете к пониманию, что те спорные земли вовсе не спорные, а они бесспорно... простите за тавтологию, принадлежат законному владельцу.

Он спросил зло:

— Герцог готов признать, что эти земли мои?

— Напротив, — сказал я. — Мне кажется почему-то, что завтра вы откажетесь от этих земель и будете умолять герцога принять их себе. Потому я не прощаюсь, глерд! До завтра на стыке ваших с герцогом земель!

Я повернул коня и унесся прочь, не слушая, что за оскорбления он выкрикивает в спину.

Домой я вернулся уже при свете двух лун, огромной красной, что уже нависает над миром, неподвижная, как авианосец, и фиолетовой, эта катится по ней, будто жемчужина по тарелке.

Фицрой учуял как-то мое появление, примчался, пахнувший вином, жареным мясом и острыми специями, весь чуть ли не танцующий от жажды что-нить де-

лать, а еще лучше — ломать, спросил, расширяя в жадном ожидании блестящие от любопытства глаза:

— Ну как?

— Как обычно, — ответил я.

— Никак?

Я кивнул.

— Точно. В дипломатии это обычное дело, потому делаем следующий шаг.

— Какой?

— Накладаем, — ответил я, — а то и накладываем санкции.

— Ого, — сказал он с уважением. — Звучит серьезно! А что это?

— Да такая хрень, — пояснил я, — с помощью которых можно делать гадости. От самых мелких до очень серьезных, что уже на грани войны.

Он в азарте потер ладони.

— Это я люблю!.. С чего начнешь? Что-то хитрое?

Я покачал головой.

— Знаешь, мне уже не хватает зелий, которые употреблял в своем королевстве. Они прочищают мозг, заставляют ярко мыслить. А здесь в голову лезет только самое тупое: того застрелить, того зарезать... а еще лучше все-таки застрелить... это чтоб не пачкать руки кровью.

— Значит, — спросил он, — стрельба? Из твоего магического арбалета?

Я ответил нехотя:

— Увы, да. Ничего умнее в голову не лезет.

— А чего вдруг полезет, — изумился он, — если у тебя уже есть такое простое решение?.. Значит, будешь стрелять из того, который бьет так далеко?

— Да, — ответил я с досадой. — Снова. Ну дурак я, ничего более умного, изощренного не лезет в голову. А время поджимает!

— Интриги, — сказал он, — оружие слабых. Если можно решить проблему, выпустив магическую стрелу из твоего арбалета в лоб... то какие еще вопросы?

Я вздохнул.

— Ты прав. Я ж говорю, когда в руках молоток, все вокруг кажется гвоздями... Пойдешь со мной? Или к поварихе?.. Как ее зовут?

Он оскорбился.

— Откуда мне знать? Вообще какое-то непотребство, давать женщинам имена!.. Прибил бы первого, кто это начал! Достаточно всех звать, например, лапушками...

— Значит, — переспросил я, — к поварихе?

Он облизнулся.

— Повариха хороша, но что мы за мужчины, если женщины для нас выше приключений?

— Согласен, — сказал я. — У нас для таких мужчинок существуют не самые ласковые имена. Самое безобидное и даже мирное — бабник, а те, что покруче...

Он внимательно слушал, выражение лица стало сперва удивленным, восхищенным, восторженным, наконец ахнул:

— Ну и свирепый же вы народ!.. Насколько же вы стремитесь к славе, подвигам и приключениям, если для таких юбочников столько... определений!.. Когда начнешь?

— Сейчас, — ответил я. — Это неприятности нужно откладывать на потом, но не такое же удовольствие, как подо... подпортить ближнему!

Глава 11

У герцога народ уже крепко спал, когда мы на двух быстрых конях пересекли его земли и вторглись на территорию потенциального противника, хотя я с ним и расстался якобы любезно.

Тогда на обратном пути не очень-то смотрел по сторонам, но, к счастью, луна светит ярко, хотя мир погружен в зловеще-багровый свет, и вскоре увидел холм в полумиле от замка глерда Риппера, где на вершине только мягкая травка, даже кустов нет, словно природа приготовила место для пикника.

Фицрой раньше меня сообразил, что это место идеально для моих целей, повернул коня. Я поморщился, что-то быстро слишком соображает, ловит все на ходу, обучаемость поразительная, из какого же он королевства...

Он спутал коням ноги у подножия холма, они тут же принялись щипать травку, мы перенесли наверх мой мешок с винтовкой и второй, что потяжелее, но зато там и такие необходимые в важных делах вещи, как бурдюк с вином, хлеб, сыр, мясо и рыба.

Я принялся собирать винтовку, Фицрой деловито расстелил скатерку, тщательно расправил и примял, чтобы торчащие стебли не нарушали гармонию.

— Что-нибудь придумал еще?

Я покачал головой.

— Знаешь, Фицрой, я в самом деле что-то отупел... Хотя я и раньше не блистал, но сейчас вообще всего на один шаг вперед рассчитываю!.. Потому давай подождем, что получится.

Он разложил на скатерке еду и поставил две серебряные чаши. Когда вытащил из мешка объемистый кувшин, я облизал губы и прильнул к окуляру.

В просветленный прицел ночного видения можно рассмотреть отчетливо даже мелькающие на занавесках и шторах окон силуэты.

Я навел крестик на один, на другой, ощутил сладостное желание нажать на спусковую скобу, сердце застучало чаще и как-то тревожно.

Фицрой наблюдал за мной с интересом.

— Что-то случилось?

— Нет, — ответил я, — но могло.

— Что?

— Я мог показать себя той свиньей, — ответил я, — какой я по сути и являюсь. Но мы обязаны выдавливать из себя свинство!.. Разве не так?

Он пожал плечами.

— Если совсем выдавить, то зачем и жить? Кто из нас, людей, живет не свинскими радостями? Потому дави осторожно. Понемножку.

— Вот-вот, — буркнул я. — А понемножку... это...

Я нажал на скобу. В плечо толкнуло, а там далеко через несколько секунд беззвучно разлетелось стекло в верхней части окна. Я перевел прицел на второе окно, выстрелил тоже повыше, чтобы никого не зацепить, но задел раму, что расщепилась и тоже влетела в комнату.

Фицрой пожаловался:

— Ничего не вижу!

— В следующий раз, — пообещал я, — для тебя возьму бинокль.

— Из него тоже можно?

— Еще лучше, — заверил я. — Сам знаешь, как здорово за женщинами подглядывать!..

Он оживился.

— И когда моются?

— И когда чешутся, — заверил я. — Думаешь, глере-дессы не чешутся?

Он с интересом смотрел, как мое плечо снова вздрогнуло от удара. Я перевел прицел на этаж выше. Невидимый для других лазерный луч точно указывает точку, куда попадет пуля с учетом влажности воздуха и легкого ветра справа, и я тремя выстрелами сбил шпиль с головного здания, затем опустил ствол, взял в прицел роскошные двери выхода из замка.

И все-таки гнусенькое чувство сладострастности разрушения заползает все глубже, заполняет нутро, поднимается наверх и... я выбирал цель, нажимал на скобу и чувствовал уже не виноватость, пусть и слабенькую, а победность, доминантность, а какой цейной — неважно...

Фицрой время от времени наливал себе в чашу вина, моя стоит нетронутая, но ломоть отбивной я сожрал с аппетитом, давая плечу отдохнуть.

В замке паника, наконец-то поняли, что происходит что-то странное и опасное, нападение каких-то сил на донжон, а я полюбовался и снова припал к прицелу.

Еще несколько минут стрельбы бронебойно-зажигательными, и в замке не осталось ни одного целого окна, а вокруг вспыхнули подожженные конюшни, сараи, амбары, булочная, кузница, даже домики кожевников и красильщиков.

Я снял с винтовки оптический прицел и протянул Фицрою.

— Погляди и будем собираться обратно.

Он поглядел в полном восторге, указал в сторону замка пальцем.

— А вон ту башенку... не собьешь?

Я подумал, плечо уже ноет, но сказал с победной злостью:

— Ты прав, надо показать что-то еще...

На этот раз стрелял разрывными и видел, как после каждого попадания в камне образовывается глубокая дыра. Всего шесть выстрелов, и башня беззвучно начала опускаться, середина рассыпалась, а вся верхушка рухнула на замок, проломив крышу.

— Все, — сказал я с некоторым раскаянием, как мне показалось, но прислушался и никакого раскаяния не уловил, — хватит на сегодня. Возвращаемся.

Проснулся я от негромкого грохота, открыл глаза, это молоденькая служанка, повернувшись ко мне сочным задом, четко разделенным на две подушки, сваливает с рук кучу поленьев возле камина.

Я пробормотал:

— Ты чего... зачем камин... в спальне тепло...

Она живо обернулась, свеженькая, круглолицая, с игривыми глазами и низким вырезом платья.

— Ой, вы уже проснулись?.. Так положено, нам всегда говорили, что у камина всегда должны быть березовые дрова и береста для растопки...

Я сел, протирая кулаками глаза, посмотрел на окно, утро миновало давно, сплю я неплохо, неплохо...

— Ладно, — сказал я, — давай че-нить на стол, есть что-то восхотелось. Даже возжелалось. Даже не знаю почему, день всего как не ел... Или ел? Фицрой где?

— Это молодой господин? — переспросила она и хихикнула. — Он такой веселый, такой веселый!.. Поискать?

— Поищи, — ответил я. — Только у него не задерживайся, несмотря на.

Я заканчивал завтрак, когда прибыл Фицрой, как всегда в приподнятом настроении, словно уже успел всучить кому-то зуб дракона, обыграть в кости и поменять медную монету на золотую.

— Ну и спишь, — сказал он вместо приветствия, — будто коней продал. Что жрешь с таким аппетитом?

— Присоединяйся, — предложил я.

Он всмотрелся, поморщился.

— Меня кормят лучше. Нет уж, нет уж... Поедешь на встречу?

— Наверное, — ответил я недобрым голосом, — он уже ждет. Ты похозяйствуй пока здесь, чтоб замок не

украли. Я быстро. Простая челночная операция. Встречусь с Риппером и сразу же обратно.

— А если заартачится?

Я вскинул брови в изумлении.

— После того, что мы устроили в его замке?

— Ты устроил, — уточнил Фицрой ревниво. — Я только завидовал. Хорошо, а я пока перепроверю твои запасы вина в погребе.

— Еще не проверил?

— Я же сказал «перепроверю», — напомнил он. — А то с первого раза не запомнил, что в каком бочонке. Надо свои знаки поставить, а то у Гурлея были какие-то слишком свои личные.

— Выбери лучшее, — сказал я. — Про остальные забудь.

Он посмотрел на меня внимательно, торжествующая улыбка начала раздвигать губы, показывая белые красивые зубы.

— Это мне нравится, — сообщил он. — Вижу, надолго не застрянем. Остальное вино и начинать не стоит...

— Сплюнь, — велел я. — Я ж сказал, пускаем корни вглубь и шири! Пока все не выпьем, с места не сдвинемся.

— Понял, — ответил он и повернулся, — все, пошел пить.

В сторонке медленно проплывает поместье герцога, мелькнула мысль заглянуть по дороге, сердце сладко дернулось при одной мысли о герцогине, что-то в самом деле на нее запал, от жалости до сердечной привязанности один шаг...

— Вперед-вперед, — сказал я коню, тот будто подслушал мои мысли и начал замедлять бег, готовый свернуть в поместье герцога, где вкусно покормят, по-

чешут и нальют ключевой воды. — Первым делом работа, а женщины потом...

Землю герцога проскочил быстро, еще раз отметив, что для герцога территория в самом деле маловата, титул все-таки обязывает, впереди речушка, куры ее переходят вброд, но для тяжело груженных телег сооружен прочный мост, деревянный, узкий, но все-таки мост...

На той стороне, видно издали, уже земля глерда Риппера, на берегу в отдалении группа всадников расположилась на отдых. И хотя не видно расстеленной скатерти и бурдюка с вином, но сердце мое радостно екнуло, какой же я молодец!

А то чуть было не распустил сопли, что нехорошо вот так пользоваться преимуществом дальнобойной винтовки. Дескать, честно было бы сойтись лицом к лицу и чтоб оба с одинаковыми дубинами...

Ну да, читал я такие рыцарские романы насчет того, что и оружие должно быть равным, и правила, типа не бить ниже пояса, в спину или лежащего, да мало ли чего читал, но живу в реальном мире, а реальный вот он.

Глерд Риппер увидел меня, поднялся во весь немалый рост, но я вообще на коне, въехал на середину моста и не собираюсь покидать седло, так что демонстрирую, дескать, я выше и говорю с позиции конного с пешим, что уже говорит о разнице в рангах.

Он шел медленно, словно его тянут на веревке, лицо бледное, под глазами мешки, поблек и осунулся с той последней встречи, когда выглядел всепобеждающим орлом, наглым и самоуверенным.

Я забылся на миг и чуть было все же не покинул седло, но спохватился и сделал над собой усилие, остался. Вроде бы неприлично для интеллигента вот так смотреть сверху, но опять же: слезу — посчитают за

слабость, будут наглее, а с наглыми нужно держаться еще наглее, другого языка не понимают.

Он замедлил шаг, я понял и пустил коня навстречу. Копыта звонко стучат по пересохшим, хоть и вблизи воды, доскам настила, но на ту сторону переходить не стал, на мосту как-то символичнее, пусть и не на середине, но это тоже своего рода символ.

Он почти тащит ноги, а я выпрямился, в одной руке повод, другую красиво упер в бок, подумал и опустил на бедро, тоже эффектно, а стрелять оттуда устойчивее.

Его спутники, завидев меня, поднялись на ноги, но остались на месте, ждут, смотрят нагло, похоже, еще не понимают, что за случившееся ночью с замком отвечаю я.

Обойтись бы без стрельбы, мелькнула странная мысль. Если полезут, то этого хамовитого гада можно только ранить, убивать нельзя, тогда моя ночная вылазка коту под хвост, все напрасно...

Он дотащился наконец и остановился в трех шагах, усталость на его лице вблизи еще заметнее, он не просто гасил, но и всю ночь гонял своих стражей в поисках тех сволочей, что все это устроили, не понимая, что можно устроить такое с расстояния в пару миль.

Я ждал молча и надменно, смотрю сверху, всем безразличным видом выказываю, что вообще-то ночью была разминка, могу что-то учинить и похлеще.

Похоже, он понял, проговорил с таким усилием, словно каждое слово из него выдирают клещами:

— Глерд... после глубокого раздумья я решил отказаться от прав на спорные земли. У меня владения достаточно обширные, не за всеми удастся уследить в нужной степени. Думаю, герцог будет доволен...

— Не уверен, — обронил я холодно.

Он дернулся.

— Глерд?

— Не доволен, но удовлетворен, — уточнил я. — Это не одно и то же.

— Глерд, — произнес он с усилием. — Не значит ли это...

Он умолк, смотрит исподлобья, но в глазах затравленное выражение. Бронебойные пули пробивали стены замка и взрывались в комнатах, он это помнит, это значит, что даже отсидеться в безопасности не удастся, если такое повторится снова.

— Глерд, — ответил я сдержанно, — уверен, герцог примет эти земли под свою руку и найдет им хорошее применение. Как друг герцога, я заверяю вас, что для всех будет хорошим примером, как нужно улаживать любые конфликты. И что жить в мире и добрососедстве хорошо и правильно.

Он наклонил голову, пряча выражение радости или облегчения на лице.

— Значит, этот вопрос закрыт.

— Подготовьте бумаги, — напомнил я бесстрастно. — Герцог должен получить заверенные вашей подписью и вашей печатью, что те земли принадлежат ему и вы на них претензий не имеете.

Он сказал поспешно:

— Конечно, это обязательно.

— Тогда вопрос закрыт, — сказал я. — Как сосед герцога, я тоже заинтересован, чтобы вы были хорошим ему соседом. Потому со своей стороны буду издали присматривать, чтобы и вам никто не наносил незаслуженных обид... Один ваш крестьянин сказал вчера, кто любит войну, к тому в конце концов она приходит сама. На своих условиях. Потому безопаснее жить со всеми в дружбе. Ведь неизвестно, на кого в этом мире нарвешься.

Он поклонился.

— Благодарю на добром слове.

Но голос оставался очень недобрым, а когда повернулся и медленно, дабы соблюсти достоинство, пошел к своим, даже спина кричала о том, что ненавидит нас с герцогом и будет искать способ расквитаться.

Его спутники один за другим поднимались в седла, я все так же надменно рассматривал их свысока и с предельным презрением, какое только могу выдавить, пусть чувствуют, на их силу и наглость есть сила помощнее и позвернее. Чтобы стать истинным демократом, нужно побывать настоящим зверем, иначе это не демократ будет, а подобие, имитация.

Когда Риппер поднялся в седло и весь отряд с подчеркнутой неторопливостью унесся обратно, я так же неторопливо развернул коня, суровый и неподвижный, пустил скакуна неспешной рысцой, и только когда удалился на достаточное расстояние, разрешил перейти в галоп.

Глава 12

Дворецкий сообщил хмуро, что герцог изволит завтракать, а когда закончит, то изволит заниматься личными делами.

Я прервал:

— Слушай, морда, ты свои порядки не заводи! Думаешь, герцог пожадничает налить мне чашу вина?.. Быстро сообщи, я изволил... эта... прибыть!

Он отступил и с неподвижным лицом отправился в здание. Я пошел следом, так миновали холл, а дальше в полутемной комнате, где свет падает только в одно узкое окошко, герцог и герцогиня на противоположных концах длинного стола завтракают медленно и чинно.

На столе в массивных трехлапых подсвечниках свечи толщиной с мою ногу, но ни одна не горит, однако полумрак приятный, не раздражающий, каким часто бывает яркий свет, тарелки перед ними таинственно блестят старым серебром, а слуги под стеной почти не отличимы от вышитых на гобелене фигур.

Дворецкий, совмещающий здесь и функции церемониймейстера, громко сообщил:

— Глерд Юджин к его светлости!

Герцог и герцогиня в удивлении подняли головы, на лице герцога проскользнуло неудовольствие, слишком уж как-то неожиданно я появился, к тому же вчера был, не слишком ли часто, приличные люди выдерживают время между визитами.

Я сказал быстро и на ходу:

— Герцог, я на минутку, не прерывайте из-за меня обед!.. А заскочил по дороге от глерда Риппера сообщить вам, что мне удалось убедить его отказаться от притязаний на те земли, что всегда принадлежали и отныне будут принадлежать только вам.

Герцог вытаращил глаза, отшатнулся на спинку кресла, но потом опомнился, сделал приглашающий жест.

— Садитесь с нами, глерд, раз уж волей случая оказались здесь рядом. И... повторите, пожалуйста, а то я... просто не успел понять...

Я красиво, хоть и запоздало сорвал с головы шляпу и швырнул ее дворецкому, как мальчишки запускают плоские камешки по воде. Он выставил руки, и шляпа легла ему точно в растопыренные пятерни.

Все трое настороженно, даже слуги под стеной, наблюдали, как я, отвесив небрежный поклон герцогине, лихо опустился в кресло рядом с герцогом и сказал почтительно:

— Ваша светлость, я счастлив, что у меня такие высококородные и, главное, благожелательные ко мне соседи!..

— Глерд...

— И трепещу, — сказал я, — всеми фибрами и подфибрами, что такое счастье может нарушиться.

— Ох, глерд, — сказал он несколько растерянно.

— Потому я вчера, — закончил я, — преисполненный ликования от общения с вами, немедленно отправился к вашему соседу, глерду Рипперу, который Барн Риппер.

Герцогиня вздохнула, в глазах тревога, а герцог спросил с опаской:

— И... как...

— Вполне, — заверил я. — Он оказался очень разумным человеком, легко понимающим весомые доводы, особенно очень весомые. Потому решил, что мир гораздо ценнее, чем клочок земли, пусть даже очень большой.

Герцог проговорил с запинкой:

— Не могу поверить...

Герцогиня замерла на мгновение, затем чарующе улыбнулась.

— Глерд Юджин, это очень неожиданно и вообще как-то вот так не совсем понятно...

Герцог подхватил:

— Да-да, глерд Юджин, моя супруга права. Мы знаем глерда Риппера давно, это злой и неуступчивый человек. Как вам удалось?

— Добрым словом, — сказал я с улыбкой, — только добрым словом! Правда, весомым. И в какой-то мере увесистым. Он такие слова понимает. Даже если иносказательно. Сегодня же пришлет официальные бумаги со своим отказом от претензий на ваши земли. Или за-

втра, не уточнил. Но он заверил меня, что все сделает незамедлительно и срочно, дабы не.

Он спросил с опаской:

— Дабы не... что?

— Дабы я не начинал убеждать снова, — сказал я легко. — Мне казалось, что я только Улучшатель, но, как оказалось, убеждатель из меня тоже ничего. Вполне в духе времени. Время у нас такое.

— Глерд?

— Хорошее время, — уточнил я. — Искреннее! Без лишних раскланиваний.

Он промолчал, все еще не врубился, а герцогиня проговорила мягко:

— Глерд... мой супруг сказал очень мягко в адрес глерда Риппера. На самом деле он не просто злой и неуступчивый, он еще постоянно чужое захватывающий!.. Он не только у нас отхватил землю, еще у глердов Нагиса и Фареллиса, своих соседей с северной и восточной стороны...

— Это их проблемы, — ответил я. — Не такой уж я миротворец, чтобы лезть в каждую дырку.

— Но вы помогли нам, — сказала она. — Ведь помогли же?

Оба они умолкли и смотрели ожидающе. Я развел руками.

— Похоже, вы не верите в чистоту и благородство намерений? А я уж размечтался, что наконец-то земли непуганых... в смысле, незатронутых коррупцией людей. Значит, придется сознаться.

Герцогиня кивнула, соглашаясь, но посмотрела так, что в ее взгляд читалось: попробуй только скажи, что ради меня, убью на месте, не смей рушить мой счастливый брак!

Герцог сказал с натянутой улыбкой:

— Да, глерд, что-то вы явно хотели... Говорите, мы же соседи. Все, что вам нужно, мы рассмотрим с чувством дружбы к вам и с признательностью за помощь... В самом деле неоценимую.

Я поклонился, развел руками.

— Герцог, я уже вижу, чего вы опасаетесь. Нет-нет, я абсолютно не претендую на руку вашей прекраснейшей дочери!.. Она слишком хороша для меня, здесь вы абсолютно правы, и я вас полностью поддерживаю.

На его лице проступило выражение сильнейшего облегчения, даже глаза засияли.

— Глерд... вы нас заинтриговали. Что же вас интересует?

Я помялся, сказал с сильнейшей неловкостью:

— Дорогой герцог, вы будете смеяться, но меня интересует тот заливчик, что на границе наших владений... Я впервые вижу море, это просто чудо!.. Но я лесной человек, само море меня, признаюсь, пугает... А вот залив, где даже волн нет, как на огромном озере... закрытом со всех сторон лесом...

Он кивнул, глаза оставались внимательными и ожидающими.

— Да-да, там всегда очень тихо... как догадываюсь. Честно говоря, я там был только однажды. В ранней молодости.

— Я заядлый рыболов, — сказал я чуточку пристыженно, — но удил только в ручье возле нашего дома. И как только увидел эту водную ширь залива, я представил себе, как развожу дивные породы рыб и ловлю, ловлю, ловлю!.. Какое это счастье для рыболова в душе!..

Он справился с минутной обалделостью, засмеялся весело и счастливо.

— Дорогой глерд, я рад за вас. Мало кому из нас удается осуществить свои детские мечты... Дорогая?

Герцогиня сказала с неподдельной теплотой:

— Глерд, вы растрогали нас верностью своим детским планам. Вы хороший человек, глерд Юджин. Только хорошие люди остаются верны... Мы рады, что вы наш сосед.

Она повернула голову к супругу, тот сказал торопливо:

— Да-да, глерд Юджин, кроме того, мы будем рады принимать вас у себя в гостях, когда бы вы ни заглянули. Уверен, вы у всех наших соседей будете желанным гостем, но мы рады, что это начинается с нас. Повторяю, весь залив ваш, это бесспорно. Как и берег с нашей стороны. Он ваш!

— А вы приезжайте ко мне, — пригласил я. — Из меня неважный еще и охотник, что делать, но посидеть за столом, поговорить, выпить хорошего вина... За столом я безумно отважен, умен и смел!

Он засмеялся, глаза стали совсем ласковыми.

— Спасибо, глерд. Обязательно воспользуемся!..

— Спасибо, глерд Юджин, — произнесла герцогиня.

Он повернулся к ней.

— Дорогая, окажи любезность нашему гостю, проводи его чуточку!

Она поднялась, произнесла с жеманной улыбкой:

— Глерд...

Я галантно изогнул руку калачиком, ее нежные пальцы легко скользнули в это кольцо, мы так и вышли церемонным шагом. За дверьми я сказал шепотом:

— Конечно, я уладил конфликт с Риппером только ради вас, герцогиня! Но не могу же такое взять и сказать герцогу?.. Пришлось импровизировать...

Она засмеялась.

— Герцог вам поверил!.. Даже я чуть было тоже не поверила, вы говорили так искренне, хотя, на мой взгляд, все же переигрывали.

— Разве? — спросил я испуганно. — Я старался!

— Это заметно только нам, — успокоила она, — женщинам. Мы более чуткие. И что будете делать с этим заливом?

Я тяжело вздохнул.

— Теперь в самом деле придется что-то строить... Ну, для начала бараки для рабочих, чтобы где-то им жить... Потом мастерские... Потом... не знаю, наверное, нужно купить у крестьян живой рыбы и запустить в залив? Хотя там должна уже водиться морская...

— И речная тоже, — напомнила она. — Река впадает в залив, значит, и рыба туда попадает свободно. И обратно может подниматься как речная, так и морская. Хотя насчет морской не знаю, вода в реке все-таки не соленая...

— Что-то придется делать, — сказал я озабоченно. — Ладно, это неважно. Главное, что все получилось. Она остановилась.

— Прощайте, глерд. Провожать дальше не позволят нормы пристойности. Я должна подавать пример дочери. Она с няньками может смотреть в окно.

Я поклонился, поцеловал ей руку.

— Герцогиня, вы просто чудо... Эй там, морды! Бегом коня!

В свой замок я вернулся бодрый и переполненный планами, тут же бросился искать Фицроя, в последнее время он в самом деле как-то незаметно стал незаметным, и хотя всем нравится, но я человек чуточку подозрительный, ну не может кто-то нравится во всем, где-то либо я не разобрался, либо хитрит и прикидывается.

Фицрой ухитрился съездить в соседнее село, там установил контакты, принял на работу двух смышленных парней и одну девку, к моему удивлению, не слиш-

ком и смазливую, зато расторопную и работающую, из-за чего я посмотрел на Фицроя другими глазами.

— Ты хозяйственник, — сказал я с чувством, — это значит, дружище, снова ты меня выручишь... надеюсь.

Он хмыкнул.

— Напрасно надеешься. Я только ищу момент, чтобы подставить тебя. Да так подставить, чтобы ух!..

— Ищи, — согласился я. — Я на тебе позакаляюсь. Если не сумеешь ты, то другие и подавно. Ты же знаешь, в мире только двое таких орлов!

Он хмыльнулся.

— Одного знаю, это я. А кто второй?

— Грубый ты, — сказал я с укором.

— Чего задумал?

— Отлучусь на пару дней, — объяснил я. — Или на пару пар. А ты потренируйся в новом для тебя деле, хозяйствовании, что, чую, совсем не новое, верно? Только не сожги все. С огнем обращаться умеешь? Но на всякий случай проси служанок разжечь тебе огонь. Я имею в виду в камине. Когда станешь королем, навыки пригодятся. Я быстро. Честно-честно!.. Сейчас мои великие и наглые замыслы покоятся... нет, поганое слово, лучше лежат. Здесь лежат. Отсюда и начнем великую заваруху.

Он подумал, пробормотал:

— У тебя в Дронтарии вроде бы не так уж и много друзей... Значит, в столицу? А там тоже никого, кроме короля, что расщедрился на большой кусок земли... хотя все равно выиграл от этого больше он, чем ты, сам знаешь. Но что с королей взять, они свое не упустят... Так что к королю!

— Продолжай, — сказал я с интересом.

— А раз к королю, — продолжил он, — то с просьбой дать денег. Иначе зачем к нему и ехать? По бабам

можно и со мной. Так что денег и... чего-нить еще от королевских щедрот.

Я сказал с неудовольствием:

— Неужели по мне все так видно? Неужто я такой простой, как мой конь? А я считал себя загадочной натурой, таинственной и слегка порочной... это чтоб не быть совершенно идеальным, каким я на самом деле и являюсь. В общем, не устрой здесь пожар по пьянке, иначе наш захват власти во всем мире придется отложить на пару дней, а это недопустимо.

— Езжай, — согласился он. — Но только потом чтоб началось что-то такое... Я не могу жить, когда ничего не происходит.

— Устроим, — пообещал я. — Ахнешь!

— Не ахну, — ответил он нагло.

Глава 13

Море осталось за спиной, а навстречу понеслась извилистая дорога в сторону севера, время от времени ныряла в лес, проскакивала по краю озер, осторожно проходила через села и деревушки, а то и пробегала в сторонке.

Я сменил измученного коня в одном из богатых сел, заодно показав на подковы и объяснив, как их делать и прибивать, а сам свежего коня поторапливал, обещая в конце пути полные ясли отборного зерна.

Шмитберг распахнулся по-южному светлый, солнечный и яркий, даже в глазах заискрило от белизны стен, я проехал под аркой городских ворот, стражи только лениво посмотрели в мою сторону, никакого предчувствия войны.

Однако у ворот королевского дворца стражей вдвое больше, чем было в прошлый раз, все в металлических кирасах, а кроме копий в руках еще у каждого короткий меч на поясе.

Передо мной скрестили копья, тут же появился офицер, молодцеватый, быстрый, спросил отрывисто:

— Кто, по какому делу?

— Ого, — сказал я, — уже военное положение?.. Хорошо, правильно. Я глерд Юджин, его величество король Астрингер... знаете такого?.. изволил подарить мне земли на берегу моря и велел навести там порядок, что я и сделал. Теперь вернулся доложить ему и запросить новое задание.

Он внимательно оглядел меня вместе с конем с головы до ног.

— Что-то слышал... Сейчас вас проведут во дворец. Покиньте седло, меч оставьте у караульных.

Я поморщился.

— Меч оставлю при входе во дворец. Не думаю, что там охраны меньше.

Он смерил меня взглядом.

— Хорошо. Наш человек проследит, чтобы при вас не было оружия. Эй, Пверий!

Из сторожки выскочил молодцеватый глерд, явно из младших командиров, сказал мне так же быстро-настойчиво:

— Глерд, прошу вас следовать со мной.

Я бросил повод начальнику стражи.

— Позаботьтесь о моем коне. Он тоже человек.

Он машинально поймал, а я повернулся и пошел к дворцу. По дороге все так же встречаются прогуливающиеся глерды, но теперь у каждого под плащом блестят кирасы, выглядывают металлические поножи, а ближе к зданию начали встречаться уже в шлемах.

У входа усиленный караул, я молча снял пояс с мечом и передал моему провожатому, а тот кому-то еще.

— Мое имя Юджин, — сказал я громко и надменно. — Если король не услышит о моем прибытии немедленно, то отвечающему за такую дурь придется очень несладко!.. Все поняли?

Один из встречавших меня тут же ринулся по ступенькам, исчез, а после недолгого ожидания вернулся уже цветущий радушием и просто ну счастьем.

— Глерд Юджин, в канцелярии его величества велели проводить вас во внутренние покои. Его величество немедленно примет вас, как только освободится.

— Военное положение, — сказал я одобрительно, — хорошо. Сразу везде порядок. Но все равно, ваше счастье, что я не король... вы бы у меня еще и гимн каждое утро пели!

Он посмотрел исподлобья, но промолчал. В приемной канцелярии кроме меня расположилось еще с полдюжины глердов, серьезные и важные, ждут, но первым пригласили все-таки меня, на что они ответили горестными и негодующими вздохами.

Слуга провел коротким коридором к королевскому кабинету, распахнул дверь, но сам остался по эту сторону порога.

Я шагнул в большую ярко освещенную комнату, король Астрингер на ногах, все такой же солидно толстый, но с лица нездоровая одутловатость сошла, мешки под глазами уменьшились и потеряли цвет грозových туч.

Он повернулся в мою сторону, на лице сразу вспыхнула радость.

— Глерд Юджин!.. Я велел вас сразу ко мне, как появитесь. Как там... у вас? Идите сюда, дайте обниму.. садитесь вот сюда.

— Как вы, ваше величество?

Он ответил почти бодро:

— Не то чтобы слаб, но лекари твердят, что должен если не лежать, то хотя бы вот в таком кресле с подушками...

Я опустился на мягкое сиденье, король сел рядом, опираясь на край столешницы с расстеленной картой Дронтарии.

— Да, — сказал он со вздохом, — вы правильно поняли... Все высматриваю, где могу оплошать, где еще могут быть угрозы...

В его глазах я рассмотрел тщательно упрятанную тревогу и как бы немножко стыда, что не в полной мере предупредил о подводных камнях со вступлением в права владельца замка, потому я сказал поспешно:

— Все в порядке, ваше величество!.. Закон в те земли вернулся, они под вашей дланью.

Он поправил поспешно:

— Под вашей!

Я покачал головой.

— Под вашей, ваше величество. Налоги пойдут, как и шли раньше. Там были какие-то люди, но замок от них очистили.

Он сказал со вздохом облегчения:

— Прекрасно, что все обошлось мирно...

— Даже очень, — подтвердил я. — Претензий не будет, уверяю вас. Отряд сопровождения еще не вернулся?

— Должен бы, — ответил он, — но наверняка сразу в казарму, а оттуда уже в порядке дежурства явится во дворец.

— Все в порядке, — повторил я. — В землях закон и порядок.

— Отлично, — сказал он и довольно потер ладо-
ни. — А я сейчас и спать ложусь с картой в руках... а вы

что подумали?.. Благодаря вашему предупреждению войска начали неспешное движение к границе. Концентрироваться будут в районах Валабии и Гурнии, там единственные места, где можно перейти пограничную с Нижними Долинами реку. Выше по течению мост, там хорошая дорога, по ней Антриас будет двигаться от самой Уламрии, а ниже в полусотне миль неплохой брод. Если заранее расположить там войска и укрепиться, то преимущества наши будут очевидны. Я не знаю, какую армию приведет король, но уже то, что с ним не будет армии Опалоссы... ведь не будет?

— Не будет, — заверил я. — У меня нет абсолютной уверенности, ваше величество, но герцог Ригилт в самом деле убит.

— Нехорошо радоваться, — сказал он, — но это облегчение... Как вспомню, так и облегчаюсь.

— Почему нехорошо? — спросил я бодро. — Хорошо! Труп врага хорошо пахнет, а выглядит так вообще нарядно, в чем бы ни был! Я уверен, что и ее величество королева Орландия выполнит свое обещание в точности. А две армии, ваше величество, против одной... да еще оторванной от снабжения...

— Перехватят?

Я кивнул.

— Ее величество уже договорилась через посредников о гибридной войне... Она слегка незаконна по правилам, но эффективна, потому ее величество официально о ней ничего не знает, как и вы, просто дикие орды разбойника Роммельса не могут сдержать свои звериные нравы, нападают, грабят, насилуют и убивают... А когда захватят обозы короля Уламрии, то, ваше величество, без них самая боеспособная армия потеряет боевой дух, когда на предмет покушать надо промышлять грабежами в деревнях.

— Вы хорошо разбираетесь в стратегии войн, — заметил он. — Даже мои знатные глерды знают не больше, чем меч из ножен и с криком «В бой!» повести за собой отряд.

Я поклонился.

— Ваше величество, мне совсем неловко такое говорить, но я... не лекарь. Я... Улучшатель, а это намного объемнее. Сейчас я в вашем королевстве, а вы очень мудро и даже как бы хитро поступаете, осыпав меня щедрыми дарами и ничего не требуя взамен.

Он не спускал с меня пристального взгляда.

— Новости доходят, вы правы, очень медленно, глерд. Я только вчера услышал о том, что в Нижних Долинах появился Улучшатель и ушел, придумав, как спасти конские копыта от истирания. А также некое устройство для женщин, чтобы быстрее пряли... Это вы сделали?

Я поклонился.

— Ваше величество, это мелочи... Я сейчас здесь в вашем королевстве и вижу огромные возможности. Намного большие, чем в Нижних Долинах. Вы сами мне дали их вместе с замком и угодьями. Возможности огромные, однако, ваше величество...

Он сказал торопливо:

— Глерд, просите все, что... нет, требуйте все, что вам нужно. Наши оружейники осмотрели копыта коней, на которых вы прибыли. Чудо, там закрыто подковами... это спасение для бедных животных!.. Если вы придумаете еще что-то, вы измените мир!

— Ваше величество, — сказал я, — спасибо. Но моя просьба настолько велика, что даже не знаю...

— Говорите!

— Нужен хороший воинский отряд, — сказал я. — Не меньше сотни. Нет, не для завоевания. Для охра-

ны. Я намерен построить нечто на своем участке... Это прославит вас, ваше величество! И позволит королевству занять достойное место среди других королевств.

Он спросил настороженно:

— Что же это такое... великое?

Я ответил с заминкой:

— Ваше величество, а можно пока не говорить? Я просто опасаясь чужих ушей в вашем дворце. Они есть везде, увы, потому я хотел бы сохранить все в тайне. Но это, конечно, если вы мне доверяете.

Он посмотрел на меня пылливо.

— Вообще-то короли никому не доверяют, а к любому предложению подходят очень осторожно. И хотя вы мне спасли жизнь, но у вас могли быть и личные мотивы. С другой стороны, трезво все взвесив, я не вижу, почему вы должны вредить мне или моему королевству. Потому, глерд, в чем заключается ваше... желание?

— Спасибо, ваше величество, — ответил я, — что мою просьбу вежливо трактуете как пожелание. Мне понадобится еще человек двадцать-тридцать искусных плотников и столяров, а также средства, чтобы оплачивать их работу.

Он все еще всматривался в меня внимательно и остро.

— Сделаю, глерд. Охрану, ремесленников и деньги?

— Спасибо, ваше величество!

Он сказал твердым голосом:

— Жду с нетерпением, когда раскроете свою тайну.

— Ваше величество, — сказал я с неловкостью, — я не хочу, чтобы вы оказались... замешаны. Если все рухнет, то вы ничего не знали, а если удастся то, что задумал... вас будут уважать друзья и бояться враги.

Он помолчал, опустил взгляд на карту, потом посмотрел на меня заблестевшими глазами.

— Боюсь даже предполагать... Глерд, я немедленно распоряжусь, чтобы все ваши потребности выполнялись.

Я поклонился.

— Ваше величество... а высланная на границу с Нижними Долинами легкая конница ничего не сообщает?

Он покачал головой.

— Пока тихо.

— Значит, — сказал он, — Антриас еще не дошел и до гузаров. Там бои задержат его на неделю-две. Вряд ли он решится идти на Дронтарию, не убрав опасность в тылу...

Он сказал со вздохом:

— Это для нас хорошо, хотя неизвестность пугает и тревожит. Затишье не значит, что Антриас передумал. Он не из тех, кто откажется... Разве что продумает все тщательнее.

— Продумывать заново придется, — заверил я. — Герцог Ригилът уже не приведет на помощь армию Опалоссы. Думаю, Антриас и не догадывается, что король еще не знает, что слабовольный Плаций решится на захват Уламрии...

Он вздохнул.

— Я даже не верю в такую удачу.

— Я тоже, — признался я. — Вообще-то верю, но не очень. Всегда что-то да ломается... Но уверен, ее величество королева Орландия, пропустив армию Антриаса через свои земли, пойдет за нею следом и ударит в спину, когда та вступит в сражение с вашими войсками.

Он грустно усмехнулся.

— Да, это по-женски. Но вы отправляйтесь в свое имение, здесь наша война. Там у вас, надеюсь, отныне все пойдет хорошо.

Я поклонился.

— Ваше величество, говорю еще раз, как Улучшатель, я увидел огромные возможности для вашего королевства... Но пока что надо все держать в тайне. Некоторое время.

Он пытливо всматривался в мое лицо.

— Даже от меня?

Я сказал с неловкостью:

— Как уже говорил, ваше величество, если я скажу, это увеличит риски. Вы кому-то да проговоритесь, даже невзначай, понимаю, такое не удержать, но информация достигнет наших противников, и тогда все может рухнуть.

Он смотрел так же внимательно, я уловил, как он среагировал на то, что я противников назвал нашими, что значит принял интересы королевства как свои.

— Хорошо, — проговорил он, — пусть это будет пока тайной.

— Это ненадолго, — заверил я. — Нужно успеть встать на ноги.

Глава 14

Обратно я бодро возвращался в сопровождении сотни воинов из отборной королевской гвардии под командованием глерда Вэнсэна Ваддингтона. Теперь он смотрит на меня восторженными глазами, готовый не то что выполнить любой мой безумный приказ, но и закрыть грудью военачальника, ринувшегося в захваченный врагом замок и сумевшего открыть для своих людей ворота.

А самое главное, с нами тащатся три доверху заполненные телеги, нагруженные инструментами. Плотников и столяров король пообещал прислать следом.

Я то и дело в нетерпении выезжал вперед, наконец оставил обоз и унеся в одиночестве, а когда увидел издали вознесенный ввысь замок на высоченном утесе берега, вздохнул с облегчением: я дома!

А в самом деле, чувствую себя дома, сердце стучит лихорадочно, а в черепе такие горячие мысли, что высекают искры, задевая одна другую. Впервые в жизни такая жажда что-то делать, тем более что в голове уже оформилось это грандиозное «что-то», осталось только напрячься и все сделать быстро и ювелирно точно.

Как только покинул седло и обнял Фицроя, тут же сказал быстро:

— Подбери глазастых парней для наблюдения за морем. У нас тут высоченная башня, нужно только сидеть по очереди и любоваться водными просторами. Как только покажется корабль, пусть зовут немедленно. Хочу сам посмотреть, что здесь за флот.

Он сказал в изумлении:

— Корабли проходят довольно далеко от берега! Что увидишь?

— У меня оптика, — напомнил я. — Увижу.

— Что такое... ах да, твои колдовские штучки.

— И тебя научу, — пообещал я. — Не отвертись.

Он сказал с сомнением:

— Увидишь, но вряд ли рассмотришь. Идут далеко, потом сворачивают к причалу, где Дорнес впадает в море, там и загружаются товарами. А Дорнес далеко-далеко, даже с крыши вашего замка не увидеть...

— Нашего, — поправил я. — Это наш замок, Фицрой!

Он ухмыльнулся.

— А мне он зачем?

— Как и мне, — ответил я. — Удобное место для прыжка.

— Вверх?

— В нужную сторону, — уточнил я. — Мы что, так и останемся такими? Думаешь, только у тебя амбиции?

Глаза его хитро заблестели.

— Надеюсь, что и у тебя. Иначе я бы такого скучного давно бросил. Жить надо ярко! Когда пойдем грабить?

— Не сейчас, — ответил я. — По мелочи грабить как-то неловко даже, это ронять себя. А для большого грабежа нужна база. Сперва создадим, потом развернемся.

Он спросил с тревогой:

— Создавать базу? А это долго?

— Увы, — ответил я, — на долгую работу у меня самого не хватит терпения.

Понятно, слишком долго удерживать в тайне строительство корабля не получится, однако же сумел Петр Великий отгрохать три великолепных фрегата, затем протащил волоком до Онежского озера, а оттуда перевез в Неву, что явилось для противника неприятной неожиданностью.

Если бы он попытался строить верфь прямо на морском берегу, шведские корабли тут же снесли бы все подчистую, так что и я, полагаю, сумею в этой гавани выстроить хотя бы один корабль, а убедившись, что он не утонул сразу, заложу еще хотя бы с полдюжины красавцев, которых здесь не видели.

На башню с азартом отправились сразу двое, в тот же день начали прибегать по очереди, сообщая, что снова на горизонте корабль, а вот теперь снова, хотя уже другой...

Я поднялся наверх еще по первому сигналу, корабли идут на приличном расстоянии от берега, где-то с милю, хорошо не рассмотреть, но я захватил с собой оптический прицел, быстро подкрутил кольцо, с такой оптикой изображение корабля даже не помещается, пришлось чуточку уменьшить.

Корабль, хоть и с парусом, но это все же простая лодка, только чуть крупнее. Даже палубы нет, только на корме надстройка, чтобы там можно было расположить полдюжины лучников или арбалетчиков, больше не поместятся, а под этой крышей устроить единственную комнатку с дверью для отдыха капитана или просто старшего.

Вскоре один из них, Базилка, самый шустрый и сообразительный из челяди, доложил, что один корабль торчит уже вторые сутки, хотя к нему никто не подплывает, а он стоит то ли на якоре, то ли еще как, но парус спустил, с места не сдвигается, а когда вчера слишком отнесло в сторону, вернулся на прежнее место.

Я вскарабкался на самый верх башни, корабль видно отчетливо и без оптики, впечатление такое, что откуда внимательно рассматривают именно мой замок.

Сначала трепыхнулась тревога, потом пришла тяжелая злость. Здесь мне еще наблюдения и тотального контроля недостает! Как же достали этой опекой и вынюхиванием, что у меня где лежит и как лежит...

Фицрой, не дождавшись, сам поднялся наверх, с неохотой подошел к перилам.

— И чем он тебе не нравится?

— Раздражает, — объяснил я зло. — Не думаю, что увидит что-то такое особое в этом замке, но раздражает!

Фицрой фыркнул.

— Раздражает? Так прогони.

— Пристрелить там кого? — спросил я. — Можно, но это откроет кое-что о нас...

— Пристрелить? — переспросил он. — Вообще-то я имел в виду отогнать каким-нибудь колдовством. Волну поднять... Но пристрелить тоже неплохо.

— Пристрелить, — пробормотал я. — Вообще-то нужно посмотреть...

— Пойдем, — сказал он бодро. — Не ленись, пойдем!.. Я могу тебе палочку принести.

Я пробормотал:

— Хорошо, пойдем. Не люблю насильников, негодяев и развратных убийц.

Он сказал с уважением:

— Ого!.. Тогда да. А ты точно знаешь, что там развратные убийцы?

— Точно, — буркнул я.

— А... как ты... узнал?

Я процедил сквозь зубы:

— Мне ну совсем не нравятся!.. И надо то ли пристрелить, то ли еще что... А для этого необходимо, чтобы они были последними на земле сволочами! Ну, пусть предпоследними, все равно такая гнусь не имеет права бороздить моря и океаны.

Он просиял лицом.

— Аа-а, здорово у тебя. И никогда не чувствуешь себя виноватым, верно?..

Я сказал твердо:

— Кроме того, он находится в моих территориальных водах!.. А это все равно что землю мою пахотную топчет. На земле пшеница растет, а в воде моя рыба плавает, жир нагуливает. И то и другое мое суверенное, а любые посягания и посягательства — нарушение моих конституционных... или еще каких-то прав.

— Понял, — сказал Фицрой с восторгом. — Этому мерзавцу не спастись! Бей гадов!.. Мы же за справедливость, мы всегда за правое дело.

Корабли проходят, как я заметил, чаще всего в первую половину дня, а к вечеру море чистое, что и понятно, всяк стремится до наступления ночи успеть в порт,

родной или нет, это в любом случае лучше, чем в ночи страшиться наткнуться на рифы.

Фицрой напомнил, что вечер уже скоро, нужно успеть, пока светло, я поколебался, помотал головой.

— Нет, пусть стемнеет. На этой трассе будет пусто, никто не увидит, если корабль потонет.

— А ты как увидишь?

— Да и ты увидишь, — пообещал я. — Ладно, пойдем. Но пасаран!.. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!.. Враг не пройдет!

Фицрой спросил восторженно:

— Ты что, хочешь топить все корабли?

Я отмахнулся.

— Нет, но нужно себя накрутить, чтобы пламя праведного гнева охватило мое сердце и я чувствовал революционную справедливость возмездия врагам цивилизации и гуманизма! Дабы твердо и без позорящей авторитарного демократа жалости.

— Вечер, — напомнил он. — Ты уже накручен.

— Не совсем, — ответил я, — но ладно. Даже если совесть чуточку и возразит, я ее уболтаю. Я интеллигент, всегда найду доводы за любую сторону.

Он дождался, когда я выволок мешок со сложенной винтовкой, поспешил вперед, открывая для меня двери, чтобы я не передумал и не вернулся, в башне первым побежал по лестнице, я слышал, как он там поднял люк и, выбравшись наверх, ждет, готовый подать руку, если я заморюсь.

Я поднялся, ощущение такое, что вокруг только небо и больше ничего нет на свете, земля и море так далеко внизу, что вроде бы их и нет. Фицрой вообще всякий раз преодолевает себя, чтобы подойти к краю и посмотреть через барьер.

— Простор, — пробормотал он с бледной улыбкой, — как-то его многовато... Думаешь, еще не поздно?

— Если поздно, — сказал я, — то кто-то уцелеет.

Я смотрел через прицел, однако корабль первым увидел Фицрой, заорал ликуяще:

— Вот он, смотри!.. Какой, гад, важный!.. Как он смеет по нашему морю... Еще и боком повернулся, мерзавец... Это же оскорбление! Что он имел в виду, когда поворачивался боком? На что гнусно намекал?

Я тяжело вздохнул.

— Ты прав. Он в наших территориальных водах. Это нарушение наших суверенных прав. И тяжелое несмываемое оскорбление моей чести и достоинству.

— Даже объявление войны, — подхватил он, хотя вряд ли понял, что я такое несу про территориальные воды. — Это наглость!.. И как заплыл сюда, как заплыл!.. Нельзя вот так, это непристойно и самый настоящий вызов...

Я разложил и собрал винтовку, лег поудобнее, расставив для равновесия ноги, всмотрелся в окуляр.

Корабль стандартный, ветра нет, парус обвис, но весла просто опущены в воду, три с этой стороны и три с той. Значит, гребцов шестеро, хотя, конечно, в случае необходимости капитан и штурман тоже могут сесть за весла.

Я медленно двигал взгляд вдоль борта, пока не увидел на корме дородного глерда. Он всматривается в нашу сторону, время от времени подносит ко лбу ладонь козырьком, закрывая глаза от опускающегося за горизонт оранжевого солнца.

Снизу избежал еще один, помоложе, но в такой же богатой одежде. Некоторое время они переговаривались, мне однажды даже показалось, что наши взгляды встретились.

Я невольно отшатнулся, но разозлился на себя, прошептал:

— Ладно... это кошкам можно смотреть на короля... а вы не кошечки.

Краешек солнца исчез за темным горизонтом, мир сразу потемнел, пока что ни одной из лун, а звезды здесь тусклые и невыразительные.

Фицрой сказал с тревогой:

— А если луна не выйдет до утра?

Я снял прицел и молча подал ему. Фицрой прильнул к окуляру.

— Ого!.. Как днем!.. И как близко!.. А он меня не видит? А то смотрит так, будто...

— Не должен, — признался я, — хотя кто знает...

— Все у вас, колдунов, — проворчал он, — не как у людей... Но твой ночной глаз! Удобная вещь, честно говоря. Хоть и нечестная.

— Сама война нечестная вещь, — сказал я, — как бы ее ни старались облагородить. Да-да, я говорю не как глерд, а как Улучшатель. Как глерду она мне нравится. А как романтику мне даже пираты — тьфу-тьфу! — нравятся...

На корабле двое глердов продолжают смотреть в сторону нашего замка, мне с каждым мгновением начинает казаться, что видят нас, а это такое неприятное чувство...

Наконец тот из глердов, что помоложе, получив указания, заторопился вниз, а я медленно перевел крестик прицела на грудь старшего глерда, тут уж неважно, куда попадет тяжелая снайперская пуля, начал прислушиваться к своему дыханию...

Фицрой сам затих и напрягся, чувствуя важность момента, а я между ударами сердца плавно прижал спусковую скобу.

Глерд даже наклонился вперед, всматриваясь в мой замок. Его тряхнуло, однако не отбросило, как я ожидал, слишком крепко держится за поручни, наклонился еще больше и, перевалившись через край, упал за борт.

Я наблюдал за кораблем, однако все спокойно, никто не бежит, а тело старшего глерда в сразу промокнутой и отяжелевшей одежде начало опускаться в темную воду.

Фицрой спросил тихо:

— Я чего-то не вижу или там не заметили, что корабль без капитана?

— Сейчас оставим и без помощников, — сказал я.

— Ты зверь, — сказал он с уважением.

Я огрызнулся:

— Сам видишь, злостно и неприкрыто нарушили мои территориальные воды!.. А это хуже, чем личное пространство. Из-за таких вот инцидентов и начинаются глобальные войны!

— И ты торопишься погасить ее в самом начале?

— Точно, — сказал и прицелился в борт корабля на ладонь ниже ватерлинии, — а гасят обычно водой...

Он смотрел то на едва виднеющийся в слабом свете звезд корабль, с которым ничего не случается, то на меня, которого каждый выстрел встряхивает пусть не так, когда лягает конь, но все же заметно.

— И что? — спросил он наконец.

— Есть, — ответил я, — теперь в другом конце...

Люди забегали на корабле, началась суеда, а я продолжал стрелять, патронов не жалко, однажды даже увидел, как вывалился целый кусок обшивки, к тому же пули проходят деревянный кораблик насквозь, такие же точно дыры, если не шире, получаются и на другой стороне.

Фицрой проговорил тихонько:

— Мне кажется... или корабль погружается?

— Вот теперь пора на лодку, — сказал я, — и плыть к берегу!

Он посмотрел, как торопливо разбираю винтовку, снова на далекий корабль.

— Какую лодку?

— Да обычную, спасательную...

Я осекся, торопливо ухватил прицел и всмотрелся в окуляр. Как-то засело в голове, что с тонущего корабля команда пересаживается в шлюпки и гребет к берегу, но на этом какая шлюпка, он сам всего лишь большая шлюпка с надстройкой на корме и простеньким парусом.

Фицрой сказал с суровым сочувствием:

— Что-то недодумал?

— Я ж топил только корабль, — проговорил я с трудом. — Или доплывут? Что стоит проплыть всего пару миль?.. Да тут не больше чем полторы...

Он сказал над моим плечом:

— Что, в твоём королевстве так хорошо плавают?

Я сказал тяжело:

— Старушки две мили вряд ли одолеют, хотя, конечно, смотря какие... У нас есть и те, что моря переплывают, а морские проливы для них вообще...

Он проговорил медленно:

— Думаю, на этом корабле половина вообще плавать не пробовала. Ладно, Юджин, это даже не промах, просто не все продумано. В какой-то мере даже лучше, возиться не надо. Так что пусть тонут, не жалко. Это же из Гарна или Пиксии, чего их жалеть?

— Вообще-то да, — согласился я. — Но это между нами, хорошо? На людях будем делать скорбные лица.

Он сказал с отвращением:

— Из какой же страны лицемеров ты явился!

— Из страны победившей демократии, — пояснил я. — Без лицемерия не удалось бы построить высокую культуру. Представляешь, если бы все говорили друг другу правду? Поубивали бы друг друга. А так комплименты, поздравления, улыбочки, добрые пожелания, и все в обществе хорошо. Даже дурака никто не назовет дураком, а только человеком своеобразно мыслящим.

— Понятно, — протянул он.

Я спросил с недоверием:

— Правда понятно?

Он фыркнул:

— Понятно, почему оттуда сбежал...

Он встал так, чтобы я смотрел на него, а не на то-нущий вдали корабль. Там придурки даже не догадались ухватить какие-нибудь ящики, бочки, на которых могли бы продержаться дольше, а как полоумные цепляются за уходящий под воду корабль и не отцепили пальцев, когда тот потащил их на дно.

Из-за горизонта выскочила мелкая фиолетовая луна, помчалась по небу, а спустя некоторое время от края земли пошел зловеще-красный свет — медленно и величаво поднимается огромная багровая луна.

Я передал Фицрою прицел, он молча смотрел на море, где корабль не просто погрузился под воду, а клюнул носом, задрал корму, и ушел в глубины быстро, словно увидел на далеком дне ждущую его кораблюху с раскинутыми веслами.

Люди плавают на месте затонувшего судна, хватаются друг за друга, в смертном ужасе стараются подняться на чужих плечах... но через несколько минут скрылись под волнами и последние.

— Оккупанты, — твердо сказал Фицрой. — Пусть даже наемники, тем более нельзя зарабатывать на чужом горе!

Я промолчал, вся масса населения Дронтарии даже не знает, что у нее такое вот тяжкое горе из-за отсутствия собственного флота. Даже высшая знать привыкла и верит, что Гарн и Пиксия благородно и великодушно взяли на себя все трудности и риски перевозок их товаров по морю, так имею ли право я вмешиваться в чужие проблемы или же я тварь дрожащая?

— Пойдем вниз, — буркнул я. — Надеюсь, мне это не приснится.

Он сказал мне в спину:

— А кто говорил, что труп врага пахнет хорошо?

— Это я другим говорю, — напомнил я, — а такую хитрую тварь, как я, обмануть трудно. Правда, сопутствующие потери еще никто не отменял. Да и тотальная зачистка на месте тайной операции бывает неприятна, но крайне желательна, как записано в Уставе.

— Даже в Уставе? — перепросил он. — Серьезные в твоём королевстве люди.

— Все для победы демократии, — подтвердил я. — Для ее торжества никакие реки чужой крови не останавливают истинных патриотов. Лишь бы самим не прищемить пальчик, а чужих и так на свете девать некуда.

Глава 15

С моей стороны бухты выстроили просторный барак для строителей, потом еще два для королевских гвардейцев, что по моему непонятному приказу должны охранять здесь все так, чтобы и муха не пролетела.

Строители заканчивают то, что я называю инфраструктурой, пора закладывать корабль, я прибыл с пачкой чертежей, полученных из встроеного в планшет

принтера, все выполнено на таком уровне, что Фицрой вытаращил глаза.

— Откуда ты взял?

— Да уже и не помню, — ответил я. — Где-то в запахах Рундельштотта. Ему это не понадобится, да он и не заметит. Но как хорошо все нарисовано, верно?

Он всмотрелся, вздохнул.

— Даже не похоже, что нарисовано.

— А иначе не бывает, — возразил я уверенно. — Просто рисуют по-разному. Кто-то углем, кто-то чернилами, а другие и вовсе красками...

Он сказал с подозрением:

— Это нарисовано? Я бы сказал, что...

Он запнулся, подбирая слово, я пришел на помощь:

— Напечатано?.. А что такого? Ты печати когда-нибудь видел? Малую королевскую печать, среднюю, большую?.. Да у каждого знатного глерда есть печать!.. А это тоже она самая, только на ней не королевский герб с надписями, а рисунок этого корабля!..

У меня на винте все энциклопедии мира, в морской есть корабли от самых простых лодок-долбленок до илонников, придуманных знаменитым Маском, так что я отыскал и тут же распечатал на встроенном принтере файлы с подробными чертежами парусников, начиная от драккаров викингов и заканчивая испанскими галеонами, но особо остановился на быстроходных бригантинах — все-таки пистолеты и даже снайперская не сильно помогут, когда настигнет десяток кораблей и со всех сторон пойдут на abordаж.

Фицрой рассматривал чертежи кораблей со священным ужасом, на меня поднимал взгляд, полный изумления и недоверия.

— Это что, — проговорил он наконец, — в самом деле такое существует?..

— Существовало, — подтвердил я.

— А сейчас?

— Сейчас уже нет, — ответил я честно.

Он вздохнул с облегчением.

— Как хорошо... А то бы на этих чудовищах точно завоевали бы все на свете... Хочешь сделать вот этот, самый мелкий?

— Нет, — сообщил я, — который чуть крупнее. Из-за оснастки. Площадь парусов больше, скорость повышается в разы, а это и военное преимущество, не только торговое.

Он посмотрел с укором.

— Думаешь, только торговать могу?

— Не думаю, — ответил я мирно. — Это для тебя развлечение, прикол, насмешка над людьми, что проще тебя... А я вот добрый, никаких насмешек.

— Топишь без всякого зубоскальства, — согласился он. — Серьезный ты человек.

Я вздохнул.

— Пойду передам плотникам. Чувствую, разговор будет еще тот.

Он сразу оживился.

— Я с тобой! Люблю, когда простые и честные люди тебе в глаза твоей дуростью тыкают.

— Свинья, — определил я. — Нет в этом королевстве порядочных людей. А если и есть... почему мне попался только ты?

— Только не показывай им все, — предупредил он. — Побьют за насмешки над простым народом.

Я посмотрел свысока.

— Нет, вот прям шас выложу чертежи галеонов!

На берегах бухты за это время расчистили место для строительства трех новых кораблей, поставили еще четыре просторных барака для жилья, огромные медные котлы для артельной похлебки, так что когда мы

с Фицроем прибыли на место работ, строители бодро заготавливали строевой лес.

Бригадир плотников, которого прислал с его людьми король, могучий мужик с разбойничьей бородой, лохматый и с вечно сдвинутыми над переносицей густыми бровями, встретил меня на берегу с достоинством, поклонился, но как человек, знающий себе цену.

— Роннер Дорриган, — назвался он, но на меня посмотрел с таким сомнением, словно я переодетый олень, а берусь командовать. — Его величество велел исполнять все ваши указания... даже если они покажутся странными...

— Он так и сказал? — переспросил я. — Вот что значит король!.. Понял что-то. Ладно, приступим, Роннер Дорриган. Вот чертежи. Хорошенько изучите в бригаде, что и как. Заранее скажу, предвосхищая ваше «это не получится» и «это сразу потонет», такие корабли и даже крупнее ходят у берегов моего королевства, откуда я. Прибыл откуда! Издалека. Так что сделаете достаточно легко, иначе потеряете репутацию. Ну, а когда корабли будут спущены на воду, все получат щедрую награду..

Он внимательно рассматривал чертежи, не обращая внимания на странность рисунка, сразу замечая непривычность корпуса, двухмачтовость, прогудел задумчиво:

— Если такой построим, и не утонет, это будет наградой ценнее, чем мешок золота.

— Ого, — сказал я с уважением, — духовные запросы? Гордость мастера?.. Уважение гильдии?.. Неважно, я рад, что постараетесь не просто выполнить заказ, но и показать себя.

Он буркнул:

— Сделать сможем. А вот как он поведет себя на воде...

— Главное, — напомнил я, — сохраните все размеры. Абсолютно! Никаких «чтоб было лучше» или «мы тут добавили». Здесь уже все улучшено и добавлено.

Он хмыкнул.

— Все? А то смотрятся как-то слишком... красиво.

— Совершенство всегда прекрасно, — сказал я нравоучительно. — Сделайте, а потом сразу без перерыва начнем строить еще более огромный и прекрасный корабль, что обгоняет ветер!

Его глаза вспыхнули, но сказал с упрямством крестьянина, повидавшего всякого:

— Врете!.. Таких кораблей не бывает.

— Но будут, — заверил я. — Что, не хотите прославить свое имя в веках, построив первый такой корабль? Или отдать этот заказ другой бригаде?

Он отступил на шаг и спрятал чертеж за спину.

— Моя бригада уже взялась! Мы работаем!

— Не буду мешать, — ответил я любезно.

На другой день и еще два дня исправно прибывали телеги с материалами, список которых я оставил у Астрингера. Умелых ремесленников король вообще прислал вдвое больше, чем было в моей заявке. Правда, я все равно всем нашел работу, пусть на стапелях будет не один корабль, а три, остальные работники готовят место для закладки настоящих гигантов, что вообще-то не гиганты пока что, но для местных они ужасающе огромны, даже мачт предусмотрено сразу две.

Про то, что бывают и семимачтовые, умолчу, чтобы не назвали брехуном. Даже правду нужно выдавать дозированной, мир такой, люди такие, один я в белом.

Двухмачтовый бриг — самое то, еще можно заложить строительство бригантины, там тоже две мачты, но прямой парус только на фок-мачте, а на гроте ко-

сой, с тем проще лавировать, получая преимущество над противником.

Можно бы сразу, конечно, начинать с линейного корабля, но он вообще тут же утонет, если не развалится во время сборки: все нужно постепенно, накапливая опыт, в том числе и промахи.

Даже каравеллу пока что начинать опасно, слишком сложная штука, а вот каракку вообще-то уже можно. Достаточно сложно в сравнении с плавающими вдоль берега судами, но не настолько, чтобы совершенно запутаться.

Фицрой, глядя, как я счастливо ношусь от бараков к стапелям и обратно, сказал с кривой ухмылкой:

— Ты строишь корабли так, словно король Антриас не ведет в эту сторону армию!

— Может, ведет, — согласился я, — может, передумал. Но если даже ведет... дело не в том, что хочу остаться в стороне...

— А это так?

— Так, — признался я. — Мне как-то все равно, кто победит... ну, почти. Хотя я больше за королеву Орландию и за короля Астрингера, но это так, издержки детской веры в справедливость. Эти издержки повлияют на меня... не особенно.

— А в чем тогда дело?

— Мы на самом краю Дронтарии, — напомнил я. — Противоположном от Уламрии и Нижних Долин. Чтобы добраться сюда, Антриасу нужно завоевать все королевство. А еще до того, как дойдет до середины, армия Нижних Долин ударит в спину. К тому же у Опалоссы не будет другого шанса вырваться из-под тяжелой руки Уламрии, если не вторгнуться в ее пределы и разорить там все...

Он подумал, кивнул. В его глазах было понимание,

но отсутствовало уважение к такой прагматичной позиции, что все-таки задело. Я хоть и демократ, но какие-то остатки чести остались где-то очень глубоко. Или успели здесь проклянуться.

— Фицрой, — сказал я неохотно, — войны войнами, а прогресс прогрессом. Он важнее! Я же Улучшатель, забыл?

— Я нет, — ответил он, — это ты начал забывать.

— Ну вот я теперь уже Улучшатель, — сказал я с жаром. — Только не прялки улучшаю, а свободу передвижения народов, товаров и скота! А также ценностей. В первую очередь, конечно, духовных.

— Это главное, — согласился он. — Духовные ценности должны распространяться. А материальные будем оставлять себе?

— Не все, — уточнил я, — там на месте определим, сколько можно изымать, чтобы не вызвать откровенного бунта. Фицрой, воровать — так миллион, а иметь — так королеву!.. Потому коррупция должна быть масштабной, ибо без нее никакого прогресса и взлета цивилизации!

— И гуманизма, — добавил он.

— Точно, — подтвердил я.

— Потом как-нибудь объяснишь, — напомнил он, — что такое гуманизм и демократия с человеческим лицом. А пока я пошел, пошел... Постараюсь понять, как такие корабли смогут плавать. Это понять, думаю, легче.

Правда, пока начали осторожно закладывать корпус бригаантины, я велел быстро соорудить когг. На мой взгляд, это та же лодка с парусом, только увеличил размеры и добавил поперечные брусья от борта к борту, что делает корпус по-настоящему прочным, мач-

ту оставил такую же, но парус велел поставить вместо прямого косой и, конечно, велел нарастить борта.

Здесь, в спокойных водах местного моря, в них нет особой нужды, но, как догадываюсь, море не такое уж и огромное, а если выйти в океан, то даже для моряков, привыкших только к каботажному плаванию, будет хорошим потрясением.

Фицрой прислушивался к моим объяснениям, как строить корабль, с огромным уважением, стараясь не только запомнить, но и понять, почему так, а не иначе.

— Ты в самом деле Улучшатель, — сказал он однажды. — Только не верю, что где-то есть такие корабли.

— Почему?

— Давно бы завоевали нас, — ответил он откровенно. — Мне кажется, все придумываешь сам. Как — не знаю!.. А еще у Рундельштотта тянешь всякое полезное... И непонятное.

— Что непонятного в корабле? — спросил я. — Корабль — это та же самая лодка, но только с настилом между бортами, иначе волны их просто раздавят.

Он хмыкнул.

— Лодку же не раздавливает.

— Дело в размерах, — сказал я. — Вон муравья с любой высоты бросай — не убьется, кошку с высокого дерева — уцелеет, а коню или корове стоит упасть в ров, как ломает ноги и ребра. Тебе никогда не отжаться от земли, как кто-нить мелкий, или подтянуться на руках, как он же, но все равно ты сильнее, не так ли?

Он кивнул, буркнул настороженно:

— Понял.

— Корабль строить дольше и труднее, — сообщил я. — Да еще и уметь надо... Зато королями на море будем мы. Только пока об этом молчок, понял?

Он кивнул, посмотрел по сторонам и шепнул счастливо:

— Пряма королями?

— Точно, — сказал я. — Никто не посмеет бросить вызов нашей власти. Ни один король. Вообще-то у меня есть дикая идея... очень даже дикая... И сумасбродная...

Он посмотрел на меня свысока.

— Сумасбродная? У тебя?.. Ты мне вообще кажешься большой толстой жабой с холодной кровью. Чаще всего.

— Да? — спросил я. — Тогда хорошо. Не покажется тебе сумасбродной. А если и покажется, то уже стыдно будет трусить и отказываться...

Он фыркнул.

— Мне стыдно? За кого меня принимаешь? Посмотри в мои бесстыжие глаза и скажи, что меня может устыдить?

— Тогда слушай, — сказал я. — Идея простая. Но все гениальное просто...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Я еще раз тщательно осмотрел стапели; все идет не так быстро, как мне бы хотелось, но работа продолжается днем и ночью. Плотники из кожи лезут вон, одновременно с выполнением сложного заказа еще и повышают свою квалификацию, что каждому из них, понимают, еще важнее.

Фицрой нервно потирает ладони, его бьет дрожь, я предложил такое, что у него точно подобного вызова еще не было, поглядывает так, будто надеется, что я пошутил, сейчас расхожусь и скажу, что здорово поддел, а?

Оставив охрану на Вэнсэна Ваддингтона, работу над кораблям на Роннера Дорригана, бригадира плотников, которого я возвел в ранг управляющего верфью, мы отбыли осуществлять мою идею, я все-таки надеюсь, что моя грозная слава и без меня защитит замок, хотя он и сам по себе орешек крепче некуда.

Отправились сразу вдоль побережья и через двое суток увидели впереди огромный город Готверг, как показалось вначале даже мне, потом только понял, что это всего лишь склады вдоль причала, а дальше вглубь трактиры и гостиницы, а сам город — это обслуживающий персонал для, как говорили где-то, градообразующего предприятия.

Фицрой присвистнул.

— Похоже, вся Дронтария сюда тащит все свои товары...

— Монополисты, — согласился я, пояснил: — Пиксия и Гарн. Им очень удобно все брать в одном месте.

— А дронтарцам?

— Централизация, — ответил я непонятно, — не есть хорошо... Поехали в гостиницу. Нужно где-то оставить коней.

— Продадим, — предложил Фицрой.

— Да, — согласился я, — все равно к ним не вернемся.

Через полчаса мы двинулись в сторону пристани, изображая из себя мелких купцов, которым и хочется поучаствовать в заморской торговле, и страшновато по своей провинциальности.

Фицрой ошарашен, что понятно, но и я пришалел: причал здесь не просто место, где корабли остаются на привязи, как лошади у коновязи, а хорошо работающее предприятие, вдоль берега высокий забор из камня и торчащих кверху острых копий, земля покрыта где плитами, где булыжником, а вдоль обоих берегов Дорнеса бесчисленные склады, амбары, площадки для выгрузки товаров.

У причала с десятков кораблей, на трех флаги со вздыбленным львом и семь со взъерошенным кабаном. Которые из них пиксийские, а которые гарнские, еще не знаю, но кабан, судя по количеству кораблей, явно заполучил больше веса в торговле.

Фицрой сказал с нервным смешком:

— Сколько же народу не страшится выходить в море... Будем договариваться с купцами?

— А как? — спросил я. — Если нужно в Пиксию или в Гарн — проще промчаться на коне... Корабли не продаются, по крайней мере в Дронтарии. Да и вооб-

ше, дронтарцев здесь предпочитают держать на расстоянии.

— Точно, — ответил он. — У приплывших даже грузчики только свои.

Я повертел головой.

— Правда? Я не обратил внимания.

Он хмыкнул.

— Ты даже уламов и нижнедолинцев не различаешь, а это ж так заметно!.. Здесь тоже видно. Дронтары товары носят на пристань, а оттуда на корабли перетаскивают уже те, кто будет на веслах да за парусом.

— Не заметил, — признался я пристыженно. — Ты прав, невнимательный я.

— Женщин ты различаешь, — сказал он. — Тогда подкупить кого-то из команды? Чтобы помог спрятаться среди мешков с товаром?

— Тоже риск, — сказал я.

Он вздохнул.

— Ну да, тот деньги возьмет, а потом выдаст.. Все самим?

— Как всегда.

Нагулявшись, вернулись в район таверн, хорошо поужинали, за это время солнце опустилось за темный край земли, но огромная багровая луна уже на небе, мир стал сразу нереальным.

Мы снова явились на пристань, где народу стало уже втрое меньше. У причала только три корабля, два под грузкой, третий уже готов к отплытию, но глупо поднимать парус на ночь, лучше отоспаться, чтобы на рассвете и выйти в море.

— Нужно пробираться вон на тот, — шепнул Фицрой и указал глазами на корабль.

Я оглянулся, все три корабля, как близнецы, ничем не отличаются друг от друга.

— Чем он лучше?

— Товара больше, — сообщил он. — И не какая-то руда, как на вон том, а слитки железа и шерсть бегарских овец, а она знаешь, сколько стоит?

— Сколько?

— Обалдеть, — заверил он. — Берем?

— Погоди, — ответил я, — может быть, может быть... Жаль, капитана я еще не увидел.

— Вон тот главный! Я сразу заметил.

Я поморщился.

— То хозяин, а не капитан.

— А какая разница?

— Увидишь, — заверил я. — Ладно, согласен. Слитки можно и за борт...

Он охнул.

— Ты чего? За них везде золотом платят!

— Наши жизни дороже, — ответил я сурово. — Твоя вообще для меня драгоценная. Сколько смотрю на тебя, никак не могу налюбоваться на твои бесстыжие повадки.

Он отшатнулся.

— Ты чего? А то я о тебе вообще скажу такое...

— Все, — заверил я, — что угодно, лишь бы не правду.

— Что, — спросил он, — такая ужасная? Как же мне повезло, как повезло... С каким злодеем напарничаю.

— Тихо, — сказал я, — уходим. А то слишком уж...

Причал постепенно пустел, в потемках работать глуповато, а мы ушли вроде бы прочь, но выждали момент и спрятались сперва в тень, а потом забились в щель между двумя складами, где мощно пахнет вяленой рыбой и плохо очищенными от мездры кожами.

— Как будем действовать? — спросил он и, уловив мой непонимающий взгляд, уточнил: — Мягко или жестко?

— Полужестко, — ответил я. — Вообще-то Пиксию и Гарн можно рассматривать как противников, навязавших Дронтарию невыгодный, даже кабальный договор. Наше королевство... ну, это королевство вынудили отказаться от флота, а это нарушение наших прав! Чего ржешь? Мы здесь — значит, наших. Общечеловеческих. Мы же за справедливость и равноправие?

Он вскинул брови.

— Равноправие?

— Между королевствами, — пояснил я. — А потом со временем и до человечков дойдем.

Он кивнул.

— А пока никакой жалости?

— Не переборщи, — сказал я. — Вдвоем такую махину не приведем в бухту. Должно остаться не меньше половины народа. Особенно тех, кто занимается кораблем, а не товарами.

— Значит, будем гуманистами?

— В меру, — уточнил я. — Гуманизм без меры — это тот же фашизм... потом объясню.

Он буркнул:

— Это «потом объясню» я от тебя по сто раз в день слышу. В общем, рубим всех, пока не остается их мало? Тогда вспоминаем, что мы гуманисты, так?

— Точно, — согласился я. — Но помни, купцов можно рубить всех, не жалко, а специалисты всем нужны и при любом режиме. На этом стоит прогресс!

Самое трудное, как я полагал, проникнуть на сам корабль, однако, к моему изумлению, сходни остались на месте, просто непростительно, но Фицрой толкнул меня в бок и указал в сторону города.

Два пьяных голоса, распевających непристойную песню, приближаются к причалу, вскоре показались

два оборванца, идут в обнимку — то ли крепкая дружба, то ли поддерживают друг друга.

Когда они и по сходням еле-еле перебрались на корабль, стало понятно, что по веревочной лестнице точно бы не забрались.

— Надо вслед за ними, — сказал я, — пока не вернулись остальные гуляки. А то потом не пробраться.

— Давай, — сказал он. — Я пойду первым.

— Нет, — возразил я. — Я ученик чародея, помнишь?.. У меня выше чутье. Если велю прятаться, тут же замирай, как дохлая мышь. Все понял?.. А теперь давай тихонько, медленно и печально.

Фицрой тоже набросил плащ на голову, так и пошли почти в открытую, только что стараясь не шуметь, а когда миновали сходни, я кивнул в сторону огромной груды мешков с овечьей шерстью.

— Вот за ними и схоронимся.

Он буркнул:

— Дурно пахнет.

— Зато деньги, — напомнил я шепотом, — которые выручишь за них, ну совсем не пахнут!

— Свиныя ты, — сказал он сердито. — Разве это главное?

— А что, — шепнул я, — для тебя важнее: деньги или приключения?

— Конечно, — ответил он уверенно, — приключения!.. Но, понятно, чтоб с деньгами. Если без денег, то это уже неприятности, а не благородные мужские приключения.

Когда затихли голоса и прекратилось хождение по палубе, я слышал, как убрали сходни, корабль отодвинулся от пристани достаточно далеко, чтобы даже с разгона не перепрыгнуть на корабль, там встали на

якорь и, как догадываюсь, подняли веревочную лестницу.

Постепенно все затихло, я сам не уловил момент, когда погрузился в сон, а очнулся от зловещей красноты, проникающей в глаза даже через плотные веки.

На корабле слышится негромкий говор, в борта бьют волны, над головой лениво хлопает парус, корабль уже в море, рассвет вот-вот, на востоке уже искрится горизонт.

Я начал тихо-тихо выползать из-под груды мешков с шерстью. Фицрой, похоже, уловил, хотя я стараюсь двигаться, как мышь, в красном лунном свете мелькнул его силуэт, приблизился, прячась в тени.

— На корабле восемнадцать человек, — сказал он шепотом. — Капитан, два помощника, трое купцов, четыре грузчика и одиннадцать матросов. И ни одной женщины, дикари...

— Начнем с капитана, — сказал я, — не вздумай зарубить штурмана.

— Штурмана?

— Это проводник, — объяснил я, — который знает, как плыть. Простые моряки умеют только парус распускать да веслами грести... В общем, смотри не убей никого из нужных нам. Сами мы с кораблем не управимся.

Его лицо стало озабоченным.

— Ты уже говорил. Ничего страшного, они от берега далеко не уходят. Можем заставить на веслах доставить... Да понял, понял!

Я на цыпочках, держась в тени, пробежал до двери капитанской комнаты. Дверь легко подалась, хорошо, даже не закрыто на засов, в тесной кабинке две узкие койки под стенами, между ними небольшой столик, капитан и его помощник спят каждый лицом к стене,

хотя должны бы стоять на мостике. Но, конечно, не после гульбы в городе и похмелья.

Я не успел сказать слова, как спавший слева быстро вскочил, блеснула рукоять ножа. Пистолет в моей руке дернулся словно сам по себе, второй на койке подхватился тоже, цапнул стоящий у изголовья меч.

Второй выстрел прогремел вроде бы даже громче. Соратник капитана дернулся и застыл, я отступил, толкнул дверь и в тревоге выскочил наверх.

На залитой лунным светом палубе начали шевелиться разбуженные странными звуками люди.

Я закричал страшным голосом:

— Всем оставаться на местах!.. Корабль захвачен!.. Кто поднимется — умрет!

Фицрой в двух шагах от меня, чтобы не задеть мечом в бою, сказал громко:

— Капитан убит!.. Теперь мы командуем!.. Кто против — пусть встанет!

Они продолжали шевелиться под тряпками и одеялами, ночью прохладно даже в самом южном море, но подняться никто не решился, наконец один, осмотревшись, сказал неуверенно:

— Вас только двое?.. А здесь шестнадцать человек...

Я сказал резко:

— Это немного. Если хотите попытаться... давайте. Я с вами согласен — шестнадцать — это много. Чтобы управляться с этим кораблем, достаточно и шестерых.

Край оранжевого солнца поднялся из-за края земли, мир залило золотистым огнем, но команда только тарашила еще пьяные со вчерашнего глаза, морщатся от яркого света и даже со вздохами прикрываются руками.

— Теперь слушайте все, — приказал я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более страшно и зловеще, — прежний курс отменяется. Сворачиваем к берегу.

Фицрой уточнил:

— Поворачиваем обратно.

— Но вдоль берега, — добавил я. — Всем, кто управ-
ляется с парусом, — встать!

Поднялся только один, лохматый, поскреб бороду,
посмотрел на меня сонными глазами, на Фицроя, ска-
зал нехотя:

— А если откажемся?

— Капитан, — ответил я, — и второй, что с ним
в каюте, убиты. Нам не жалко отправить к рыбам и по-
больше народу... Непонятно?

Он буркнул:

— Понятно. Ребята, опустите парус. Гонтарь, усади
гребцов, пусть развернут корабль.

Я спросил с интересом:

— Вот так примитивно?... А парусом слишком слож-
но? Или квадратным нельзя?. Ладно, все впереди. По-
быстрее!

Я оставался на корме и оттуда бдительно следил
за каждым движением экипажа. У них пока что идут
переговоры шепотом: я вроде бы главнее, но опаснее
выглядит Фицрой. Он, чтобы показать, кто есть кто,
молодецким ударом меча срубил выступающий конец
отесанного бревна, за который цепляют канаты.

Это впечатлило, про меня почти забыли, смотрят на
него с уважением и опаской.

Корабль развернули, затем снова подняли парус.
Мне кажется, не мучай всех жуткое похмелье, на двух
сумасшедших бросились бы сразу, а так долго сообра-
жали, кто они сами и почему кругом вода, затем начали
приходить в себя, вполголоса переговариваться...

Продолжая работать, ко мне зигзагами начали при-
ближаться двое, бесцельно перекладывая связки кана-
тов, а когда я демонстративно не замечал, один, при-

ободрившись, взмахом руки позвал еще двух, и уже вчетвером, делая вид, что зачем-то тянут канат на корму, приблизились ко мне на расстояние, когда можно попробовать напасть.

Я все же дождался, когда разом выпустят из рук канат, один крикнул диким голосом: «Хватай его!» — и вчетвером бросились ко мне.

Мои руки и даже указательные пальцы в готовности, и как только в ладонях возникли пистолеты, грянули выстрелы. Я всадил в них по две пули в каждого и еще свалил троих, что бросились им на подмогу.

Фицрой, двигаясь быстро и красиво, двоих рассек пополам, что устрасило не меньше, чем загадочный шум выстрелов, после которых семь человек рухнули, обливаясь кровью.

Я внимательно оглядел застывших пленников мрачно и с угрозой.

— Осталось семеро... Кого еще отправить на корм рыбам?.. Еще не поняли?.. Эй ты, лохматый! Ты хоть что-то сообразил?

Лохматый здоровяк пробасил с неохотой:

— Да понял...

— Что? — потребовал я.

— На обоих ни царапаны, — буркнул он. — Так что у семерых нет шансов там, где не справились девять.

— И два остались в комнате капитана, — уточнил Фицрой.

— Так что без глупостей, — посоветовал я. — Думаю, самые отважные и дурные отсеялись?.. Тогда выбросите их за борт...

Фицрой сделал шаг и со зловещей ухмылочкой повертел перед собой мечом.

— Все слышали?.. За борт!.. Кровь можно не смывать, это красиво.

Торопясь и толкаясь, оставшиеся похватали за руки-ноги трупы и, раскачав, выбросили за борт.

Я напомнил:

— Капитана и второго с ним... тоже к рыбам. О животных нужно заботиться.

Фицрой спросил в изумлении:

— А рыбы тоже... животные?

— Все, — объяснил я, — у кого есть животы — животные. Присматривай вон за теми двумя у мачты. Эти еще не смирились.

— У меня все под контролем, — ответил он горделиво. — Не понимаю только, пили эти морды, но почему качает корабль?

— Привыкнешь, — сказал я уверенно. — Если до сих пор на ногах, то все будет в порядке.

На корабле установился новый порядок, работы хватает всем, торговцы все за бортом, я поднялся на кормовую надстройку и крикнул подчеркнуто бодро:

— Вы что головы повесили?.. Нет среди вас романтиков? Вам разве не хочется грабить корабли, убивать команды, а знатных глердов, помыкающих вами, радостно и с песнями бросать за борт?.. Какие же вы отважные герои, где ваша истинная человечность, что выражается в желании брать все себе, а кто против — того топором по голове?

Глава 2

Они испуганно таращили на меня глаза, никому из них вроде бы не очень хочется становиться пиратом. Морской разбой вроде бы хорошо, но разбойников везде вешают, на суше или на море, потому лучше просто гнуть спину, плата хоть и небольшая, но жить можно.

— Эх, — сказал я с удовлетворением, — похоже, вы простые работяги, что вообще-то даже лучше. Фицрой! Осматриваемся, нет ли кого вблизи... и идем вдоль берега.

Фицрой спросил скептически:

— А ты хорошо запомнил место? С моря его и не увидеть.

— Конечно, — ответил я. — Замок все еще было видно!

— Молодец, — сказал Фицрой несколько уязвленно. — А я по старинке на дереве крупную затеску сделал. С моря будет видно. Белое на черном.

— Потом замажь грязью, — велел я. — Любая затеска привлекает внимание.

— Трус, — сказал он с чувством превосходства. — Ладно-ладно, замажу. Если бы этот чертов корабль не качало, мне бы даже море понравилось... наверное.

Но мы плывем и плывем, я начал побаиваться, что вот так нас и пронесет мимо, деревья на берегу часто спускаются к воде и даже заходят в нее по колено, один анклав легко спутать с другим, Фицрой всматривается так, что глаза лезут на лоб и уже покраснели, как у морского рака, наконец заорал:

— Вон там!... Сворачиваем!

Я рассмотрел на одном из деревьев светлую затеску мечом, спросил с облегчением:

— Справа или слева обходим?

Он вытаращил глаза.

— Вот это и не запоминал...

— Не бреша, — обвинил я. — С какой руки стоял?

Рабочие спустили паруса и сели за весла. Корабль двинулся намного медленнее, но зато вести можно точнее, как и остановить резко, табаня всеми веслами.

Я оглянулся на сидящих за веслами.

— Не вздумайте удирать на берегу. Там уже наши люди ждут этот корабль. Вас просто убьют за ненадобностью.

Тот самый лохматый бородач прорычал:

— А если убежать не будем?

— У вас будет не только жизнь, еда и ночлег, — объяснил я, — но и жалованье! Да-да, вы приняты на службу. А потом, через годик... даже раньше!.. можете вернуться к себе домой, из каких бы земель вы ни были.

Все смотрели со страхом и надеждой, бородач пробасил:

— А что мы тут будем делать? В плену?

— Учить других, — пояснил я. — Вам не стоило бы это сейчас говорить, но... скажу. Это и вас успокоит, и понятно будет, почему пока что не выпустим и почему выпустим потом...

Фицрой сказал весело:

— Скажи, скажи! Заодно и я узнаю. А то участвую, а не понимаю ради чего.

— У нас будут свои корабли, — сказал я с нажимом. — Это наше право!.. Неотъемлемое. И кто этому помешает, тот... неправ.

Они переглянулись, уже чувствуют, как поступаю с неправыми, но одно дело завалить полдюжины простых матросов, другое — сражаться с дюжиной кораблей.

Фицрой уловил напряженность в молчании, сказал бодро:

— Все вы получаете повышение!..

Я продолжил громко и с подъемом:

— Королевства Пиксия и Гарн грубой силой заставили нас отказаться от морского флота!.. Их короли боятся нас!.. Потому, однажды сговорившись между со-

бой, ударили с двух сторон, сильно потрепали войска Дронтарии и навязали нам несправедливый запрет выходить в море!..

Один из моряков сказал после паузы:

— Я по матери дронтарин!.. И я готов умереть за земли, где сражались и умирали мои предки, где их могилы. Глерд, я с вами. Не из-за страха или денег, а потому что мой народ унизили.

Фицрой подошел к нему ближе, всмотрелся в гордое лицо.

— Ого, какие слова... Глерд?

Парень покачал головой.

— Нет, хотя я из древнего рода. Но мы давно обеднели и все растеряли. Кроме гордости!

Фицрой оглянулся на меня, я сказал медленно:

— Ты сохранишь гордость, но можешь вернуть и славу рода. Кроме того, вы все станете богатыми людьми. Это важнее для остальных, деньги идут к сильным, на знатность они внимания как-то не обращают.

Корабль все-таки застревал между деревьями, приходилось прорубаться в зарослях, в конце концов корабль объединенными усилиями втащили в бухту, а там на веслах провели до противоположной стороны, где не только причал, но и небольшой пирс.

Команду под конвоем отвели в свободный барак, и хотя есть еще два пустых, но по моему чертежу строят четвертый, просторный и со всеми местными удобствами, рассчитанный на сорок человек.

Только один, который лохматый, уперся, в барак не пошел, смотрел на почти готовый когг ошалелыми глазами, дважды протирает глаза.

— Это, — проговорил он сразу осипшим голосом, — да как вы его построили?.. Да это же...

— Что, — сказал я, — сразу потонет?

Он помотал головой.

— Нет, поплывет хорошо, я же вижу!

— Ух ты, — сказал я, — первый человек, который не сказал, что это все утонет... Ты кем был?

— Плотник, — ответил он и уточнил с гордостью: — Корабельный плотник.

Я кивнул.

— Понятно, самый уважаемый после капитана. Тоже тебя все слушаются. Что ж, вот такие корабли мы строим.

Он сказал воспламененно:

— А можно я сразу пойду посмотрю? И начну работать?.. Это же сказка, а не корабль!

— Можно, — ответил я с готовностью. — Вообще организуй своих на трудовые будни. Тебя как зовут?

— Грегор Негрон, высокий глерд.

— Грегор, — сказал я, — ты здесь среди равных. Но среди своих — главный. Я человек не мелочный, потому за всех буду спрашивать с тебя.

Он криво усмехнулся.

— На все согласен, только бы работать над таким кораблем. Это же мечта плотника...

Едва он поспешно сбежал вниз к стапелям, оттуда так же быстро поднялся к нам наверх Роннер Дорриган, бригадир плотников из Шмитберга, а теперь еще и управляющий строительными работами.

— Глерд Юджин, новости хорошие.

— Ну-ну?

— Ваш новый корабль... вы его называете... когом?.. можно уже через два дня спустить на воду, а во все не через неделю. Получилось просто чудо... хотя до сих пор не могу поверить...

— Получится, — заверил я, — если ничего не перепутали.

— Обижаете, глерд, — сказал он с достоинством.

Когг смотрится гигантом рядом с суденышком, которое мы захватили. В первую очередь всех удивляет высокими бортами и вообще размером. Мачту обалдевшим плотникам впервые пришлось составлять из нескольких собранных и подогнанных в один ствол бревен, парус хоть и один, как и обычно, но исполинский, я сам отсчитал двести квадратных метров и велел ставить именно в таком виде.

Поражает и кормовая площадка, что занимает почти половину судна, под нею каюты и прочие помещения. Форштевень продолжается и заканчивается наклонной функциональной мачтой, именуемой бугшпритом, он служит не для красоты, хотя в самом деле придает кораблю гордый вид, а работает как растяжка паруса спереди.

— Готовьте проход из бухты, — распорядился я. — Но маскируйте, чтобы с моря ни одна зараза не увидела наше гнездо.

Ваддингтон отчеканил:

— Я прослежу лично!

— И пусть промерят глубину на выходе, — добавил я. — Корни не должны чиркать по днищу.

— Сделаем, глерд!

— Вэнсэн, — сказал я дружески, — вы сейчас оторваны от столицы, но, поверьте, король поручил вам по-настоящему великое дело. Доверил!.. Этот день останется в истории Дронтарии. От вас зависит, будет ли вписано ваше имя.

Он заверил срывающимся от волнения голосом:

— Глерд, мы отдадим все силы! Даже мои гвардейцы понимают, что происходит нечто необыкновенное, и стараются, как никогда в жизни.

— Особенно следите за пленными, — предупредил я. — Каждый сейчас на вес золота. Их задача — обучить

наших управлять сперва их суденышком, а потом вместе с ними учиться обращаться с коггом.

Он помялся, сказал нерешительно:

— А что, если будут учиться и мои гвардейцы? Те, кто не занят в охране?

— Я только за, — сказал я. — Дронтарию нужны будут боевые корабли, как вы понимаете, Вэнсэн. Королевство обязано вернуться в ряды равноправных и суверенных морских держав!

Его глаза загорелись фанатичным огнем.

— Да, глерд!.. Это моя мечта, глерд!.. Многие стараются забыть, но я все время помню, что мы унижены, глерд!

— Мы это унижение смоем вражеской кровью, — сказал я зловеще. — Действуйте, Вэнсэн!

Он козырнул и удалился так стремительно, словно улетел на крыльях будущей победы.

Глава 3

Я прошелся по верфи; помимо первого когга, почти готового к спуску, поспешно строятся еще два корабля. Плотники постоянно сверяются с моими чертежами, корабли просто небывалые: с двумя мачтами, хотя это те же когги, только еще вместительнее первого, но если они шок и обалдение даже для строителей, то для простого народа вообще шок и трепет.

Однако помимо двухмачтовых коггов уже начинает проступать остов брига, на который возлагаю особенные надежды, после чего можно будет перейти к ловким и быстрым бригантинам.

Еще после того, как протащили в бухту захваченное

судно, я велел проход в бухту замаскировать особенно тщательно. Власти Гарна и Пиксии прекрасно понимают, что если не задавить строительство флота в самом начале, то дальше будет задачей потруднее, хотя, конечно, они пока что уверены насчет своего могущества.

Фицрой похлопал ладонью по борту когга.

— Знаю, что ты думаешь...

— Что?

— С одним таким кораблем можно сражаться против всего флота Пиксии?.. А то и Гарна?

Я вздохнул.

— Увы, ты оптимист. Наш корабль не настолько... гм... Нужно хотя бы десяток таких красавцев. Плюс оборудовать чем-то более... К примеру, можно расположить на корме катапульту, а на носу — гастрфарет. На малых судах их разместить не удастся из-за размеров, так что у наших будет преимущество. В общем, надо подумать.

Он сказал жарко:

— Все, пошел думать!

— Куда? — поинтересовался я.

Он посмотрел с укором.

— Ну и вопросы задаешь... Сам догадайся... А ты сам где думаешь?

— Так тебе и скажи!

— А я скажу, — ответил он с вызовом. — В кресле с чашей крепкого вина. Тогда в голове что-то растормаживается, такое там начинается... Могу лежать. Нет, лучше полулежать.

Когг спустили на воду, не утонул, а дальше вся команда с захваченного судна, перебравшись на него целиком, начала осваивать новый такелаж, приемы управления, заодно обучая и отобранных мною членов будущего экипажа.

Несколько гвардейцев на судне присматривают за порядком, вдруг да кому-то придет в голову быстренько пристать где-нибудь к берегу и пуститься в бега, хотя всем объяснили, что бухта охраняется со всех сторон.

На пристань ради такого случая сбежались все — как свободные от работы, так и занятые, такой случай пропустить нельзя. Я даже подумал, что надо объявить этот день выходным, как начало могучего флота Дрон-тарии.

Фицрой наблюдал с восторгом, сразу уловив различия в управлении таким большим судном, это я почти не вижу разницы, а он в восторге то и дело толкал меня кулаком в бок, орал, свистел и подбрасывал над головой шляпу.

Управленец из меня никакой, я все еще влезаю во все мелочи, Фицрой раньше меня сообразил, что занимаюсь не тем, перехватил, сказал напористо:

— Здесь все идет и без тебя!.. Такого зверя уже боятся, у людей из рук молотки на ноги падают. Дай им поработать спокойно. А мы с тобой выйдем в море и... для дома, для семьи, как ты говоришь.

Я посмотрел на него в изумлении.

— Ты что... уже созрел?

Он сделал вид, что смертельно обиделся.

— А кто с тобой захватывал вражеский флот?

— То была большая лодка, — напомнил я. — Одна.

— Зато с парусом!

— Большая лодка с парусом, — согласился я, — а это... хотя почему нет? Пару дней на отработку приемов здесь в заливе, а потом можно и в море. Тебе же не терпится кого-нить ободрать?

— Точно! — подтвердил он. — А чего они тут плавают! Расплавались, видите ли... Кто они такие, чтобы здесь плавать неободранно?

Я сказал без особой охоты:

— Вообще-то да, эти мерзавцы, пользуясь преимуществом в силе, нарушают конвенцию о международных водах. Хотя конвенция еще не принята и даже не написана, однако все понимают, появление кораблей другого королевства у наших берегов... это нехорошо.

Он подхватил с жаром:

— Это оскорбление!.. Это открытый и наглый вызов!..

Я кивнул.

— В общем, конвенция уже существует в виде идеи или заповеди. Неоформленная, но зудящая... И мы в рамках этой конвенции вправе принять меры. Законы против нас, но мораль — за. А божественные законы, как известно, выше человеческих, хоть короли и против.

Он ничего не понял, да и не старался, по глазам вижу, нечего зря голову всякой ерундой забивать, сказал бодро:

— Значит, выйдем пошугаем слишком наглых?

Я сказал в затруднении:

— Они плавают вдоль берега Дронтарии все-таки по закону, так что права не имеем. С другой стороны, они этот закон навязали Дронтарии, пользуясь своей силой в виде мощных армий по обе стороны ослабленного королевства...

— Значит, — сказал он, — можем чихать на эти законы!

— Можем, — согласился я, — но тайно.

— Какое же это чихание? — спросил он обиженно. — Это как плюнуть в спину. Себя унизишь больше...

— У нас уязвимое место, — сказал я, — наша бухта. Когда обоснуемся где-то на острове...

Он переспросил недоверчиво, но с загоревшимися глазами:

— Обоснуемся?.. На острове?

Я сказал досадливо:

— Это я для примера. Если обоснуемся!.. Тогда можно и не скрываться, нас в море еще найти надо, это не вдоль берега шарить, как сейчас. А сейчас мы должны либо топить корабли вместе с экипажем, либо топить экипаж, а корабли приводить в нашу бухту... либо приводить их всех. Но тогда охрану придется удваивать. Нельзя, чтобы хоть один человек сбежал, добрался до Пиксии или Гарна и выдал нашу тайну.

Он задумался, долго морщил лоб, наконец просиял и сказал с облегчением:

— Придумал!

— Что?

— Давай выплывем в море, — предложил он, — ограбим кого-то, а там придумаем! На месте.

Я скривился.

— Ну ты и мудрец. Кстати, в море моряки не плавают, а ходят. А плавает там г... всякое.

Он сказал пристыженно:

— Понял. Пошел собирать команду?

— Сперва корабль, — напомнил я строго. — Он должен быть готов к выходу, а не просто!

Согласился я потому, что каракка, следующий этап, почти готова, пара недель понадобится на установку мачт, навеску парусов, выучить назначение нового такелажа, а там еще дня два-три поупражняться экипажу на суше и дня три на воде в заливе, это все можно и без моего острого и недремлющего, как считается, взора.

Я велел столяру сделать игрушечные суда, точно такие же, как строим, показывал на моделях, как управлять парусами, как ловить ветер, как под парусами ходить против ветра, что вообще кажется немыслимым.

Из меня вообще-то моряк никакой, но когда в руках распечатанная подробнейшая инструкция, то, уча других, учишься и сам, и до того, как более продвинутые суда выйдут в плавание, даже я смогу управляться с рулем и парусами.

Руль, кстати, будет закреплен намертво, рулевое весло уходит в прошлое вместе с такой мелочью, как когти и драккары.

Фицрой, как и остальные, с недоумением и восторгом смотрел, как к вершине мачты протянули легкую веревочную лестницу, немыслимое раньше, когда мачта была просто высоким шестом, а тут ее мастерили из трех стволов дерева, подгоняли в одно целое, так что да, на верхушке мачты сделали, как я его назвал, воронье гнездо, где будет сидеть самый остроглазый и высматривать корабли или берег.

Но хотя лестница — это здорово, но я заставлял карабкаться и по канатам. Лестниц не напасешься, да и нельзя корабль опутывать ими, и так канаты и растяжки всюду, ходить мешают, но канаты необходимее, они служат не только для лазания.

Сам он облазил весь корабль сверху донизу, но признался, что когда столкнем в воду, на борт подняться просто убоится. Сам корабль хорошо, но если бы ползал по суше...

— Привыкнешь, — заверил я. — Что ты то боишься, то не боишься? Получилось же на том суденышке? А чем крупнее корабль, тем безопаснее.

Он тяжело вздохнул.

— Тебе хорошо, нахватался магии! Везде выручает... Вон даже тот мерзкий колдун почуял своего, колечко передал... смотри, чтобы палец не отгрызло.

Я кивнул, соглашаясь, но Фицрой выглядит таким обиженным, словно мне дали большую сладкую кон-

фету, а ему только показали и спрятали за спину, что я сказал неожиданно даже для себя:

— Фицрой, магии... не существует.

Он посмотрел в изумлении, потом нахмурился.

— Что-то не то говоришь... Я же вижу, как появляются те магические арбалеты в твоих руках... Это что, не магия?

— Нет, — ответил я. — Давай отойдем в сторону, чтобы занятым людям не мешать... А теперь держи.

Он с недоверием принял из моей ладони «увеличуху», двояковыпуклую линзу, которые раньше широко использовались в подзорных трубах, биноклях, телескопах, микроскопах, теодолитах и прочих приборах, в том числе и просто так, как лупа для часовых мастеров или для чтения слабовидящим.

— Возьми двумя пальцами за края, — велел я, — и держи вот так... А вторую руку вот так...

Он послушно сделал как указано, я чуть подправил руку с линзой, Фицрой ждал в напряжении, вдруг вскрикнул и, выронив линзу, ухватился за кисть другой руки.

— Что это было?

Я сдвинул его ладонь, на кисти краснеет маленькое пятнышко ожога.

— Понял?

— Нет, — отрезал он. — Ужалил невидимый шершень?

— Ты собрал тысячу лучей солнца, — пояснил я, — что просто греют тебе кожу, в один луч. И, понятно, тот один согрел... в тысячу раз сильнее.

Фицрой сказал упрямо:

— Разве это не магия?

— Нет, — сказал я терпеливо. — Вся жизнь и все-все у нас от солнца. Смотри, деревья едят корнями землю

и превращают ее в зеленые листья, вырастают гигантами. Мы рубим их, пилим, раскалываем на поленья, а потом жжем на кострах, в каминах, печах, и это дает нам тепло. Но можно пользоваться солнечной силой и напрямую! Вон как ты согрелся...

Он нагнулся, пошарил в траве и, отыскав линзу, принялся ее рассматривать, не забывая почесывать обожженное место.

— И что... Это будет срабатывать каждый раз?

— Проверь, — посоветовал я. — Только наводи не на руку, а на что-нибудь... Давай вот на эту травинку. Высохла достаточно... Нет, держи так, чтобы все лучи собирались в тугий пучок, чтобы получался как бы один луч.

Он проверял и проверял, то отводя руку с линзой на всю длину, то поднося вплотную. С какой-то попытки травинка задымилась, вспыхнул оранжевый язычок огня.

Фицрой завопил от счастья, упал, кувыркнулся, покатался с боку на бок, визжа и вереща, потом вскочил и уставился на меня счастливо сумасшедшими глазами.

— Это и есть... весь секрет магии?

— Да, — ответил я честно. — Пользоваться мощью солнца без посредников. Это просто чудовищная сила! Ты не можешь ее вообразить... да и я не могу. И не надо будет сжигать леса, уголь, нефть, газ... Ладно, до этого еще дойдем. А может, и как-то проскочим, видно будет. В этом мире свои особенности, мы останемся тупыми невеждами, если не освоим...

— И ты тоже так начинал?

Я покачал головой.

— Хуже. Мне было куда труднее. Учили долго и упорно, а тебе я показал уже готовое.

Он спросил вдруг:

— А разводить костер вот так смогу?

— Конечно, — ответил я. — Но только если на небе солнце.

— А под луной?

— А луна тебя греет?

— Ладно-ладно, понял... Юджин! Спасибо, друг.

Он смотрел с такой благодарностью, что мне стало неловко, будто это я показал большую конфету, а дал пустую бумажку.

— Фицрой, — пробормотал я, — знаешь, все потихоньку, по шажку. Вот сходим в море, там что-то еще покажу.

Он протянул мне линзу.

— Спасибо!

Я остановил его руку на полпути.

— Это тебе. Может быть, научишь кого-то делать такие же. Это нетрудно! Всего лишь взять кусок прозрачного кварца и придать такую форму... И тогда такие чудеса увидишь! А это ерунда.

Глава 4

Ваддингтон уже отобрал десяток королевских гвардейцев, что пойдут со мной на корабль, осталось набрать еще и команду, которая бы умело справлялась с парусом. Хотя парус пока что один-единственный, но я же вижу, с каким ужасом смотрят на него те, кого мы захватили в плен, а это значит, еще не готовы.

К моему облегчению, гораздо более адекватными оказались те, от кого не ожидал: часть плотников, что строили корабль, вызвались совершить первый рейс, дескать, своими жизнями отвечаем, что все сделали правильно, заодно и проверим, насколько дело стоящее.

Но с моей стороны рискованно выходить в море на корабле с одними плотниками-энтузиастами, я тут же отправился в барак, где расположились наши первые пленные.

— Вы хорошо поработали первую часть задания, — сказал я. — Прекрасно!.. Кормят, как вижу, хорошо, оплата будет достойная. Но что я вам хочу предложить... Пока по-настоящему большие корабли строятся, мы можем выйти в море на этом. На когге. Для тренировки. Надо приучать новых орлов, что они уже не орлы, а дельфины. Или акулы. Если у вас нет желания поплавать на своем корабле, я не принуждаю. Могу добавить только, что оплата будет двойная.

Один сказал сразу же и без раздумий:

— Я готов.

Еще двое проговорили вслед за ним:

— Я тоже...

— И я...

— Хорошо, — сказал я, — со мной будет еще с десяток королевских гвардейцев. Это не люди, а звери, натасканные убивать без раздумий. Сбежать или захватить корабль у вас не получится, понимаете, да?

Грегор Негрон, глава всего этого сброда, сказал серьезно:

— Глерд Юджин, никто из нас не помышляет о мятеже. Нам здесь нравится. И то, что вы задумали... тоже.

Один из пленных буркнул:

— Грегор, говори за себя. Мне в плену совсем не нравится, но сбежать не буду. Отсюда, как вижу, не убежишь.

— Хорошо сказано, — одобрил я. — Осматривайте корабль, изучайте, готовьте к выходу. В море совершим пару маневров, поучим новых будущих удалых моряков управляться с парусом.

— Пока с одним, — подчеркнул Фицрой, демонстрируя знания конструкции будущих гигантов. — Потом парусов будет три! И даже мачт.

Я промолчал, что парусов обычно больше, чем мачт, Фицрой и так учится быстро и с удовольствием, нет в нем трусости взрослого, что страшится показаться недостаточно компетентным или медленно соображающим.

Когда вышли из лагеря, Фицрой огляделся по сторонам и пробормотал совсем тихонько:

— Еще я взял бы Понсоменера.

Я порылся в памяти, перебирая имена рабочих, затем слуг в замке, переспросил:

— Это который из челяди? Он же вообще кораблей не видел! Ты говоришь о подручном кузнеца в замке или о ком?

— А у кого еще такое имечко, — ответил он. — Он не только кузнецу помогал, вообще слуга на подхвате. Что велют, то и делает.

Я всмотрелся в него внимательно.

— Давай колись. С чего вдруг? Он же из деревни, насколько помню.

— Станный он, — ответил он уклончиво. — Тихий, спокойный, никогда не смотрит в глаза, всегда делает то, что говорят, не спорит...

— Это плохо?

Он вздохнул.

— С ним что-то не то. Я начал замечать странности. К примеру, велел покрасить ему забор, а в ведре краски, точно помню, было на половину забора. Однако он покрасил весь, еще и на донышке осталось.

— Бережливый, — сказал я.

— Да, — согласился он. — Потом после обеда я приказал перетащить все из главного зала во двор, дескать,

там будет большая уборка и покраска, но сразу сказал, чтобы к вечеру успел, дескать, ты велел срочно все сделать, то да се...

— И что? — спросил я.

— Он все сделал, — сообщил он. — К вечеру вся мебель была во дворе. А потом услал на берег собирать раковины, а слугам велел затащить мебель обратно. Ага, вижу по глазам, понимаешь!

— Таскали всю ночь? — спросил я.

— И утро, — уточнил он. — Вчетвером. А он не смотрится силачом. Наоборот, часто как в воду опущенный. Почти не говорит, смотрит в землю, двигается медленно. Но все успевает.

— Все? — переспросил я. — Не пробовал...

— Нет, — ответил он, словно прочитав недосказанное. — Если чересчур нагрузить, может что-то заметить, а так вроде бы все обычно. Сегодня я попросил приподнять телегу, чтобы быстренько заменить колесо, он приподнял, я старое колесо снял, а новое поставил, потом поблагодарил и услал его снова собирать раковины. А когда он ушел, только тогда перевел дыхание...

— Телега была груженная? — спросил я.

— Гранитными блоками, — ответил он шепотом. — Представляешь?

Я кивнул.

— Хорошо, по дурости не сообразил, что поднимать даже край телеги с таким грузом ненормально. Ладно, так же деликатно и небрежненько отправь его в лагерь. Скажи, вместе с тобой и мной выйдет в море на корабле. Держись так, словно выход на корабле такое же обычное дело, как покрасить забор.

— Мы же тоже будем там, — напомнил он. — А так никто ничего не замечает. Все заняты собой, эгоисты.

— Только мы спасаем мир, — поддакнул я. — Бес-

платно!.. Кстати, Фицрой, у нас проблема идеологии и самоидентификации. Нет, с самоидентификацией в порядке, мы всегда помним, что мы самые крутые, смелые, красивые и нарядные, но нужно облегчить идентификацию и другим, чтобы смотрели и сразу видели, кто мы.

Он спросил настороженно:

— А кто мы?

Я вздохнул.

— Ну не поднимать же нам флаг Веселого Роджера? Потом объясню, пираты были народом простым и простодушным, а мы с тобой не настолько честные, правда? Пираты перед нами — невинные дети.

Он сказал с восторгом:

— Еще бы!.. Обмануть — это же такое удовольствие! Куда большее, чем толстую королеву память.

— Потому придумаем флаг сами, — объяснил я. — И будем говорить честно и открыто, что приплыли издалека... Очень издалека!

Он сказал с еще большим восторгом:

— Будем вести себя настолько безобразно, что даже признаваться потом будет стыдно?..

— Примерно так, — согласился я. — А еще не хочу, чтобы связывали наше пиратство с именем короля Астрингера. Он ничего не знает о нас, понял?

— Люблю таких королей, — сказал он восхищенно. — Каким будет флаг?

Я отмахнулся.

— Нарисуй что-нибудь позаковыристее. Герб некоего королевства, что на том конце моря. Будем говорить, что приплыли оттуда.

— А вдруг знают, что на той стороне?

Я помотал головой.

— Нет, я уже выяснил. Через море никто не плава-

ет. Все только вдоль береговой линии. Боятся заблудиться посреди океана. Да и штормы там... это такие бури в море, что сразу же опрокидывают их кораблики с низкими бортами.

Он сказал с восторгом:

— Тогда я им такое нарисую!.. Такое!..

— Но слишком не увлекайся, — предупредил я. —

А то не поверят.

— Положись на меня, — ответил он. — Мы как, вышли пограбить или что-то такое особенное ищем?

— Атлантиду, — ответил я беспечно. — Или Лемурию. А можно и Гондвану... Да какая разница? Если не хотим признаться, что решили просто малость отдохнуть на море, получить позитив, радость и счастье от общения с природой...

Он сказал нервно:

— Отдохнуть? На воде?.. Ты с ума сошел!

— Вода, — объяснил я, — это тоже природа! Хоть и мокрая. Чем она тебе не нравится? О гидротерапии не слышал? Ничего, узнаешь...

— Всем не нравится, — отрезал он. — Она... страшная. Я видел, как тонули даже в мелких реках!.. А здесь что?..

— Простор, — сказал я мечтательно. — Ты давай рисуй, а вообще-то овладевай искусством управления. Хотя какое тут искусство, всего одна мачта, а на ней, стыдно сказать, один парус...

— Зато весел по двенадцать с каждой стороны, — напомнил он.

— Весла, — протянул я. — На шхуне, что сейчас на стапелях, весла вообще не предусмотрены. Или там бриг? Неважно, учись. Потом построим трехмачтовые, а на каждой по три-четыре паруса...

Он вытаращил глаза.

— А как же будешь поднимать паруса?

— А их и не будут спускать, — ответил я. — Будут сворачивать прямо там на рее. Хотя по старинке будут говорить «поднять паруса», «спустить паруса», как вот сейчас спускаем деревянную рею с прикрепленным к ней парусом...

Он почесал в затылке.

— С ума сойти... Не поверю, пока не увижу.

— Рисуй, — напомнил я.

— Не только нарисую, — заверил он, — я всю историю нашего королевства придумаю! С именами и датами!

— Фальсификатор, — сказал я с одобрением. — Нужный человек в международных отношениях для укрепления дружбы народов и взаимного сотрудничества в гуманитарной сфере в интересах утешения.

На другой день Фицрой сообщил, что знамя не только нарисовал, но даже изготовил, но пока никому не показывает в интересах секретности.

— Остальные увидят уже на корабле, — пояснил он. — Все-таки оттуда не так просто убежать и разболтать наши высшие секреты государственной важности!

Я покосился с подозрением: то ли всерьез так, то ли меня передразнивает. Едва переступили порог его комнаты в бараке, я охнул. Знамя королевства Гаргалот победно и страшно смотрит на меня со стены глазами разъяренного дракона в обрамлении поверженных львов, вепрей, волков и медведей.

Внизу короткая надпись непонятным шрифтом, по краям расшито золотом, а еще сверху болтается витой красный шнур с кистями.

Фицрой сказал хвастливо:

— Повесим на мачту, будет вообще страх и ужас!.

— Здорово, — признался я. — Вот уж не думал, что у тебя талант и художника.

— У меня на все талант, — объявил он. — Нужно только раздражить. Чтоб мне самому хотелось кого-то если надуть, так чтобы потом песни пели!..

— А что тут написано?

Он ответил оскорбленно:

— Откуда я знаю? Это девиз на древнем священном языке, нам его оставили боги. Что означает, знают только наши священники.

— Мудро, — согласился я. — Щас придумал?

— Какая разница? — сказал он задиристо. — Надпись разве не чудо? Зловещие буквы!.. С острым, как у копий, верхом!.. Стр-р-р-рашно...

— Годится, — одобрил я. — Неси на корабль, а когда выйдем подальше в море, повесим на самый верх мачты. Матросам расскажешь, какое королевство будем представлять на море. Веселиться так веселиться!

Когг спустили в воду со всеми предосторожностями, благополучно, на веслах отодвинулись почти на середину залива, а там подняли парус. Парус именно подняли, по-настоящему подняли, то есть на веревках втащили на верх мачты громоздкую рею с прикрепленным к ней огромным парусом.

Я подумал с кривой улыбкой, что даже когда сами паруса исчезнут, словосочетание «поднять паруса» останется еще на века.

Сутки осторожно ползали, а потом даже ходили по заливу, отрабатывая повороты, остановки. Парус опускали и снова поднимали, добиваясь чтобы все проходило еще и еще быстрее, слаженнее, увереннее, наконец я сказал в ответ на вопрошающие взгляды Ваддингтона и Фицроя:

— Сдаюсь!.. Завтра выходим в море.

Глава 5

Капитаном на этот тренировочный рейд после долгих раздумий и серьезных колебаний я назначил Роннера Дорригана, плотника с захваченного судна, очень уж он восторгается кораблем чужого государства, никакой лояльности к Пиксии, а в его подручные и научные консультанты определил себя.

Жаль, на захваченном корабле не оказалось штурмана вообще, да и зачем он на каботажном суденышке, что из года в год таскается по одному и тому же маршруту, держась возле берега?

Когг выкрасили в сине-зеленый цвет, к неудовольствию Фицроя и строителей, но я заявил, что даже в море нужна маскировка, красивых замечают раньше и грабят их раньше, а вот тихий и незаметный сам может подойти ближе и грабануть в свое удовольствие.

Фицрой подумал, сказал с сомнением:

— Ну, если это поможет грабануть...

— Но грабануть можно красиво, — утешил я.

Он сказал со вздохом:

— Тогда пусть, тебе виднее. У вас такие?

— Нет, — ответил я честно, — но тогда еще не знали понятия маскировки. Все наряжались на войну поярче, как петухи.

— И как?

— Их перебили, — ответил я, и он увидел по моему лицу и голосу, что не вру. — Остались только такие вот. Как корабли, так и люди.

— Ладно, — сказал он с сомнением. — Хотя победа и нужна, но не любой ценой... Если победа некрасивая или нечестная, то какая она тогда победа?

— Повтори это потом, — сказал я, — когда ограбим пару богатых купцов на море.

Наш капитан, обветренный, как скалы, возжелал выйти в море, не дождавшись дня, что вообще-то незряшная предосторожность, лучше в темноте отойти от берега подальше, чтобы ничего не связывало именно с этим местом.

Корабль все-таки пришлось протаскивать на канатах через проход, а когда вынужденно срубили еще два дерева по краям, я велел соединить несколько рыбацких сетей, вплести в ячейки зеленые веточки и протянуть завесу от дерева с одного берега до другого, где тоже накинуть на дерево.

Даже Фицрой тарашил глаза, но понял раньше других, сказал в восторге:

— Я же говорил, ты жулик еще тот!.. Что я, продаю зуб дракона, еще какую-то мелочь, а ты вон как два королевства дуришь!.. Хотя, кто тебя знает, может быть, и третье...

— Такое зовется маскировкой, — сообщил я. — Это вы все наряжаетесь на войну поярче да позаметнее, а настоящие убийцы стараются, чтобы их никто не видел и не слышал!.. Это гуманно и человечно.

Дорриган сказал трезвым голосом:

— Но проход нужно будет еще чуть-чуть шире... Я замерял. Тот, двухмачтовый, застрянет. У него бока, как у стельной коровы.

Его помощник сказал торопливо:

— Я уже велел бригадиру плотников, что прибыли вчера из столицы. И дно попутно проверят. Где надо, выдернут корни.

Корабль выдрался из зарослей, как муха из паутины, нас сразу закачало на волнах, Фицрой испуганно ухватился обеими руками за борт.

— Ох, не нравится мне море...

— Это не море, — утешил я.

— А что?

— Мне кажется, — сообщил я, — всего лишь залив. Заливчик. Правда, большой. Вообще-то само море тоже заливчик океана. А наша бухта — заливчик в заливчике.

Он прошептал с тоской:

— Еще и океан... Что это? Нет, лучше молчи. Почему на этом качает как-то не так?

— Тот был поменьше, — пояснил я. — Когда забабхаем океанский лайнер, на том качки вообще не бывает. А пока привыкай.

Грегор дико орал, командуя матросами, что и сами сбиваются с ног, хотя задача вообще-то простая: держать парус по ветру, плыть, одновременно повторяя все то, что отрабатывали в заливе при минимальном ветерке.

Я волновался больше всех, волны хоть и покруче, чем в бухте, там тишь да гладь, а здесь к мешающим работе волнам добавляется и ветер, который в нашем уютном мирке проскакивает больше по верхушкам деревьев, но это знакомо, проходили, но не на таком корабле, я его автор, как воспринимают меня, хотя и клянусь, что в далеком королевстве, из которого я родом, все на таких ходят по морям.

Фицрой, глядя на меня, вместе со мной бросался тянуть веревки, управляя парусами, хотя вряд ли соображал, что и зачем. Нас отнесло от берега на пару миль, но там, как ни странно, все ощутили себя несколько свободнее, раз уж не перевернулись и не затонули в первые минуты.

Грегор светится от счастья, управляя таким огромным кораблем. Я пару раз перехватил его благодарные

взгляды, там на корабле он был на вторых, а то и третьих ролях, теперь я всем видом подчеркиваю, что капитан он, а я посмотрю малость и вернусь строить другие корабли.

Фицрой постепенно пришел в себя, сел на высокой корме, что поднимается на высоту человеческого роста над палубой.

— Что-то народу многовато, — сказал он ворчливо. — А если ограбим кого, куда складывать?

— Не торопись, — ответил я, — что грабить по мелочи?.. У нас большие корабли на стапелях. В их трюмах места на все хватит. А сейчас важнее команды подготавливать... и для них тоже.

— Когда это еще будет, — буркнул он.

— Скоро, — заверил я. — Вообще-то корабли эти не что-то сложное, строить можно быстро. Я взял на борт народу вдвое больше, чем нужно для управления, чтоб учились, помогали, присматривались, подменяли при случае. Я даже среди гвардейцев отбирал только добровольцев, кто сам вызвался!

Он оглянулся на гвардейцев, присланных королем. Почти все охотно выполняют любую работу, то ли король так велел, то ли сами, как патриоты, желают успеха будущему мятежу против угнетателей в лице Пиксии и Гарна.

— Похоже, — сказал он, — они тоже поймались на твой крючок. Смотри, этот Ваддингтон, хоть и глерд, а как таскает связки канатов, как бросается разворачивать парус!

— Какой крючок?

— Не знаю, — ответил он, — но я вот поймался.

Рассвет сразу двух солнц застал нас уже милях в десяти от берега, торговые корабли обычно держатся к нему даже ближе, чем мы сейчас, так что вполне.

Понсоменер в нетерпении повизгивает на клотике, Грегор уже дважды покрикивал, чтобы тот не раскачивал мачту.

Я заметил, что на несколько минут, когда лучи двух солнц сходятся под определенным углом, море становится пугающе прозрачным, корабль словно зависает в пустоте и двигается, покачиваясь, по воздуху, а под ним, оказывается, кишмя кишит странная жизнь, где носятся плотные стайки рыбешек, парят гигантские скаты, и неспешно проплывают массивные глыбы исполинских кальмаров, морских змей, а то и вовсе таких чудищ, что даже в эпоху динозавров их точно не было.

Команда тут же бросалась к бортам и тоже со страхом всматривалась вниз, где далеко-далеко виднеется дно с совсем уж непонятной и пугающей жизнью: двигаются какие-то чудовища, из расщелин высовываются щупальца и пытаются схватить проплывающих мимо...

Я подозвал Грегора и Ваддингтона, как облеченных властью на корабле, сказал веско:

— У нас две задачи, помните. Проверить ходовые качества судна, отработать навыки команды, чтобы все без сучка и задоринки...

— Ограбить парочку кораблей, — добавил Фицрой и сладострастно потер ладони, — для начала.

Я отмахнулся.

— Это мы уже проверили. Что получилось на захваченном, на этом получится точно. Нет, вторая задача будет... скажем, хотя бы издали оценить военную мощь Гарна.

— Издали? — спросил он с сомнением. — Разве что по количеству кораблей...

— Город тоже говорит о мощи или слабости, — сказал я. — Сравни столицу Уламрии и столицу Нижних Долин!.. Даже издали заметна разница.

Он кивнул.

— Ну да, Уламрия сильнее. Хотя Нижние Долины богаче.

— Столица Гарна, — сказал я, — если не на берегу моря, то, как и Буйлары, тьфу, Шмитберг, на берегу реки... может быть, по ней можно подняться и до столицы. Но, думаю, не потребуется. Когда такое теплое южное море, то народ есть народ, а это значит, что он из людей, а людье всегда стремится к теплой воде. Увидим один город... увидим уровень этого потенциально-го противника.

Грегор, прислушиваясь к нашему разговору, все время оглядывался на парус с такой тревогой, что Фицрой сжалился, похлопал его по плечу.

— Да успокойся, капитан... Как я понимаю, ветер дует, мы плывем... ха-ха!.. без усилий.

Когг идет почти вдвое быстрее, чем привычные здесь суденышки, ветер дует чуточку наискось, но площадь огромного паруса перехватывает его легко и красиво, и корабль буквально летит туда, куда велено.

Нервная суматоха начала затихать, хотя сам Грегор напряжен, как струна, в роли капитана впервые, тренировки в заливе не в счет, здесь не только пугающий простор, но и волны, и ветер, которого в заливе почти не чувствуешь.

У двери моей каюты на бочке расположился гвардеец, это Ваддингтон позаботился, молодец, никто не должен даже иметь возможности зайти в комнату командующего походом, когда тот отсутствует или занят.

Я прохаживался по палубе; как же здорово, когда настоящая палуба, а не надстройка на корме, те ставят уже сотни лет, и никто не догадается ту платформу просто удлинить, прикрыть ею весь верх, что обеспечит

и полную водонепроницаемость судна, и резко повышает прочность всего корабля и его поперечную жесткость.

Да и автоматически удваивается сама вместительность корабля: часть команды и все грузы размещаются под палубой... ах да, надо ввести понятие трюмов, а у нас там пока только поддерживающие палубу столбы для повышения прочности корпуса.

Я жестом велел Грегору подойти, сказал негромко:

— На следующем судне, что сейчас на стапелях, на баке нужно чуть выше волноотвод и козырьки. Запомни. Если я забуду, скажешь Дорригану. Он, как и ты, бригадир плотников, но у нас, как сам знаешь, уже управляющий верфью! А то ли еще будет.

Он сказал тревожно:

— Когда такая скорость... у меня самого сердце екает, когда корабль вот так в волны носом!

— Ватервейс собирает и отводит всю попавшую на палубу воду, — напомнил я. — Все предусмотрено.

Он покосился на шпигаты, где вода завихряется мелкими бурунчиками, спеша вернуться обратно в море.

— Голова идет кругом!

Я посмотрел на его красное от волнения лицо.

— Палуба, дорогой Грегор. С появлением палубы корабли становятся другими. Теперь все пойдет нарастающими темпами.

Он взглянул тревожными глазами.

— Это... как?

— Подумай о том, — сказал я, — что палуб может быть несколько... Нет-нет, лучше не думай! Или оставь это для берега. Сейчас нужно всего лишь ни в чем не сбиться. Ничего не забыть из того, что разучили в заливе.

За нашими спинами хохот, крики, матросы и гвардейцы толпятся у бортов, показывая пальцами в воду. Громче

всех орет Фицрой, глаза вытаращены, рот до ушей, такие же счастливые наши плотники и гвардейцы, а теперь моряки, половина из них впервые в открытом море.

Фицрой увидел меня, замахал торопливо:

— Юджин! Иди сюда!

— Что там? — крикнул я.

— Чудища! Каких ты никогда не видел!

Я лениво отмахнулся.

— Да ерунда какая-нибудь. Смотри сам.

— Да ты подойди!

Вопил он настойчиво, я вышел из каюты, моряки расступились, в море прыгают и веселятся дельфины, легко обгоняют корабль и, похоже, дразнятся.

— Ладно-ладно, — сказал я им ласково, — следующий корабль будет вдвое быстрее. Ладно, в полтора раза, тогда и посмотрим.

Все смотрели то на меня, то на дельфинов. Фицрой покачал головой, во взгляде восхищение и нечто еще, тревожащее.

— Юджин, признавайся...

— В чем? Я когда-то говорил, что не видел моря? И океаны видел. Не один.

Все притихли, только Грегор спросил восторженно-испуганно:

— Оке... кеан? А что это?

— За морем, — сказал я, — что кажется вам Большой Водой, а на самом деле просто небольшая лужица, лежит океан. Вот там настоящие чудища... Вот тогда рты распахнете во все королевство. И все это вам предстоит увидеть.

Фицрой зябко передернул плечами.

— Что-то мне уже не хочется выходить за пределы этого сумасшествия, которое наш вождь называет лужицей.

Грегор зябко передернул плечами, но подумал и признался:

— А я хочу...

У противоположного борта своя группа по интересам, там двое умельцев состязаются, кто больше наловит этой странной рыбы, что ухитрится жить в горько-соленой воде.

Мне принесли парочку самых удивительных, по их мнению, я вспорол толстые брюха и пощупал внутренности, изумляя экипаж корабля, но пока ничего особенного, рыбы как рыбы, хотя, конечно, в море разнообразия больше, чем в реках.

Вообще-то все виды сформировались в жесточайшей конкурентной борьбе, и мутант должен быть особо мощным, чтобы выжить в таких условиях да еще и оставить потомство. Да, и еще позаботиться о нем, оберегая и защищая, пока оно не сумеет само добывать себе пропитание.

Фицрой не вытерпел, потыкал пальцем в распотрошенную рыбину.

— Ищешь драгоценные камни?

— Это ж не устрицы, — ответил я и, увидев его непонимающий взгляд, пояснил: — Только в устрицах бывают жемчужины. Что, не знаешь, что такое жемчужины?

Он пробормотал:

— Знаю, видел, но не думал, что... У нас нет морей, а торговцы сами не знают, откуда такое чудо, им тоже продали, а тем тоже... А ты откуда услышал?

— Не помню, — ответил я безучастно. — Рыба как рыба... Хорошо, а то что-то я переел необычности.

Он проследил взглядом за двумя тенями от моих ног, одна на глазах укорачивается, другая удлиняется, да еще и быстро смещается, но ничего необычного не увидел, однако согласился:

— Я тоже. Столько воды...

— Обалдеть, — сказал я с чувством. — О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья век... Вообще-то тебе готовит больше. Завидую.

Он проворчал уязвленно:

— Вижу. Впервые встречаю гуся, что повидал больше меня. Если не брешет, что еще вероятнее.

— Зато ты выпил больше, — утешил я.

— И баб, — сказал он твердо.

— И баб, — согласился я великодушно. — Это ж самое главное.

— Ну да, — сказал он еще тверже, — а что не так?

— Все так, — заверил я. — Бабы — наше все. Даже Господь это признавал.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Ты с Севера?

— Почему так?

— Там эта вера, — сказал он. — Единобожие. Но не везде, а так, кустами. Что еще в этой рыбе?

— Я не рыбист, — признался я. — Возможно, каждая пойманная и есть новый вид, но мне надо, чтобы у нее были рога или громко кукарекала, тогда замечу. Пока ничего особенного.

Он вскинул голову, засмотрелся. Я проследил за его шарящим по небу взглядом, ничего необычного, оранжевый купол неба, похожий на раскаленную полусферу из чистого золота, а чуть ниже тучек проплывает еле-еле монг, темный и неопрятный на фоне такого великолепия.

— Давно не видел, — сказал я. — Что, не слишком развито это дело, верно?

Он пожал плечами.

— Не все доверяют ветру. А если переменится и унесет в другую сторону? Такое бывало. У королевских

мудрецов есть таблицы, где указано, когда восточный ветер, когда северный и сколько дней это продлится... Вот тогда и стараются пользоваться... А в остальное время риск.

Я внимательно наблюдал за этим примитивным средством передвижения. Здесь, в этом мире, где прогресс двигается благодаря редким вспышкам озарения, прогресс идет медленно и не плавно, как было в моем мире.

Вот кто-то что-то придумает, а потом снова столетия юзают эту находку, и никто не делает следующий шаг, пока вдруг где-то кому-то не упадет на голову яблоко.

Фицрой, перевозбудившись от такого обилия увиденного впервые, к полудню совсем ошалел, устал, сбросил камзол, жарко, и в одной расстегнутой рубашке сперва сел на палубу, а потом и вовсе лег, в блаженной истоме зевая и потягиваясь.

Команда тоже разбрелась группками по интересам, только Грегор продолжал как суетливо носиться по палубе, так и часто спускаться по ступенькам вниз, где присматривался к переборкам и столбам, от которых зависит жизнь корабля.

Ваддингтон приблизился ко мне, поклонился.

— Глерд Юджин...

— Глерд Ваддингтон, — ответил я. — Ценю вашу выдержку. Вот уже полдень, а вы ни разу не подошли ни с одним вопросом!

Он выпрямился, на лице проступило гордое удовлетворение.

— Вы все распланировали настолько верно, глерд, что я только дивлюсь и радуюсь мудрости нашего короля, который дал вам такие большие полномочия. Примите мои восторги. Как по поводу создания такого

судна, так и вообще... Мы все не можем прийти в себя от изумления, что вот так ничего не делаем, сидим или лежим, а нас стремительно несет вдоль побережья даже быстрее, чем мы бы передвигались на конях!..

— То ли еще будет, — сказал я таинственно. — Мы еще порадуем его величество! Дронтария воспрянет, дорогой мой глерд Ваддингтон. А мы будем открывать новые острова, материки и новые народы... Я рад, что ваши гвардейцы тоже помогают в простой работе на корабле.

Он ответил без улыбки:

— Вам же остро недостает людей, знакомых с морем? Вот я и велел всем вникать во все. Скажу с удовлетворением, им даже нравится. Возможно, кто-то будет проситься к вам на те корабли, что сейчас строятся.

— Буду рад, — ответил я с чувством. — Ведь мало выстроить невиданные корабли, нужны люди, что от природной дикости не бросятся на эти деревянные чудища с топорами!

Он заверил четко:

— Таких у нас нет, но обещаю, ваши ряды умелых моряков пополнятся этими вышколенными гвардейцами короля!

Глава 6

Ночь выдалась на редкость темной — в самом деле, только одна луна, да и та за плотными тучами. Корабль легко покачивается на черных как смола волнах, Грегор уже дважды спрашивал насчет остановки на ночь.

Я посмотрел на небо, восстановил в памяти карту Дронтарии. Хотя королевство и выходит к морю, сузившись от усилий так, что становится похоже на пира-

миду со срезанной вершиной, этой вершиной и упирается в берег моря, однако все равно до Гарна еще почти сутки, так что увидим его только завтра...

— Ничего не случится, — сказал я. — Пусть дозорный смотрит внимательно. Напороться на мель или рифы посреди моря вряд ли получится, как ни стараться...

Он плюнул в сторону и сделал жест, отгоняющий нечистую силу.

— Вот только и мечтаю напороться и разбить корабль!

— Хорошо, — сказал я с одобрением. — Юмор — признак присутствия духа. Большая часть неприятностей подстерегает мореходов вблизи берега. Я пошел спать! И вам бы посоветовал.

Он покачал головой.

— Если и засну, то здесь, на палубе.

— Укройте, — посоветовал я. — Ночью бывает прохладно.

— Укроюсь, — пообещал он. — А то, говорят, ночью на корабли залезают всякие...

— Русалки?

— Если бы, — ответил он хмуро, — там я как-то разобрался бы, а вот всякие чудища со щупальцами... Хотя и щупальца ладно, пусть щупают, не жалко, а вот когда с клешнями...

Я еще раз бросил взгляд на море, там в самом деле то зазубренный спинной плавник среди волн мелькнет, то огромная башка высунется и смотрит в нашу сторону круглыми глазами, но пока все спокойно.

Проснулся я от внезапного шума наверху. Торопливо поднялся по ступенькам; небо темное, в тучах, корабль тяжело зарывается носом в волны, а они победно катятся по палубе и уходят через шпигаты.

Ветер налетел резкий, словно ударил кулаком из спрессованного воздуха. Корабль трянуло, волна с грохотом обрушилась через борт, тяжелая, как ртуть.

Я хватался за канаты и упорно пер к Грегору, что покрикивает на промокших и похожих на тюленей членов команды.

— Ветерок? — спросил я весело.

Он оглянулся, на лице ужас, прокричал, перекрывая шум ветра и грохот волн:

— Это страшная буря!

— То ли еще будет, — успокоил я. — Держите корабль на волну, а то опрокинет.

Он не ответил «сам знаю», не до того, напуган так, что уже и сам не знает, что знает, а я похлопал по его спине в промокшей рубашке, самому вообще-то страшно, но изо всех сил улыбался и скалил зубы.

Такие бури сразу топят лодки и опрокидывают маленькие кораблики, с крупными уже сложнее, а гигантские вообще идут через любой ураган, почти не обращая на него внимания.

Но у нас хоть и не лодка, а корабль маленький, и если опрокинет, то я не Синдбад, которого после каждой катастрофы выносит на берег, как его предшественника Одиссея, а отсюда даже при хорошей погоде до берега вряд ли доплыл бы...

Корабль бросает на волнах так, что люди то и дело падают, скользят на мокрых досках, вместе с потоками воды их носит от борта к борту.

Я взбежал по ступенькам на палубную надстройку, сюда волны не достигают, но все равно мокро, поскользнулся и чуть не вылетел за борт, но успел ухватиться за натянутые канаты, удерживающие на распорке мачту.

Снизу кто-то прокричал отчаянно:

— Море только что было спокойным!

Я крикнул в ответ:

— Не совсем, надо уметь видеть признаки надвигающейся бури.

— Какие, глерд?

— Не знаю, — ответил я сердито. — Слышал, они есть. Ну там ласточки над водой низко, муравьи подгибают брюшко... В общем, не мое это дело знать такие мелочи, а извозчики на что?.. Шевелитесь, а то все утонем!.. Понсоменер, беги к Джонадеру, помоги ему держать руль!.. И подтяни линь!.. Только не спрашивай, что это такое, просто найди и подтяни, что бы это ни было...

Джонадеру помогают удерживать рулевое весло Фицрой и Ваддингтон, получается плохо, Фицрой вскрикнул:

— Небо... Там...

Следом за ним еще двое матросов закричали в ужасе и начали тыкать трясущимися пальцами в черное грозное небо с мятущимися тучами, уверяя всех, что там огромные гневные лица морских божеств.

Я заорал:

— Эй там, вороны внизу!.. Немедленно привяжитесь к мачте!.. Да не все, идиоты... Джонадер, привяжись, ты у руля, ты нужен, а глерд Фицрой может и не привязываться, его не жалко...

Тут же волны с такой силой прокатились через палубу, смывая все на пути, что если бы те не привязали себя канатами, смыло бы всех за борт.

Я отыскал взглядом Фицроя и Ваддингтона, помогающих Джонадеру держать весло, крикнул изо всех сил:

— Разверните мордой к волне!

Понсоменер, блеклый настолько, что почти невидимка, тут же в одиночку налег на руль, а Джонадер крикнул:

— Командир, это самоубийство!.. Надо уплывать...

— Выполнять! — рявкнул я. — От шторма не убежать!.. И ни в коем случае не дать волнам развернуть корабль боком!.. Ни к ветру, ни к волнам!.. Быстрее, все быстрее!..

Волны становились все громаднее, но когда Фицрой громко охнул и указал трясущимся пальцем вперед, даже у меня похолодело внутри. Волна не волна, а настоящая водяная гора катит к нам мощно и неотвратно.

Я крикнул бодро:

— Девятый вал!.. Это нормально, чего вы все?.. Вот девятый из девятих — это да, это будет волна...

Корабль начало поднимать все выше и выше. Со всех сторон крики ужаса стали громче, спереди водяная пропасть, такая же сзади, а наш корабль на гребне, что только издали движется медленно, а так несет нас, и как хорошо, что в открытом море, а то на берег бы выбросило, разбив о рифы... Правда, там есть шанс выплыть...

Замерев надолго на гребне, корабль наклонился и, как с ледяной горки, понесся вниз в далекую страшную бездну.

Но крутой спуск становился все более пологим, корабль на большой скорости влетел в долину между двумя водяными горами и, кто бы подумал, начал, как мелкий жучок, мужественно карабкаться вверх, подгоняемый свирепым ветром, что ухитряется и в корму дуть с такой мощью, словно у нас развернут парус да еще штук пять дополнительных.

Фицрой, жестом послав на свое место двух гвардейцев, вбежал вверх ко мне, но с размаха впечатался мордой в бухту промокших канатов, завопил:

— Да что же это за...

Я поморщился.

— Ты чего орешь?

Он застыл с распахнутым ртом, только сейчас ощутил, что кричит, хотя везде блаженная тишина, если не считать привычных ласковых шлепков волн о деревянные борта.

Я заулыбался, глядя на его растерянное лицо. Шторм утих так же легко, как и появился. Вернее, он не утих, а унесся дальше, но для нас это уже неважно.

— Как же это, — проговорил он с трудом, — я чуть не сдох... Это длилось сутки? Или двое? Небо было черным...

Он ощупывал пальцами обеих ладоней лицо, морщился, кривился. Я смотрел с сочувствием, пара заметных кровоподтеков появятся, но, конечно, Фицрой будет рассказывать, как дрался и голыми руками прибил дракона.

— Минут десять, — сказал я, — да-да, минут десять, а это даже долго. Фицрой, вот теперь ты настоящий морской волк, даже морской лев!.. Может быть, даже дюгонь... Нет, морской лев звучит лучше... Эй вы все, морды!.. Поздравляю с боевой победой!.. Вы с честью выдержали первый шторм, а это значит — море вас признало своими и приняло. Поздравляю. Ура!

На меня таращили глаза, только гвардейцы дружно крикнули «Ура!.. Ура!.. Ура!», а Ваддингтон, с трудом отклеившись от мачты, проговорил со вздохом:

— Я думал, из меня душа выскочит... Но вообще, если подумать, то не так уж и страшно. Это же не каждый день?

— Нет, конечно, — сказал я успокаивающе. — Даже ветерок бывает не всегда, а уж бури вообще редкость... Но от них есть польза. Если бы не они, сколько бы здесь всяких дураков плавало?.. И трусов?.. А глерды — тьфу!.. толстых баб катали бы на лодках...

Фицрой крикнул бодро:

— Море — для героев!.. Командир, Гарн, я думаю, уже близко! Мне кажется, буря нас несла в нужную сторону.

— От бури только польза, — сказал я бодро. — Говорил же великий мудрец, что штиль хуже самой страшной бури... Проверить, ничего ли не повредилось, проверить веревки, подтянуть узлы, потому что...

Перекрывая мой командный голос, Понсоменер завизжал с верхушки мачты, когда он только там и оказался:

— Земля!.. Берег!.. Вижу берег!

Я поднес к глазу трубку оптического прицела. Оранжевое солнце разлито поверх моря, то и дело стреляет шаловливо зайчиками с волн прямо в глаза, потому не сразу отделил от него другой блеск, солидный, неподвижный, так победно горит золотой песок на пляже.

— Осторожно к берегу, — велел я. — Идти так, чтобы видеть отчетливо, но не слишком близко.

— Пока не увидим, — добавил Фицрой, — из-за чего приближаться стоит!

— Именно, — согласился я. — Деревушки рыбацкие пропускаем, нужен большой город. Чем больше, тем лучше.

Фицрой в сильнейшем возбуждении потер ладони с таким скрипом, словно размалывает крупнозернистый песок.

— Впервые, — признался он, — приближаюсь к чему-то вот так... ну, не сам, а когда меня несет... В этих плаваниях по морям что-то есть. Стою и двигаюсь... здорово. Непривычно.

— Но опасно, — заметил Ваддингтон ровным голосом. — Потому нужно быть начеку. И чтоб меч под рукой.

Корабль изменил курс, продолжая ход в том же направлении, но и постепенно приближаясь к берегу.

Я рассмотрел не только песок, но и роскошные деревья по ту сторону пляжа, который пока что никто не считает пляжем, а назови его так, любой удивится, берег можно использовать вот так — не для чего, а просто так вот.

— Выравнивай, — велел я. — Ближе не стоит.

Все жадно всматривались в берег, хотя тот абсолютно такой же, как и в Дронтарии, но всегда от чужой страны ожидаешь чего-то особенного. Дважды видели проходящие совсем близко у берега кораблики, которые теперь не только у меня не поворачивается язык называть кораблями, а так, суденышки.

— Телеги, — пробормотал Джонадер пренебрежительно.

— Представляю, — сказал Ваддингтон с гордостью в лице и голосе, — что они говорят о нас!.. Для них мы просто гиганты, сошедшие с небес!

Грегор долго всматривался в берег, сказал ревниво:

— А корабликов немало. Вон те совсем уж телеги...

На берегу то и дело проплывают мелкие города и села, расстояния между ними не больше двух-трех миль, а это почти вплотную, я всматривался с тревогой, Гарн населен плотно, хотя, конечно, это лишь прибрежная зона, здесь три четверти населения королевства, если не больше, так что не показатель, но резкий контраст с пустынным берегом Дронтарии...

Понсоменер прокричал с мачты:

— Город!.. Большой город!

Я торопливо приложил к глазу трубку прицела. Далекий пляжный берег переходит в зеленый роскошный оазис, а дальше высятся белоснежные здания, дворцы, башни...

Сперва мы всматривались просто в туманный берег, потом начали проступать из марева вертикальные полосы, и лишь когда внизу наметилось нагромождение зданий, я понял, что это высокие башни, настоящие небоскребы, на которые даже не знаю, кто и поднимается, если учесть, что лифтов не существует...

Берег приближается неспешно и торжественно, я не отходил от борта, всматриваясь в исполинский город, что раскинулся вдоль берега на полмили, но и в глубину наверняка не меньше, можно догадаться по уходящим в глубину башням.

Фицрой время от времени выдергивал у меня трубку и жадно рассматривал медленно плывущий к нам город.

— Гарн... а он хорош.

— Даже слишком, — пробормотал я.

Фицрой указал на растущий в пропорциях роскошный дворец на холме.

— Там на башне флаг с королевским гербом. Похоже, это все-таки столица. Их знаменитый Карбер.

Глава 7

Подошел Ваддингтон, всмотрелся, он выглядит взволнованнее, чем любой на корабле, что и понятно, он представляет армию Дронтарии, когда-то потерпевшую ряд унижительных поражений.

— Карбер, — процедил он сквозь стиснутые челюсти. — Карбер, стольный город королевства Гарн,местилище всех пороков... Думаю, нам не стоит даже приближаться, глерд Юджин. Там враги.

— Но не королевству же Гаргалот? — спросил я. — Не забывайте, мы приплыли из-за моря, выдержав

бесчисленные штормы, растеряв все запасные паруса, истратив канаты, а еды и питья у нас нет уже вторые сутки... Кстати, выбросьте за борт всю провизию. Мы купим здесь, нам нужен предлог, чтобы посетить местный базар.

Ваддингтон покачал головой.

— Это кончится плохо.

Фицрой сказал бодро:

— И пусть это кончается для них плохо! Чего вы жалуете этих гарнцев, глерд?..

Ваддингтон бледно усмехнулся.

— Моя служба приучила меня прежде всего заботиться о тех, кого я охраняю. В данном случае я обеспечиваю охрану здесь.

— Все закончится хорошо, — сказал я бодро. — Мы герои, сумевшие пересечь океан... ну, пусть море, и отыскавшие, к своей радости, здесь сушу, а на ней — кто бы подумал! — людей! Разве это у нас не повод для ликования?

Ваддингтон сказал упрямо:

— Для нас да. А для них?

— Да бросьте, — сказал я. — Для них это тоже событие. И возможности!.. Вот увидите, как все обрадуются.

Он промолчал, но по его виду я понял, что командира охраны переубедить не удалось, хотя это и неважно, командующий здесь я, а Ваддингтон выполняет все приказы быстро и четко, несмотря на то, согласен с ними или нет.

Фицрой сказал с тревогой:

— Вообще-то, если честно, мы рискуем здорово. Гарн или не Гарн, но сама по себе наша легенда...

— Над нами флаг Гаргалота, — напомнил я. — Так что все законно. А чтоб наши не проболтались, будем держать их внизу. Наверх только самых надежных.

— Сравнительно надежных, — уточнил он.

Я поморщился.

— Это ненадолго. Мы постараемся закупить продукты и воду как можно быстрее, тут же отплывем. Все это время присматривай за своими.

— У нас воды и продуктов хватило бы с запасом, — напомнил он с упреком.

— А где мы их брали в бескрайнем море? — спросил я. — Если пересекли океан, то должны быть на грани истощения, а посмотрите на свои морды!

— Тогда недолго, — сказал Грегор. — Прямо на берегу все купить и сразу отплыть. Что-то мне тревожно.

Ваддингтон подошел, понаблюдав за приближающимся берегом хмуро и озабоченно.

— Я предупредил, — сообщил он. — Никто не обмолвится, откуда мы на самом деле. Все помнят, из королевства Гаргалот, что означает на древнем языке «Серебряные Горы». Я сказал, сам утоплю любого, кто брякнет лишнее...

— Очень хорошо, — ответил я. — Хотя постараемся контакт свести к минимуму, но все же...

— Я запретил выходить не только на причал, — сказал он. — Даже на палубе делать нечего тем, кто не занят с парусами. Остальное в порядке.

— Из тебя получается хороший капитан, — похвалил я. — Изучай все новинки, на следующем корабле будет еще больше!

Он сказал воспламененно:

— Да, глерд!.. Слушаюсь, глерд! Я не подведу.

Я повернулся к застывшему в тревожном ожидании экипажу.

— Если без меня попытаются подняться к вам на борт, не позволяйте!.. Если приблизятся корабли с абордажной командой, уходите, не давайте себя захватить.

— А вы, глерд Юджин?

— Выберусь, — заявил я самоуверенно.

Грегор нахмурился.

— Глерд... Вы наш командир и хозяин, мы не можем оставить вас в неволе.

— Я скользкий, — сообщил я. — Меня многие уже хватали, без рук остались.

Фицрой сказал с намеком:

— А вы думаете, так далеко от своих земель сумела бы забраться тихая да безобидная овечка?

Они переглянулись, Грегор прогудел недовольно:

— Смотрите сами, но все же не рискуйте. Вы хороший хозяин и знатный моряк. Я бы с вами всю жизнь плавал.

Берег приближается, город можно рассмотреть лучше: огромные дома из белого камня, вдалеке на втором плане очень высокие башни с остроконечными колпачками, защищающими смотровые площадки не только от дождя, но и от солнца, дворцы на холме...

Корабль осторожно движется в сторону замеченной набережной, уже можно рассмотреть, что просто великолепно: ограда из белого мрамора, земли не видать под плотно уложенными плитами, а дальше стены великолепных дворцов, а не просто зданий, колонны, пилястры, все эти архитектурные излишества, что радуют глаз и услаждают сердце...

Наконец-то увидели причал, да не просто причал, а исполинский, к тому же с пирсом из темного камня, слева два выдвинутых в море волнолома. Корабли сгрудились по обе стороны пирса так тесно, что мачты с опущенными парусами выглядят лесом, лишенным ветвей и листьев. За причалом сгрудились в тесноте высокие деревянные здания складов, амбаров, даже на са-

мом причале высятся груды товаров, уже подготовленных к отгрузке на корабли.

Грегор подвел корабль к причалу почти нежно, выпуклый бок не стукнулся о кранцы на причале, а будто прилип. Двое крепких мужиков у причального столбика очнулись от созерцания дивного громадного корабля, когда брошенный нашим матросом канат попал одному в морду.

Оба профессионально натянули канат и ловко набросили несколько петель на короткий толстый столбик, а затем снова опустили руки и с открытыми ртами уставились на высокий борт плавучего чудовища.

Дальше в сторону берега вдоль пирса расположилось еще пять кораблей, а с той стороны причала — четыре, все одинаковые настолько, что какие тут Улучшатели, местные мастера боятся на полшага сдвинуться в работе, в которой нет места творчеству, выдумке, придумыванию чего-то нового.

Фицрой поглядывает на меня радостно и встревоженно. Город, раскинувшийся на берегу, вдвое, если не втрое превосходит Шмитберг, хотя то столица Дронтари, по размерам, а кроме того, богатство и роскошь Гарна заметны даже вот так, издали.

Если лачуги где-то и есть, то на задворках, а на берегу сверкающая богатством и роскошью витрина королевства, по ней видна мощь здешних королей.

— Кораблей многовато, — обронил Фицрой небрежно. — Тут вдоль этой штуки... пирс называется?.. девять, а вон там у берега еще двенадцать..

— Не считая тех, — сказал я, — которые в плавании. Так и должно быть, дружище!.. Флот королевства обязан насчитывать даже не десятки кораблей, а сотни.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Сотни?

— Это я смягчил, — сказал я. — Чтоб не пугать тебя тысячами.

Он с облегчением улыбнулся.

— Все шутишь... А морда такая серьезная.

— Смотрю на берег, — напомнил я, — потому и серьезная. Не забывай, мы из древнего королевства Серебряных Гор, ныне Гаргалота. Жаль, не успели придумать ему историю. Потому врать буду я, а ты только загадочно улыбайся и говори насчет подписки о нераспространении. И о неразглашении тоже.

— А это что такое?

— Это значит, — сказал я злорадно, — что обязательно проболтаешься, и в приличных королевствах таких за рубеж не выпускают, чтобы тайны оборонной промышленности не разболтали врагу, который, как известно, не ест и не спит, а только бдит и подслушивает.

— Понятно, — буркнул он, — почему ты оттуда убежал и все еще бежишь, бежишь... А я все думал, чего оглядываешься?

К моему изумлению, пирс и причал это одно, а город другое. Их разделяет крепкая стена с воротами, где дюжие стражи дежурят с остро заточенными топорами, а за двумя столами расположились чиновники короля, и всякий с корабля, кто желает посетить город, должен назвать себя и корабль, с какой целью и чего надо.

Фицрой возмутился, я сказал тихонько, хотя и у самого сердце екнуло:

— Это правильно, чтоб заразу не принесли... и всяких преступников из других королевств не набежало. Тем более в стольный град.

Он буркнул:

— Это понятно, иначе тебя бы давно остановили. Но как отличают заразного от незаразного? Да и вряд

ли кто-то из преступников будет кричать, что вот я вор и убивец, плюйте на меня! Ты же вон какой тихий! Овечка. И не подумаешь.

— Это в идеале, — пояснил я. — Как все законы, что хороши и правильны, только не работают.

— Тогда зачем...

— Законы нужны, — сказал я шепотом, — иначе вообще не будет ориентиров, что хорошо, что плохо... Здравствуйте, уважаемые! Простите, что не знаю, как здесь принято именовать достойных людей, мы только что прибыли из Гаргалота, это великое и славное королевство на той стороне моря...

Наступила мертвая тишина. Оба служащих вскинули головы и уставились с великим изумлением. Стражи сразу повернулись все до единого и вытаращили глаза.

Один из чиновников поднялся из-за стола.

— Простите... откуда-откуда?

Я гордо подбоченился.

— Из великого и славного королевства Гаргалот!.. У нас давно кончились провизия и остатки воды, что крайне огорчительно. Но с провизией еще кое-как управлялись, у нас хорошие сети для рыбы, но без воды было трудно. Правда, вино еще осталось... Надеемся пополнить у вас запасы... Вы не против?

Фицрой сказал благожелательно:

— Если посмотрите в окно, то вон там стоит наш корабль. Его и без нашего флага видно... даже очень.

Страж выглянул первым, охнул:

— Там... там... он же как лебедь среди уток!

Чиновник пролепетал, выпучив глаза:

— Как не против?... Еще как не против! Мы будем счастливы... Эй, Ринонлер, немедленно во дворец!.. Сообщите, прибыли знатные гости из-за моря! Впервые!

Я сказал, засмушавшись:

— Ну что вы, совсем не знатные...

Фицрой добавил скромно:

— Это когда вернемся, получим высокие титулы и поместья. А пока мы вольные странники и путешественники на свой страх и риск.

— Да, — подтвердил я. — Просто о нашем подвиге дома еще никто не знает. И мы, конечно, понимаем...

Стражник умчался не один, с ним ускользнул и второй, этот и кричал там, чтобы Ринонлеру дали самого быстрого коня, он должен быть во дворце сию минуту.

Я сказал любезно:

— Но мы можем пройти в город?.. Декларировать нам нечего, ха-ха!.. Поищем торговца, который продаст нам провизии на обратный путь. И несколько бочонков воды.

Служащий сказал торопливо:

— Да-да, конечно!.. Идите, посмотрите наш прекрасный город. Люди у нас добрые, законопослушные. Вам понравятся.

Я спросил небрежно:

— Кстати, как называют этот город? Он милый такой.

— Небольшой, — добавил Фицрой, — но тихий. Нам уже нравится.

Чиновник сказал с усилием:

— Карбер. Столица нашего королевства Гарн...

— Столица! — изумился я. — Надо же... Хотя это правильно, столица и должна быть в отдельном тихом городке, а не так, как в наших королевствах по ту сторону моря, где обязательно в самых огромных городах. У вас все мудро и правильно... Пойдем, Фицрой.

Стражник выскочил вместе с нами, замахал руками в сторону ворот, и там распахнули перед нами створки с великим почтением, настоящим, как перед героями, а не королями, там другое, понятное.

Глава 8

Город показался более устроенным, чем Санпринг, Шмитберг и даже Ииссор. Чувствуется одна рука главного строителя, даже архитектора, если такие здесь есть, но нет той безалаберности в постройках, как во всех уже виденных городах.

Даже люди смотрятся более серьезными, а еще здесь намного больше военных. Даже многие из простых горожан, как мне показалось, охотно щеголяют в кирасах, мода, что ли, на доспехи.

Фицрой тоже заметил, даже раньше меня, для него мода не то что важнее, по ней в самом деле можно понять многое, начиная от благосостояния государства до его экономической мощи.

На причале прохаживаются группки хорошо вооруженных воинов в доспехах, а дальше к набережной даже пара караульных башенок из камня, оттуда так просто не выбьешь засевших, да и сама набережная с высоким ограждением из плотно подогнанных каменных глыб выглядит идеально подготовленной для отражения атаки с моря.

— Здесь воюют часто, — заметил Фицрой.

— Или часто получают угрозы, — ответил я. — Может быть, даже сами придумывают, чтобы карась не дремал. Хочешь мира — готовься к войне.

— Чеканные слова, — сказал он с одобрением. — В твоём королевстве сказали?

— Увы, да.

— Похоже, — сказал он, — этот Гарн совсем щенок рядом с такими... овечками.

Он смерил меня оценивающим взглядом, словно вот сейчас выставлю клыки, из спины полезет гребень, а еще весь покроюсь острыми шипами.

— Пройдемся к базару, — сказал я. — Базар — лицо города. А кроме того, мы же должны в самом деле купить провизию и воду!

Он сказал тихонько:

— А мне кажется, ты переборщил, когда велел выбросить рыбам еду и вылить в море воду.

— Береженого бог бережет, — сказал я. — А вдруг они заявятся на корабль? Наша легенда должна быть безупречной.

Он хмыкнул.

— Конечно, заявятся. Восхотят заявиться и все осмотреть. Но ты же велел убрать сходни?.. А на ночь даже отплыть от причала?

— Я осторожный, — напомнил я.

— Ваддингтон, — сказал он, — еще осторожнее. Глаз не сомкнет.

Я насторожился: на площадь со стороны дворца вышел офицер в доспехах и группой королевских гвардейцев за спиной. Они медленно двигались через базар, но смотрят, как заметно сразу, не на разложенные товары. Смотрят достаточно цепко, высматривают кого-то определенного, с ними неприметный человечек, что показался знакомым.

— Фицрой, — сказал я, — думаю, о нас уже сообщили во дворец.

— Королю?

Я покачал головой.

— Думаю, сперва тем, кто докладывает ему о разных происшествиях, стоящих его высокого внимания. Отойди в сторону.

Он взъерошился.

— Ты чего?.. Мой меч все еще остер...

— Не драться же нам посреди чужого города, — по-

яснил я тихо. — Отойди, понаблюдай со стороны, а потом беги на корабль.

— А ты?

— Если даже задержат, — шепнул я, — освободиться сумею.

Он отступил на шаг, кивнул.

— Хорошо. Ты правильно сделал, что велел отчалить от пирса и поднять лестницы!

Человечек увидел меня, просиял лицом, я наконец узнал одного из таможенников, там он держался в сторонке и ничего не говорил. Сейчас он торопливо что-то сказал офицеру, указывая на меня взглядом, он кивнул и решительно начал проталкиваться через толпу.

Я посмотрел в сторону Фицроя, тот сгорбился, смешался с толпой, но не ушел, а остался наблюдать за мной, свинья, игнорирует прямые приказы, дескать, он друг, а не слуга, не понимает, что в такие моменты любой друг должен действовать, как слепо выполняющий приказы подчиненный.

Вся группа протиснулась ко мне, офицер с самым радостным лицом сказал почти ликующе:

— Приветствуем героя, сумевшего преодолеть бескрайнее море! Я глерд Мэрт Бруксбанк, командир охраны этого района города.

— Глерд Юджин, — ответил я. — Спасибо...

— Глерд, — прервал он, — власти города крайне счастливы, как понимаете, это же событие!.. И огромные возможности! Все хотят пообщаться с вами, многое обсудить... Мы просим вас пройти с нами.

Я покосился на окруживших меня гвардейцев.

— А эти зачем?

Он сказал несколько смущенно:

— Это для почета. Вы же такой гость, такой гость! И отныне драгоценность, которую мы обязаны оберегать, как... не знаю что.

Я засмеялся как можно веселее и беспечнее.

— Хорошо, что без цепей. А то бы сказали, что для украшения.

Он улыбнулся, кто-то из гвардейцев ржанул, и мы пошли в направлении королевского дворца. Гвардейцы, надо отдать им должное, и дорогу нам освобождали, и двое забежали вперед, чтобы ворота для нас распахнули загодя, нехорошо таким высоким глердам останавливаться, и чтоб там впереди никто не мешал.

Фицрой, понаблюдав, отстал где-то по дороге. Королевский дворец сияет красотой, великолепием и величием, однако глерд Бруксбанк свернул в сторону двухэтажного приземистого здания, настолько массивного, что я сразу же представил почему-то еще этажей пять вглубь, и гвардейцы, окружившие меня плотным кольцом, тоже двинулись за ним, так что я вынужденно шел в середине, замечая, что их за это время стало вдвое больше.

Вряд ли потому, что бояться одного человека, скорее же просто стараются закрыть меня от лишних взглядов. Может быть, это и правильно, нечего народу позволять получать непроверенные слухи, что могут повредить королевству.

Двери массивные, из мореного дуба, отворились тяжело и нехотя, офицер вошел первым, остановился, учтиво указал рукой.

— Сюда, глерд.

Лестница ведет как на второй этаж, так и вниз, но мне почудилось, что там точно не винные подвалы. Гвардейцы выстроились так, что за спиной у двери их больше, не выскочить уж точно, а свободно только вниз.

Стараясь выглядеть беспечным и любопытствующим, все-таки из-за моря, я пошел по ступенькам вниз, поглядывая на стены с выступающими пилястра-

ми, как-то не к месту здесь, похлопывая по перилам, а когда опустился на небольшую площадку, сказал с веселым изумлением:

— О, еще этажи вниз? Странная архитектура...

Бруксбанк сказал все с тем же почтением:

— Нам сюда... Да, по коридору.. Вот в эту комнату.

Он без стука толкнул дверь и, распахнув настежь, кивнул мне.

— Прошу вас, глерд Юджин.

Я переступил порог, разом охватывая взглядом комнату, строго деловую, судя по пуританской обстановке, где только стол, несколько стульев да двое почтенных глердов, беседующих в дальнем углу у высокого подсвечника.

Они оглянулись, один сразу же поклонился собеседнику и торопливо пошел к двери. Тот мазнул по мне, строго посмотрел на глерда Бруксбанка.

— Можете идти, — произнес он ровным голосом. — Охрану оставьте по ту сторону двери.

Бруксбанк поклонился.

— Высокий глерд, но могу ли я...

— Нет, — отрезал он.

— Однако...

— Я вас вызову, — ответил хозяин помещения.

— Как прикажете, — ответил Бруксбанк с неохотой.

Едва он вышел, плотно прикрыв за собой, хозяин комнаты повернулся ко мне.

— Глерд, прошу вас, садитесь. Мы все вам просто безумно рады. Я глерд Родер Вилкнис, мне поручили вас принять... предварительно.

Я сел, поинтересовался учтиво:

— Перед чем?

— Вас захотят увидеть высшие лица, — сообщил он. — Вы первый, кто сумел пересечь это море, что

поистине бескрайне. И не случайно существует устойчивое мнение, что дальше просто конец света. Все, дескать, обрывается, дальше пропасть...

— Думаю, — заметил я, — это мнение поддерживается сверху. Чтобы не слишком нагтели всякие там исследователи.

— Не обязательно, — ответил он уклончиво, — однако же в какой-то мере...

— Вы служба охраны? — спросил я.

Он покачал головой.

— Не совсем так, но у нас не все так конкретно. Некоторые службы перекрывают друг друга. Иногда помогают, чаще мешают.

— Понял, — ответил я. — Уже понял, что у вас за служба.

Он улыбнулся.

— А я понял, что вы не простой бродяга по морям.

— Я грамотный бродяга, — пояснил я. — Когда много скитаешься, много видишь и многое начинаешь понимать. И вообще... дорогой глерд, мы забрались очень далеко от дома и потому наше возвращение становится все более ценным для нашего королевства. Нам нужно закупить провизии и набрать воды, после чего мы отбудем. Мы не создадим вам никаких трудностей... вы нас понимаете?

Он ответил несколько кисло:

— С трудом.

— Почему?

— То, что вы очень издалека, видно по конструкции вашего удивительного корабля. Я просто не мог раньше и представить, что такие огромные строить возможно.

— Надеюсь, — сказал я, — по умелой постройке видно, что это не разбойничий корабль?

Он скупно улыбнулся.

— Никакие разбойники не способны построить даже лодку, не говоря уже о корабле. Расскажите о своем королевстве побольше?

Я сказал осторожно:

— Глерд, я расскажу только то, что не является государственной тайной... То есть все, что касается моды, обычаев, ритуалов, но умолчу о наших военных силах, крепостях и прочих оборонительных сооружениях.

Он посмотрел с интересом.

— Я даже не намеревался спрашивать такое... полагал, что купцы не знают. Но... вы не простой купец?

— Не простой, — подтвердил я, чувствуя, что допустил промах, — я купец-авантюрист. Мне мало просто прибыли, мне надо еще и приключений!.. И побольше. Потому знаю больше, чем простой купец, но меньше, чем государственный служащий.

Он сказал со скрытым значением в голосе:

— В нашем городе этого больше, чем нужно. Но я человек закона, потому могу вам показывать город только с парадной стороны, а злачные места обойдем. Хотите взглянуть на дворцы высших глердов?

— Хочу, — ответил я. — Если, конечно, это не затруднит вас.

— Ничуть, — сообщил он. — Вы первый капитан, который сумел пересечь море!.. Я уже сообщил о прибытии вашего корабля в Торговую палату, но, думаю, вами заинтересуются и королевские ведомства.

Я покачал головой.

— Глерд, я не уполномочен вести переговоры от имени моего королевства. На самом деле, если честно, я ни в чем не уполномочен. Рискованный рейд через море совершили на свой страх и риск.

Он сказал бодро:

— Тем выше ваша слава. Но если не хотите общаться с государственными служащими, то вам интересно будет поговорить с местными купцами?

В его сдержанном голосе таилась ловушка, я сказал с наигранным восторгом:

— Да! Мне удобнее говорить с такими же, как и я. Пусть не настолько отважными, но готовыми торговать, открывая новые пути.

Он улыбался любезно, но глаза нехорошо сузились.

— Глерд, буду счастлив проводить вас в Торговую палату.

— Что, — спросил я с недоверием, — там еще заседают?.. Уже скоро ночь, люди отдыхать должны...

— Кто-то ушел, — ответил он слишком ровным голосом, — кто-то остался... В таких местах, где можно что-то урвать, жизнь кипит днем и ночью.

— Да, — согласился я. — Купцы... они такие. Выгоды не упустят. Хорошо, я вообще-то тоже киплю днем и ночью.

Он поднялся.

— Тогда прошу. Я сам вас проведу. Это близко.

Глава 9

Он распахнул дверь, я невольно вскинул ладонь, прикрывая глаза от яркого света, свечей не меньше сотни в многогогих светильниках вдоль стен, комната просторная, два продолговатых стола, в креслах не меньше двух дюжин мужчин, все немолодые, солидные, такие могут быть как крупными купцами, главами гильдий, так и промышленниками, хотя некоторых я определил как государственных служащих, что-то в их лицах проступает эдакое с особенностями.

Опасности не чувствую, только настороженное любопытство, а глерд Вилкнис провозгласил с подъемом:

— Дорогие друзья! Счастлив первым представить вам человека из королевства Гаргалот, сумевшего на своем удивительном корабле пересечь море!.. Наши таможенники сперва просто не поверили своим ушам... Но если бы видели, на каком корабле этот человек со своей командой прибыл...

Он улыбнулся мне.

— Глерд?

Я ответил с поклоном:

— Это я счастлив, мне удалось то, что хотели бы многие, но почти никто даже не решался... А кто решался, то, видим по результатам, доплыть не сумел. У нас на корабле не осталось ни куска хлеба, мне нужно купить у вас провизии на весь обратный путь и, конечно, пару десятков бочек с чистой водой.

Один из сидящих за столом сделал пренебрежительный жест, словно отмахнулся от мухи.

— Глерд... какие покупки? Мы счастливы загрузить ваш корабль за свой счет. И будем благодарить вас за такую честь. Просто расскажите нам побольше о своем королевстве, чтобы мы поскорее сообразили, чем с ним торговать...

Никто его не перебивал, чувствуется его доминантность, но и остальные крепкие самцы, от них исходит аура власти и могущества, странноватые какие-то купцы, не то еще время, чтобы у них уже появилась власть, как бы рановато.

Я пробормотал:

— Да что рассказывать? Просто спрашивайте...

Глерд Вилкнис подсказал за моей спиной:

— Сперва расскажите вы. О своем королевстве, климате, обычаях, а здесь пока сформулируют вопросы...

— Ладно, — сказал я, — думаю, ничего интересного...

Придумывать особенно не пришлось, хотя что-то, конечно, перепутал в истории Столетней войны и Крестовых походов, а также религиозных войн, но так как рассказывал реальные истории, а не придумывал, то все эти якобы купцы и торговцы, внимательно наблюдающие за моим лицом, понимают, что не вру.

Чтобы не дать угаснуть интересу, время от времени рассказывал историю Сида, пересказал Песнь о Роланде, легенды о короле Артуре, о рыцарях Круглого стола и любви Ланселота и Гвиневры, рассказал, как одно королевство собиралось захватить другое и построило для этого Непобедимую армаду, в которой было двести огромных судов и тысяча мелких, но внезапная жесточайшая буря налетела внезапно и половину кораблей потопила сразу, а остальные отнесла далеко и часть выбросила на берег.

Во время моего рассказа в комнату заходили некие люди, некоторые оставались и слушали, другие что-то шептали на ухо глерду Вилкнису или тому властному доминанту и тут же уходили.

Вилкнис, блюдя честь королевства, всякий раз виетиевато извинялся, дескать, рабочая рутина, и просил продолжать.

Когда все заканчивалось, это уже где-то около полуночи, к глерду Вилкнису подбежал один из коридора, что-то жарко пошептал на ухо, кося в мою сторону любопытным глазом.

Он вздрогнул, выпрямился, мне показалось, что готов возразить, но передумал, повернулся ко мне.

— Глерд Юджин, вы устали. Глерды, вы услышали много удивительного, потому осмыслите, а завтра ждем ваши предложения. В том числе и по торговым соглашениям. А я проведу глерда Юджина.

Я поднялся, сказал с благодарностью:

— Вы правы, никогда не думал, что так быстро устану.

— Это берег, — ответил он без улыбки. — Здесь не качает.

— Верно, — согласился я. — Все-таки на море мы дома, на берегу — в гостях.

В коридоре с десятков королевских гвардейцев тут же взяли нас в коробочку и так бы двинулись обратно, как я понял, а Вилкнис, заметив мой косой взгляд на гвардейцев, сказал успокаивающе:

— Это почетный караул. Для особо уважаемых гостей. У нас так принято. Прошу вас, глерд...

Он сам распахнул передо мной двери, я перешагнул порог и сразу ощутил, что неприятности вот они. Хотя и нет того холода, когда грозит именно смерть, но в комнате три человека в богатых одеждах и с золотыми цепями на груди, все трое настроены резко враждебно, это не только чувствую всеми фибрами, хоть и не знаю, что это, но и вижу на их лицах и в их глазах.

Вилкнис сказал торопливо и как-то виновато:

— Глерд Юджин, прошу вас сесть... У наших высших глердов появились к вам вопросы. Глерд Энтори Хамильгерн, прошу вас.

— Слушаю, — ответил я сдержанно, оглядел их внимательно и сел.

Один из присутствующих посмотрел на двух соратников, словно спрашивая разрешения, те наклонили головы.

— Глерд Юджин, — проговорил он ровным голосом, — это ваше настоящее имя? Ладно, пока это неважно. Должен сообщить вам неприятную новость.

Сердце мое застучало тревожнее, я пробормотал:

— Я готов... выслушать.

Он произнес ровным голосом и не отрывая взгляда от моего лица:

— Ваш корабль... задержан. Разумеется, временно.

Я вздрогнул.

— Что?.. Зачем это вам? А люди?

— Они тоже временно задержаны, — сказал он с подчеркнутой любезностью. — До выяснения. Завтра начнем допрашивать по одному, сверять сведения, кто-то да проболтается... А вы можете сейчас все рассказать честно и открыто. Кто вы, зачем здесь, почему у вас такой странный корабль?..

Я покосился в сторону распахнутой двери. Вошли и встали по обе стороны четверо здоровенных гвардейцев с копьями, а еще видно, что в коридоре ждет целый отряд. Чуть погодя в комнату вошли четверо арбалетчиков и тут же взяли меня на прицел.

— Глерд Хамильгерн, — сказал я горько, — вы делаете ошибку.

— В чем же? — спросил он.

— Мы просто исследователи, — пояснил я. — Путешественники. Любопытные, как все люди... но достаточно смелые, чтобы пойти за своим любопытством. Ничего больше.

Он вздохнул.

— Глерд... я не сомневаюсь, что вы глерд, хотя глерды бывают и разбойниками. Вас сейчас отведут в охраняемое место, подумайте хорошенько. Мир жесток, глерд. Если начнете запираяться...

Он не договорил, я после паузы сказал хмуро:

— Будете пытаться, да?.. Но вы ничего другого не услышите.

— Желание человека знать больше, — заметил он, — неистребимо. Мы будем стараться узнать до вашего последнего вздоха.

— А почему бы не поверить, — спросил я с надеждой, — что мы просто отважные путешественники?

Он кивнул.

— А я верю. Но вы первые люди с той стороны моря, так что сами понимаете, насколько вы ценный источник сведений. К тому же, понимаете, мы не можем вам дать вернуться.

— Почему?

Он осмотрел изумленно.

— Разве вы не видели, как именно укреплен порт? Какие где ограждения? Сколько у нас кораблей и как оснащены?... Ваш корабль превосходит наши, а это значит, мы можем не устоять перед вторжением вашего флота!

— Зачем нам вторгаться? — возразил я. — У нас там свои проблемы. Сказать, что мы мирные люди, не поверите...

— Не поверю, вы правы.

— Тогда поверьте, что у нас своих проблем хватает. Заговоры, мятежи, столкновения с соседями...

Он кивнул.

— Вот-вот. Там у вас с соседями равные силы, а здесь вы наткнулись на королевство, где флот заметно слабее, а это значит, и само королевство можно захватить, а людей поработить.

Я вздохнул.

— А потому такие предосторожности? Даже арбалетки, что могут, если рванусь, и своих перестрелять?

Он вздохнул.

— Простите, глерд, но сейчас вас обыщут, тогда лишние уйдут. А то ходят слухи о чародеях с амулетами, защищающими от стрел и даже мечей. У нас не встречаются, но, по летописям, были в старину, а у вас там могут быть и сейчас.

— Делайте, — сказал я сломленным голосом, — что хотите. Мне так горько, что нам не верят... Я ожидал, уж простите, более теплый прием. Все-таки мы первые пересекли море!

Он сказал почти с сочувствием:

— Понимаю. Однако высшие государственные интересы...

— Я вас тоже понимаю, — заверил я. — Но жизнь бывает жестокой не только к жертвам.

Он кивком головы указал на меня гвардейцам.

— Обыскать!

Я заметил, что один из гвардейцев ну точно не гвардеец, прикасался ко мне совсем не обыскивающими движениями, а словно пытался нечто ощутить в моем теле или, точнее, моей одежде, однако я здесь в обычном одеянии нижнедолинца, ничего интересного, и он первым отошел от меня, кивнул Хамильгерну.

— Ничего.

Гвардейцы тоже один за другим отходили от меня, взгляды разочарованные, точно надеялись отыскать хотя бы спрятанный нож, чтобы просить награду за усердие.

Команда арестована, билось в голове, а это значит, мои меры предосторожности ничего не дали. Или здесь специалисты лучше, чем я предполагал. Должны быть лучше, чем в Дронтарии: это они навязали Дронтарии кабальный договор, а не Дронтария им...

Все же меня вели не просто под конвоем, а под усиленным: трое по бокам, два сзади с почти упирающимися мне в спину острыми копьями, и двое впереди, что бдительно следили, чтобы никто не попался по дороге.

Я надеялся, что после обыска меня поместят вместе с моим экипажем, если он в самом деле захвачен, однако привели в то самое здание, что в первый раз, только опустили на четыре этажа вниз, запах там не просто

затхлый, а вовсе отвратительный, провели в самый конец, где и втолкнули в крохотную комнатку, выдолбленную прямо в скале, такие называют каменными мешками.

Дверь из толстых дубовых досок, такую не выбить, я обернулся в камере, гвардейцы уже уступили место тюремщикам, толстым и здоровенным, но и те на меня посмотрели с опаской, я не уступаю им ни по росту, ни по ширине плеч, но выгляжу мускулистее, это заметно.

Один сказал рыкающим голосом:

— Здесь все охраняется как снаружи, так и внутри, понял?

— И что? — спросил я.

Он повысил голос:

— Это к тому, что если начнешь шуметь, тут найдется, кто тебе переломает ребра!

— Это хорошо, — сказал я. — Обожаю, когда мне ломают ребра. В котором часу ужин?

Оба загоготали, словно я сказал что-то жутко смешное, отступили за порог. Дверь захлопнулась, тюремщик с грохотом задвинул засов, я слышал как со скрипом всаживает в петли дужку громадного замка.

Была мысль сосредоточиться и попробовать ускользнуть из камеры через портал. Правда, всего на шаг, от силы на два, но все-таки свобода по ту сторону двери, однако какая это свобода, если пробиваться еще четыре этажа вверх, а после путешествия через портал буду слабее мокрой курицы.

Долго думал, ничего умного в голову не лезет, кроме как вступить в переговоры и как-то уболтать, я должен быть в этом сильнее этих питекантропов.

Выждав некоторое время, постучал в двери кулаком, потом ногой. Долго никто не показывался, я бил

ногой, но кроме меня никто грохота вроде бы и не слышит. Либо слышат, но лишь посмеиваются, дескать, пусть побесится...

— Хорошо же, — прорычал я, чувствуя, как злость уже захлестывает так, что какие тут придуманные демократические ценности, есть только реальные и общечеловеческие: человек человеку люпус эст, да еще такой люпус, что четвероногий люпус поджал бы хвост и убежал, тоненько визжа, при виде двуногого собрата.

Дверь из плотных дубовых досок, но здесь я уже видел, в каком месте прибит засов, когда еще только подводили к этой двери снаружи, сейчас вытянул вперед руку и согнул указательный палец.

Рукоять пистолета возникла в ладони, сразу грянул выстрел. Пуля пробила толстую дверь насквозь, я чуть сместил ствол и выстрелил несколько раз подряд, после чего саданул ногой.

Затрещало, но дверь устояла. Не желая стрелять снова, я ударил дважды, и она распахнулась, позвякивая наполовину оторванным засовом.

Со стороны коридора донеслись неторопливые шаги, ага, идут умирять разбушевавшегося арестанта, хорошо, идите.

Я выждал, в поле зрения появились два тюремщика, оба сытые и с такими лоснящимися от жира мордами, будто подбирали ими мелкие куски сала прямо с пола.

У одного пояс оттягивает громадная связка ключей, второй среагировал раньше: охнул и выпучил глаза.

— А ты как сумел...

Первый вскрикнул тонким поросычьим голосом:

— Надо звать стражников!

Он развернулся, готовый бежать за подмогой, я сказал зло:

— Вас же двое, что ж такие пугливые орлы? А как насчет переговоров?

И сразу открыл стрельбу из двух пистолетов, сцепив кулаки, сильные в переговорах не нуждаются. Их тела задержались, один рухнул вниз лицом мне под ноги, второй успел повернуться, намереваясь удрать, я про-садил его насквозь со спины, мне можно, я демократ и голосую за либеральные ценности.

Они хрипели и дергались в агонии, я с трудом пере-вернул того, у которого связка ключей, сдернул с пояса и пошел, брезгливо обходя вытекающие из-под них ру-чьи крови.

Издали донеслись голоса, свернул в длинный кори-дор, там в ряд такие же двери из толстых досок.

Голоса становятся громче, я крикнул властно:

— А ну тихо там! Сейчас открою!..

После двух поворотов ключа замок повис на петле. Я вытащил дужку и отбросил в сторону. Дверь распах-нулась, десяток оборванных и худых мужчин в страхе отшатнулись, глядя вытаращенными глазами.

— И свобода, — сказал я, — братья-душегубы, вас примет радостно у входа... только мечи сами возьмите у тех героев в коридоре. Кто знает, новеньких сегодня ночью приводили?

Все молчали, только один наконец сказал из задних рядов:

— Если привели, то здесь камер много... А новое здание для тюрьмы только строят.

— Большое? — спросил я.

— Громадное, — заверили меня сразу несколько го-лосов.

— Демократия на марше, — сказал я с понимани-ем. — Вот ключи от остальных, как думаю, камер. От-

кройте все, но к выходу пока не рвитесь, там охраны побольше. Я пойду впереди, а вы держитесь сзади.

Несколько голосов с радостью закричали:

— Да, господин!

— Как скажете!

— Вам виднее...

— Мы за вами...

Тюрьма в самом деле оказалась битком набита заключенными, потому и охраны немало. Я поднимался по лестнице выше и выше, стрелял, сцепив зубы, мстил за подлое предательство и плен.

На каждом этаже свои тюремщики с ключами на пузе, а когда я переступал через их тела и шел дальше, прущая за мною толпа жадно хватала ключи и открывала за моей спиной одни за другими двери.

Когда поднялись на первый этаж, я уже начал тревожиться за своих, но чуть ли не в последней камере отыскались Фицрой, Грегор, Ваддингтон и остальные с корабля.

Они выскочили в просторный холл, обозленные и пристыженные, я не стал слушать их оправдания, крикнул:

— Нас обманули! Меня обманом, думаю, и вас. Потому и мы свободны от всех правил благородной войны. Жаль, убивать и грабить вволю не получится...

Фицрой вскрикнул:

— Почему?

— Некогда, — ответил я. — Мы в чужой стране, нужно убегать на причал к своему кораблю, если он еще там.

Фицрой сказал всем:

— Но по дороге можете всех, кто попытается остановиться или хотя бы замедлить наше победное и триумфальное бегство!

Джонадер прорычал:

— Уж я отыграюсь...

Фицрой сказал мне виновато:

— Меч мой забрали...

— Все потом, — крикнул я. — Вон уже тревогу подняли!.. Все в порт, все в порт!.. Если нашего корабля там нет, захватим чужой!.. Вперед, вперед!.. Бегом!

Снаружи звездная ночь и одна-единственная луна, но зато такая, что мелатонин под ее светом точно вырабатываться не будет, видно почти как днем.

Я придержал Ваддингтона за рукав.

— Глерд, примите мои извинения. Вы были совершенно правы! Я вел себя глупо, самоуверенно и безрассудно.

Он вскрикнул с неловкостью:

— Перестаньте, глерд! На вашем месте я бы поступил, как вы. Положение командира обязывает... А теперь давайте побыстрее к причалу. Насколько я понимаю службу королевской охраны, нас могут успеть догнать, здесь как раз достаточно близко...

Глава 10

Фицрой запомнил дорогу лучше всех, а Понсоменер подсказывал, где свернуть в какой переулок, чтобы не наткнуться на городскую стражу, они и повели нашу команду.

Я заметил, что нас вроде бы стало больше, еще четверо увязались за убегающими в сторону порта, в то время как остальные освобожденные из тюрьмы ринулись переулками в город.

Там сразу же залаяли собаки и зловеще прозвучал медный гонг, сигнал тревоги.

Ваддингтон крикнул мне на бегу:

— Не отвлекайтесь, командир!.. Я примкнувшими сам займусь!

— Вы тоже ни на что не отвлекайтесь, — велел я. — В порту вести себя тихо. Если корабль у пирса, захватить, но не рискуйте слишком...

Он недослушал, унесся следом за командой, только Фицрой оглянулся, остановился резко.

— А ты чего?

Я гаркнул:

— Беги с ними! Во главе!

Он крикнул оскорбленно:

— Вот еще! Я трусливее всех, да?.. Смотри, эти гады как знали, что вырвемся из тюрьмы! Целый отряд прямо от дворца прет в нашу сторону!

Я прокричал зло:

— Не отведешь всех к кораблю — мы не друзья! Я придержу погоню!

— Ладно, — крикнул он. — Только не задерживайся, а то уплывем без тебя...

Он ринулся догонять бегущих, как стадо оленей, а я не остался на середине дороги, слишком картинно, да и хорош как мишень, а стоптать кони могут даже с опустевшими седлами, отступил за угол, и как только всадники оказались на прицельной дальности, открыл стрельбу, прислонившись для устойчивости к стене.

Кони дико заржали, передние две лошади упали, подминая всадников, еще трое споткнулись о них и грохнулись, перевернувшись через головы, а я продолжал торопливо палить из обоих стволов.

Дикие крики боли и страха, топот копыт и ржание заполнили улицу. Я оглянулся, наши удаляются быст-

ро, ринулся за ними следом, задевая плечами углы, перепрыгивая корзины и ящики вдоль стен домов.

В какой-то момент ощутил опасность сзади, быстро дернулся под защиту стены, обернулся и тут же выстрелил, почти не глядя. Раненый конь поднялся на дыбы, всадник не удержался и вылетел мне под ноги, в роскошных доспехах, шлем с гребнем.

Я выстрелил в лежащего, демократу все можно, огляделся и ринулся со всех ног. Город начал просыпаться от странного шума, навстречу и даже из боковых улиц трижды выбегала городская стража, я делал зверские рожи, стрелял в упор и бежал за своими.

На причале суматоха, там встретила многочисленная стража, что была свидетелем, как захватили корабль и уводили по пирсу пленных, начался бой, Фицрой первым отнял у кого-то из охраны меч и с диким криком бросился рубить врага.

Я вздохнул с великим облегчением, наш корабль стоит там, где и стоял, только к причалу подтянули вплотную, явно не решились на ночь глядя управлять чужим парусом, таким громадным.

Я заорал Ваддингтону:

— Быстро на корабль!.. Если там охрана — убить и выбросить!

Тот крикнул бодро:

— Сделаем!

Стража порта надела с трех сторон, я сперва стрелял, но когда стиснули со всех сторон, дрался озверело, сам себе изумившись, кто бы сказал, что я могу так драться, никогда бы не поверил, но они все двигаются почему-то медленно и скованно, а я втрое быстрее и резче, кулаки мои бьют как молоты, слышу сочный треск костей, бью ребром ладони и кулаком, локтем,

коленом, бросаю в стену ограды или на пол с такой силой, что уже точно не сдвинется.

Фицрой увидел, ахнул:

— Да тебе оружие разве что для красоты!

— Люблю красивое оружие, — подтвердил я хриплым голосом, в горле саднит, выплюнул комок крови, не понял, чего это он и с какой стати, — оружие... это...

— Это все, — договорил он. — Бежим, начинают окружать...

— Прорвемся, — заверил я.

Но остатки охраны, ощутив, что свалить нас не удастся, дрогнули и отступили. Я выстрелил еще несколько раз, уже без необходимости, азарт есть азарт, Фицрой с разбега прыгнул через борт, заорал оттуда:

— Быстрее!..

Я оглянулся, слышав приближающийся конский топот, со стороны города к пристани несется конный отряд в пару сот человек, с таким мне не совладать, если не дрогнут, а все пойдут в атаку.

— Рубить канат! — заорал я. — Отойти от пристани!.. Подальше, чтобы и арбалетными не достали!

Фицрой крикнул:

— А ты?

— Выполняй, — гаркнул я и, выставив перед собой пистолеты, начал стрельбу.

Краем глаза видел, как блеснул меч Фицроя, обрубая канат, что держит корабль на привязи у пирса. Джонадер и команда поспешно поднимают рею с парусом, корабль сразу подхватило то ли ветром, то ли местным течением и начало относить от причала.

Я продолжал стрелять, несколько передних всадников рухнули вместе с конями, остальные замешкались, объехать никак, двое из раненых вообще рухнули с пирса в воду, а я отступал мимо массивных обруб-

ков дерева, за которые закреплены канатами корабли, стрелял и стрелял, а потом повернулся и ринулся со всех ног по дощатому настилу пирса.

Услышал, как за моей спиной грозно загремели, приближаясь, конские копыта, ощутил и близкую опасность, но, разбежавшись, почти ощутил над ухом конский хrap, однако с силой оттолкнулся и прыгнул далеко в темную воду.

Конных арбалетчиков вроде бы не существует, так говорят, но на всякий случай проплыл под водой как можно дольше, высунулся между волнами, снова хватанул широко открытым ртом воздух, пока не успела накрыть волна, и снова нырнул, взяв точнее направление к уплывающему кораблю.

Когда вынырнул в третий раз, рискнул оглянуться, но на причале заняты тем, что вытаскивают из воды сорвавшихся в погоне за мной самых отчаянных и безрассудных.

Я вздохнул с облегчением и пошел быстрым брасом вслед за кораблем. Тот вскоре остановился, а я перешел на кроль и уже хвастливо поплыл к кораблю на полной скорости.

Мне сбросили веревочную лестницу, я не успел подняться, как ее схватили и потащили вверх со мной вместе.

Фицрой крикнул с гордостью:

— Меня тут чуть не убили, когда я обрубил канат!.. Свои!.. Не думал, что за тебя хоть кто-то вступится.

Грегор пробасил с неловкостью:

— Кто ж знал, что у вас договорено... Мы только увидели, что он бросает вас на берегу, а там целый отряд...

— Все в порядке, — сказал я успокаивающе. — Фицрой, мою винтовку тоже забрали?

Он ухмыльнулся.

— Да, конечно. Я хитрый. На всякий случай, как только вернулся на корабль, принял меры... Эй, Понсоменер!

Понсоменер подбежал, взглянул на Фицроя, тот кивнул, и парняга без разбега прыгнул через борт.

Фицрой схватил свернутую веревочную лесенку и бросил конец следом.

— Сейчас увидишь...

Через минуту между волнами у борта вынырнула голова Понсоменера, Фицрой указал на лесенку в двух шагах левее, Понсоменер с трудом подплыл, ухватился и начал взбираться, держа в одной руке мой мешок с винтовкой.

Я упал на колени и поспешно разодрал в стороны липучку, выхватил винтовку, в водонепроницаемом мешке она в полной сохранности.

Фицрой сказал довольноно:

— Понсоменер прыгнул с мешком и веревкой за борт, там привязал под днищем у самого киля. С корабля все унесли еще при нас, но под него заглянуть не догадались!

Грегор крикнул:

— Вон там корабли идут наперерез!

— Быстро они, — сказал Фицрой с тревогой. — Дисциплинированный народ. Или здесь только армия...

— Тем хуже для них, — сказал я люто. — Эти сволочи ответят за все! Даже за то, что я в семь лет с самоката упал и ногу вывихнул.

Он жадно смотрел, как я опустил ствол на край борта, сосредотачиваясь, давно не создавал зажигательных пуль, вдруг да не получится... Тем более что просто зажигательных сейчас практически нет, разве что в музее, я разбирал и кое-как создавал бронебойно-зажигательные и зажигательно-разрывные...

С третьей попытки пуля все-таки появилась, я поспешно нажал на скобу. Идущий наперерез нам корабль прет, как и шел, я напрягся, создал еще и еще, но только с пятого выстрела нос судна расцвел пламенем.

Фицрой довольно вскрикнул, я выстрелил еще трижды, уже точнее. В парус стрелять бесполезно, пуля проходит насквозь, не успевая воспламенить, но когда всадил в мачту, там сразу вспыхнул жаркий огонь, побежал вверх, а парус загорелся с величайшей готовностью.

За нашими спинами Грегор орет, торопя матросов, корабль заметно наклонило, избегая столкновения с загоревшимся, я перенес огонь на два, что прут за ним, и поджег оба после десятка выстрелов.

Фицрой крикнул победно:

— Все!.. Они горят!

— Это не все, — сказал я злобно. — Грегор, пройди на малом ходу мимо пристани. Да поближе!

Грегор крикнул:

— Есть, капитан!

Но в голосе звучала опаска, даже Фицрой посерьезнел.

— Ты что задумал?

— Хамильгерн слишком уж ликовал, — ответил я. — Надеялся на щедрую награду от короля за нашу поимку! Вот теперь пусть расскажет, что я говорил насчет как аукнется, так и откликнется.

Фицрой покачал головой.

— Ух ты ж и злобный.

— Я адекватный, — огрызнулся я. — Меня не трогай, и я никого не трону.

— Правда?

— В общем, — ответил я. — Исключения не в счет. По крайней мере, так справедливо, хотя кто теперь

знает, какая она, справедливость? Но зло должно быть наказано! Я Вельзевул... или как там у нас ангел мести?

Фицрой пробормотал:

— Впервые слышу.

Грегор уже развернул корабль и вел его к пристани. Там начала собираться толпа в блестящих в лунном свете доспехах, видно и без оптического прицела, суется и машут руками, но в жестикуляции больше растерянности, чем угроз, хотя есть и такие, вижу, что прямо вот рвут нас на части.

Не дожидаясь, когда подойдем ближе, я начал посылать пулю за пулей сперва в толпу, а когда там начали разбегаться, оставив несколько неподвижных тел, перенес огонь на застывшие у причала корабли.

С такого расстояния промахнуться невозможно, да еще в такие крупные цели, и несмотря на то, что наш корабль на ходу покачивается, я всаживал зажигательно-разрывные в борта и, едва там вспыхивало пламя, брал на прицел новые корабли, суда, склады, амбары, даже приготовленные для погрузки ящики и бревна отборного корабельного леса, очищенного от коры и уже тщательно высушенного.

Когда пламя начало разгораться в десятке мест и стало видно, что никакие силы не погасят общее пожарище, я взял на прицел окна далекого дворца и выстрелил несколько раз.

Фицрой проговорил за спиной тихонько:

— Здорово... Такое в порту запомнят.

— В порту? — спросил Ваддингтон. — Такое запомнит и его величество король Ваннел Гиллеспай.

— А особенно Хамильгерн, — сказал Фицрой кроважно. — Ишь, красивый захват совершил, обещал сгноить нас в тюрьме! Или в каменоломнях. Да и все

те сволочи, что самовольно приняли решение о захвате корабля...

За его спиной довольно всхрюкивали счастливые матросы, поднимали сжатые кулаки, орали и выкрикивали оскорбления, хотя на берегу, понятно, не слышат.

Я выпрямился, опираясь на винтовку.

— Все видели?.. Мы в самом деле можем давать сдачу. Вы сделали верно, поклявшись мне в верности. Мы совершим великие дела! А кроме того, каждый из вас вернется домой богатым человеком.

Ваддингтон подошел, глаза горят восторгом, лихо отдал честь.

— Командир... я переговорил с теми, кто прибил к нам. На мой взгляд... впрочем, вам лучше взглянуть самому.

Он крикнул повелительно, из задних рядов вышли четверо мужчин. Поглядывают опасливо, все крепкие и мускулистые, лица растерянны-злые, на меня смотрят со страхом и восторгом.

Я поинтересовался медленно:

— Почему побежали с нами, а не со своими?

Они неотрывно смотрят на меня, словно не поняли, а один сказал гулким сильным голосом:

— Там нет наших.

— А кто?

— Ворье, — ответил он пренебрежительно. — А мы из племени моуранов. Пригнали скот на продажу, а нас обвинили в каких-то нарушениях и бросили в тюрьму.

— Но все-таки там гарнцы, — напомнил я. — А мы издалека.

— В городе все равно всех схватят, — сказал он пренебрежительно. — А за побег наказание суровое.

— Потому безопаснее с нами?

Он сказал с уважением:

— Вы освободили всех, глерд. Мы вам обязаны. И пока не вернем долг, мы по законам нашего клана должны служить вам.

Я отмахнулся.

— Пустяки, я освобождаю от клятв.

Он покачал головой, взгляд моментально стал гордым, даже с некоторой надменностью и высокомерием..

— Никто не может освобождать от долга! Потому пойдем с вами. Или просто убейте нас, чтобы мы не по своей воле не смогли выполнить то, что делает мужчиной.

Ваддингтон пробормотал:

— Люди чести. Командир, если решитесь взять, я пристрою всех четверых. У меня трое погибли, самые лучшие, успели схватиться за оружие и дать отпор... А вернусь к его величеству с отрядом на одного больше.

— Хорошо, — ответил я. — Берите под свою руку. Но не торопитесь так уж быстро вернуться в Шмитберг.

Ваддингтон сказал живо и с заметной радостью:

— Как прикажете, глерд! Я счастлив быть полезным... Эй вы! Пойдемте, придумаем, чем вас занять...

Я приложил к глазу окуляр оптического прицела, так приятно смотреть на горящие склады и корабли. За спиной переговаривается команда, Грегор подошел и тоже некоторое время молча смотрел на пылающий город.

— Хорошо, — сказал он, — но только нам не легче...

Я спросил с недоверием:

— Точно?

Он усмехнулся.

— Я имею в виду, что воды не получили, провизии тоже нет... Что делать, командир?

— Справимся, — ответил я твердо. — Высматривайте чужие корабли!.. Нас обидели, теперь у нас пол-

ное право на ответное обижание. А когда мы начинаем обижаться сами, пусть не жалуются.

Он сказал вопросительно:

— Будем грабить?

— Еще как, — сообщил я. — Попиратствуем... или покорсарствуем? Даже не знаю, что выбрать. А есть еще буканьеры, флибустьеры, каперы — такое богатство возможностей для гуманиста и демократа, борющегося за свободу личности и права человека!.. Широкий человек, широк, особенно в таком приятном и нужном для демократии деле...

Фицрой подошел, сказал с облегчением:

— Кстати, команда у нас вполне. Не поверил бы, но сам убедился. Никто не сказал, что на корабле такой особый арбалет, что дырявит борта чужого корабля на расстоянии в полмили!.. А могли бы, чтобы получить награду. Или хотя бы свободу.

Я кивнул.

— Отлично. Заодно и команду проверили. Хотя я и так на них полагался, но, как говорил отец народов, доверяй, но проверяй... Эй, Джонадер! Тебя вроде бы заперли в другую камеру? Вспомни, никто не проболтался, откуда мы?.. Это просто удивительно!

Он ухмыльнулся во весь громадный рот.

— Я сам удивился, высокий глерд. У нас же почти треть команды из пиксийцев!.. Когда нас взяли, я все ждал, кто-то заорет, что он не отсюда, пленный и все такое. Но то ли нас побоялись, то ли ждали более удобного случая... к примеру, когда поодиночке начали бы допрашивать... Однако не успели, к утру вы нас освободили так красиво и героически!

Фицрой сказал задумчиво:

— Или же пиксийцы не очень обожают Гарн, соперничающее с ними королевство.

— Тоже может быть. Совместно грабят Дронтарию, но друг друга ненавидят и боятся. К счастью для них, между ними Дронтария, а то бы уже истребляли друг друга в битвах и жгли города и села...

Я повернулся к Фицрою.

— Давай колись, как вас захватили?

Он ответил, отводя взгляд:

— Стыдно признаться, но без всякого боя. Умелые они, Юджин. Как я понял, то и дело воюют с Шантелем, это королевство восточнее Гарна, а на море у них вообще не прекращается война.

— А захватили вас как? — напомнил я.

Он сказал нехотя:

— Те, что остались на корабле, думали, что в безопасности, когда убрали сходни и отплыли малость. Но гарнцы, оказывается, хорошие пловцы. Я оставил одного на клотике наблюдать за берегом, тот клянется, что ни одной лодки не сдвинулось с места!.. Но гарнцы подобрались вплавь, закинули веревки с крючьями... А когда уже взобрались и приставили нашим спящим ножи к горлу... Трое гвардейцев все же схватились за мечи, но их убили быстро. Грегор пытался драться, так его просто оглушили по затылку.

— А ты?

Он отметил с еще большей неохотой:

— Тебя пригласили с таким почетом и уважением, что... я решил, дурак, будто тебя ведут к королю пить, пьянствовать и напиваться вдрызг... На корабле ничего не происходит, я решил заглянуть в таверну. Нет, не в городе, я осторожный, а в ту, ты ее заметил тоже, я видел, что на причале. Там выпивка, песни, доступные женщины, веселье, пляски, драки... в общем, жизнь. Я едва заказал себе вина и начал рассматривать женщин на предмет какую пощупать, и мужчин, кому дать

в морду, так что не успел, понимаешь, даже понять, кто и чем врезал сзади так, что очнулся уже связанный, когда тащили по улице.

— Волоком?

Он опустил глаза.

— Нет, вежливо, под руки. Только ноги волочились. Делали вид, что тащат упившегося насмерть. Вроде бы даже переговаривались, что вот их друг снова наложилась так, что руку от ноги не отличает... Это для тех на улице, кто посмотрит.

— Натренированные, — согласился я. — Эта служба у них на высоте. Отлажено.

— Либо преступники очень умелые, — заметил он.

— Либо мятежи частенько, — сказал я. — Как же без них? Скучно.

Глава 11

Ваддингтон сразу же, едва вернулись на корабль, приставил и четверых новеньких к работе, его гвардейцы тоже не сидят без дела в отличие от моих орлов, все-таки военная дисциплина — великое дело.

Видимо, следующие экипажи нужно набирать по большей части из королевских гвардейцев или хотя бы вводить их в состав экипажа. И как пример послушания и работоспособности, да и, чего греха таить, для профилактики возможных мятежей и попыток захвата корабля.

А еще на корабле оставались двое гарнцев, их застигли врасплох спящими, никак не ожидали, что под утро, когда спится особенно, кто-то да вернется.

Один успел дотянуться до меча, его сшибли и растерзали, второго, что только-только открыл глаза, крепко избили и связали.

Я рассматривал его без особого интереса, простой солдат, что он знает, потом по форме сообразил, что это из королевской гвардии, а они все-таки знают побольше простых крестьян или рыбаков, велел дать ему вина и приступил к допросу.

— Имя?.. Звание?.. Чин?.. Должность?..

Он помолчал, но вино жадно выпил, чашу осушил до дна. Пил бы и больше, но не налили, на меня поглядывает одним глазом, припухшим и в кровавых жилах, второй заплыл настолько, что даже щель между верхним и нижним веком не щель, а тоненькая черточка.

— Знаете, — сказал я, — как гуманист, я содрогаюсь при мысли, что придется прибегать к пыткам. Но как демократ, стоящий на защите интересов... э-э... демократии, я вынужден делать все, что нужно для культуры и победы гласности. Вы как насчет гласности?

Он буркнул:

— Спрашивайте.

Я сам не ожидал, что допрос продлится так долго, гвардейцы короля в самом деле не крестьяне, знают достаточно много, вельможи разговаривают в их присутствии откровенно, да и как иначе, если они на каждом шагу, неподвижные и молчаливые, как истуканы, в самом деле перестаешь замечать.

— Хорошо, — сказал я и кивнул внимательно слушающему Ваддингтону. — Налейте ему еще вина. Устройство королевства любопытное... но ничего нового. Теперь о тех небоскребах, что на той стороне города... что они собой представляют?

Судя по его лицу, такой термин слышит впервые, однако он понятен, объяснять не нужно, поморщился и сказал нехотя:

— Никто ничего не знает. Там маги. А также всякие там... ну, колдуны, чародеи... Они сами не желают жить

среди людей. Но у слабых мало сил, потому и живут среди нас...

— Это уже что-то, — сказал я заинтересованно, — гуманное общество. Как к ним в народе относятся?

Он пожал плечами.

— Пользоваться пользуются, но если где корова падет, то всем понятно, колдун виноват. Тут же идут убивать и грабить. А для знатных глердов убить колдуна — это как подвиг.

— А сильные?

— Сильным люди не нужны. То ли сами творят себе еду, то ли как-то еще... Обычно уходят и поселяются либо высоко в горах, либо в лесах, а то и вовсе в пустынях... говорят, есть и такие места.

Я вспомнил те высокие башни над городом, по спине пробежал озноб, словно оттуда все еще наблюдают за мной.

— А что насчет тех, кто высоко в башнях над вашей столицей?

Он пробормотал:

— Те хуже всего.

— Опаснее?

— Да, — ответил он. — Их не достать снизу, а башню не разрушить. Либо камень там крепче, чем... камень, либо всякий, кто подойдет близко без разрешения чародея, падет мертвым.

— Ого, — сказал я.

Он потрогал разбитую скулу, поморщился.

— С такими колдунами у правителей обычно, как это сказать, вооруженный мир. Чародеи даже помогают защищать земли, если нападет враг, но все равно королям, как понимаете, глерд, такое ненавистно...

— Еще бы, — согласился я. — Какой король допустит, чтобы кто-то совсем рядом не признавал его власть?.. Тогда нам повезло.

— Что убежали ночью? — переспросил он. — Думаю, колдунам в башнях все равно. Это если бы большая армия подошла и начала жечь город, который чародею зачем-то да нужен...

Я поднялся, кивнул.

— Ладно, лечись. К сожалению, сразу тебя не убили, когда было можно, а теперь вроде бы нельзя, хотя, конечно, можно, но уже нельзя, потому что поздно.

Он снова потрогал скулу, даже сунул палец в рот и пощупал там верхние зубы.

— Благодарю, глерд. По глазам вижу, и город со всеми жителями утопите без всякой жалости, но если что-то вам нельзя, то нельзя.

Я кивнул в его сторону Ваддингтону.

— Он твой.

Тот подхватил гарнца и потащил к выходу, а когда за ними захлопнулась дверь, я повернулся к карте и застыл. Посреди каюты появился рослый и жилистый мужчина с крепким телом, но измученный настолько, словно доживает последние дни жизни: ввалившиеся глаза, под которыми многоярусные темные мешки, похожие на сети для ловли рыбы, желтая кожа лица с отвисшими брылями, запавший рот...

— Ты тоже, — проговорил он, как мне почудилось, с сочувствием, — творишь из пустоты...

Я ответил осторожно, стараясь вообще не шевелиться:

— Да... передвигаю там... в ней...

Он спросил сиплым голосом:

— Отказаться... не можешь?

— А зачем? — спросил я наивно.

Он зябко передернул плечами.

— Ты не можешь не чувствовать ужас... И всю бес-

смысленность... Или как-то защитился? Но от этого нет защиты, потому что... от себя нельзя...

За его спиной возникло кресло, он сел, не глядя, а я смотрел на него со страхом и жалостью. Мошь его чудовищно велика, понимаю, но может создавать только то, что знает и понимает, а понимание у него такое же, как у любого другого в этом мире, в то время как у меня сил в миллион раз меньше, но могу творить, скажем, пистолет и патроны, потому что для меня упорядоченная пустота не совсем как бы пустота...

А самое страшное, он в полной и страшной силе ощутил иллюзорность всего, что нас окружает.

Он может мановением руки создать гору из ничего, и точно так же распылить ее, и сознание того, что все вот так вокруг создано из ничего и может рассыпаться в любой момент, наполняет безнадежной тоской и равнодушием ко всему, потому что ничего на самом деле нет, все ненастоящее, всего лишь чуть перестроенная пустота, не за что держаться, нечего ценить...

Я проговорил, с трудом преодолевая страх:

— Я знаю...

Он спросил хмуро:

— Что?

— Что все... из ничего, — ответил я. — И что это... ужасно. Я знаю.

Он спросил с вялым изумлением:

— Ты... знаешь? И... как с этим живешь?

— Если честно, — признался я, — стараюсь об этом не думать. Живу, как другие живут. Все эти темные материи, квартовые точки, бозоны... все это как бы не существует, когда о них не думаешь. Ну разве простой крестьянин может представить себе, что все мы... из пустоты?

Он содрогнулся, лицо стало бледным.

— Я знаю... что мир... пустота... но мы?

— И мы, — подтвердил я. — Но думать об этом нельзя!..

Он перехватил мой взгляд, полный сочувствия, ему в самом деле жутко, это я знаю о строении атома, и что там пустота на самом деле не пустота, что расположенные на огромных расстояниях один от другого атомы моего тела достаточно устойчивы... не знаю почему, но я верю, что для этого существуют некие фундаментальные законы, и не надо бояться, что я весь из пустоты, нужно только не стараться представить это, иначе в самом деле рехнуться просто...

Он сказал мертвым голосом:

— Ты сделал мои знания еще ужаснее... Я не должен это представлять... и не могу не... нет, нельзя, нельзя...

— погоди! — вскрикнул я. — А как насчет...

Слабо сверкнуло, пахнуло озоном. Он исчез, я застыл с сильно колотящимся сердцем, не понимая, то ли он переместился в свою башню, то ли все-таки представил пустоту на своем месте и... для человека с нашим могучим воображением это чревато. И смертельно опасно.

Кресло исчезло моментально, без всяких эффектов, просто атомы приняли другую конфигурацию, конфигурацию окружающего воздуха...

За дверью послышался веселый голос и топот сапог, Фицрой напевает нечто фривольное, остановился у моей двери, я уже решил, что пройдет мимо, однако дверь распахнулась с треском, что и понятно: у него в одной руке большой кувшин с вином, а другой прижимает к груди две серебряные чаши.

— Есть повод выпить! — сказал он бодро.

— Это хорошо, — ответил я с облегчением. — Наливай! Пополнее.

Он хохотнул.

— Ага, и ты...

— Точно, — согласился я. — И ты пытался представить, что весь мир... пустота?.. Да ладно, шучу..

Он сказал с неодобрением:

— Непонятные у тебя какие-то шутки. Пустота будет в чаше, когда я выпью вино! Но я знаю, как эту пустоту заполнить...

Я жадно пил и думал, что у нас так много защитников памятников старины, истово охраняющих каждый камень старинных боярских усадеб, что им страшно ощущать себя в современном постоянно изменяющемся мире.

Все они инстинктивно избегают ужасающей мысли о невероятном мире впереди, куда прогресс их несет вопреки их желанию, таком сложном, где все не так, а как хорошо на природе, желательно — дикой, чтобы никакой техники, а только трава, вода, небо, чистый воздух...

Но эти люди, хоть и страшатся наступления нового технизированного мира, где всё-всё по сложнейшей науке, сами все же обитают в мире, достаточно насыщенном высоким хай-теком, а вот человеку прямо из Средневековья оказаться в таком мире... да еще узнать и представить... именно представить!.. что все мы состоим из пустоты, из частиц, которые можно переставить и получить такое, что просто не просто...

Фицрой наполнил чашу вином, взглянул на меня исподлобья.

— У тебя все в порядке?

— Да, — ответил я. — А что?

— Да полыхнуло, — сообщил он подчеркнуто безучастным голосом. — Даже через дверь было видно.

— Я ничего не видел, — ответил я. — Тебе почудилось.

— Да? — переспросил он. — Половина команды тоже заметила, кстати. Ну да ладно, я не лезу в твою магию. Допивай и пойдем наверх. Что-то мне стало нравиться стоять на мостике! Сам бы ни за что не поверил.

Мы стояли на капитанском мостике с Фицроем и Грегором, я наблюдал за работой матросов, когда с верхушки мачты Понсоменер прокричал ликуя:

— Корабль!.. Слева по курсу!

Я взбежал на корму, торопливо ухватил оптический прицел. Фицрой и Грегор поднялись ко мне, Грегор дольше всех всматривался в проплывающий вдали крохотный кораблик, лицо сперва озарилось радостью, потом приняло встревоженное выражение.

— Это большой торговый, — определил он. — Идет из Гарна. С грузом, а это значит, направляется в Шантель. Это королевство за Гарном. Туда всегда с грузом...

— Откуда знаешь?

Он ответил скромно:

— В тюрьме чем народу заняться, как не поговорить?

Я внимательно рассматривал корабль в оптический прицел. Большой торговый, так здесь это называется, но всего лишь та же большая лодка с одним-единственным прямоугольным парусом. Очень непрочная конструкция, любая лодка имеет пределы в размерах, увеличить чуть больше, и рассыплется под собственным весом.

— Отчаянные люди, — согласился я. — Если застигнет буря...

Он проговорил:

— Если такая, что трепала нас, этим вообще погибь.

— Значит, — сказал я, — отважные люди. Из Гарна, говорите?

— Из Гарна, — ответил он нехотя. — Отважных в Дронтариин не меньше, только у нас нет кораблей... Глерд?

— Будут, — ответил я на невысказанный вопрос. — Но все нужно делать очень осторожно. Похоже, это море не так уж и велико? В самом деле, гигантский залив. Ладно, потом узнаем, а сейчас идем на сближение.

Фицрой спросил тихо:

— Хочешь захватить?

Я ответил так же шепотом:

— Королевства, навязавшие кабальный договор Дронтариин, должны понимать, что не все примут его покорно. Как два демократа, мы имеем полное моральное право бороться против гнета, сатрапства и несправедливости!.. Ты же, надеюсь, демократ?

Он буркнул:

— Да как-то не всегда хочется быть демократом, судя по твоим отзывам об этих самых. Но сейчас да, я готов бороться. Захватим и утопим? Это точно демократично?

— Точно, — твердо сказал я. — В духе либеральных ценностей двойных стандартов. Как люди широких взглядов, мы должны допускать разные варианты решения проблем.

— Значит, — сказал он с удовлетворением, — утопим. Что-то мне начинает нравиться это дело. Признаюсь, первый раз я все-таки трусил.

— Ты отважен, — сказал я. — Трус никогда бы не признался. Ты держался великолепно, Фицрой! И не догадаться, что ты был на корабле первый раз.

Грегор прокричал вниз:

— Держать парус, идем на сближение!.. Он прет хорошо, но к вечеру догоним!

— Раньше, — сказал я, — у нас парус раз в десять больше.

Он посмотрел на меня счастливыми глазами.

— То-то мне казалось, что не плывем, а летим!.. Как же хорошо, когда корабль такой исполинский, громадный...

Фицрой покосился на меня хитрыми глазами, дескать, он уже знает, что наш корабль еще не самый-самый, в гавани строятся такие, что этот будет смотреться как теленок перед быком.

На том корабле нас заметили, я не поверил глазам, когда они чуть изменили курс и сами пошли на сближение.

— Здорово, — прошептал я. — Это же край непуганой дичи... Наверное, здесь нет пиратов?.. Как же замечательно... Что за цивилизация без преступности на море?

Фицрой спросил опасливо:

— А что... нужна обязательно?

— Еще как! — воскликнул я. — Без преступности нет прогресса! Как технического, так и социального.

— Ух ты...

Я пояснил:

— Ни одно королевство не может считаться культурным, если не знакомо с пиратами или корсарами...

— Несем культуру в массы? — спросил Фицрой приподнято.

— С песнями, — согласился я. — Гордо и самоотверженно. Когда приблизимся на расстояние выстрела из лука, держитесь поближе к укрытиям. Если заметите что-то угрожающее, прячьтесь.

Фицрой взял у меня прицел, долго рассматривал добычу.

— У них пятеро с арбалетами, — сообщил он. — Пока держат у ног, но долго ли поднять...

— Готовьтесь укрываться, — повторил я. — Не хотелось бы терять даже разинь. Все-таки свой дурак дороже чужого умного.

Когда корабли неспешно сблизились на расстояние, с которого можно перекрикиваться без риска охрипнуть, я заорал:

— Эй там!.. Мы из королевства Гаргалот!.. Объявляем это море именем короля его величества короля Фицроя Первого Ужасного нашим!.. Спустите парус, соберите ваши товары, мы их реквизируем во имя гуманизма и либеральных ценностей.

Люди у борта слушали в недоумении, а их капитан прокричал:

— Вы что там за идиоты?.. Это море принадлежит королевствам Пиксия и Гарн.

— Отныне, — крикнул я требовательно, — только Гаргалоту!.. Спустить парус!

Капитан прокричал:

— Идиоты! Наш корабль принадлежит великому королевству Гарн! И всякий, кто посмеет даже косо посмотреть в сторону нашего флага, будет уничтожен...

— Хорошо, — ответил я, — и это оскорбление на общий счет нанижем...

Я соединил кулаки с возникшими в них рукоятями пистолетов, напрягся в ожидании отдачи, указательные пальцы начали с равными промежутками нажимать на спусковые скобы.

Расстояние великовато, первым вскрикнул и ухватился за плечо расфуфыренный франт, стоящий в шаге от капитана слева, вторым вскрикнул и согнулся пополам глерд он него справа, тот все еще не понимал, что

происходит, посмотрел на одного, на другого, и тут две пули ударили его в плечо и в живот.

Я прекратил стрельбу, крикнул:

— Сдавайтесь!

Арбалетчики то ли слышали чью-то команду, то ли по своей инициативе приложили приклады арбалетов к плечам.

Фицрой присел за бухтой толстых канатов, кто-то пригнулся за бортом, но двое закричали от боли и страха, пронзенные массивными арбалетными болтами.

Я тоже было присел, но едва болты просвистели над головой, стиснул челюсти и, приподнявшись над соседней с Фицроем бухтой, открыл стрельбу по арбалетчикам, им еще долго перезаряжать, затем по столпившимся у борта людям с оружием в руках, по всему, что не удирает и не прячется.

Корабли сближаются медленно, я торопливо стрелял и стрелял, теперь уже бью почти без промаха, и все больше людей на той стороне роняют оружие и хватаются за раненные места.

На палубе там наконец опустело, если не считать распластанные трупы. Борт нашего корабля наконец сухо ударился о чужой, я заорал:

— На abordаж! Это значит, убивать и грабить!.. Я пришел улучшить мир! Да здравствует цивилизация и свобода!..

Гвардейцы, широко размахнувшись, зашвырнули на чужой корабль веревки с металлическими крюками на концах, как я указывал на учениях, острые концы захватили чужой корабль за борт, и даже Фицрой бросился помогать тащить к себе изо всех сил добычу.

Вторая бригада уже наготове с перекидным мостиком, и как только стукнулись бортами, отрепетирован-

но перебросили широкие сходни и на захваченное судно ринулись радостно орущей толпой.

Я старался все замечать и ничего не упускать, ошибка может стоить жизни, но пока что все как нельзя правильно, хотя вроде бы что правильного, когда убивают и грабят, но, с другой стороны, так совершенствуется человеческое общество на пути прогресса и развития и даже улучшается генетическая генетика.

Резня была удручающе короткой, уцелевших сдавшихся усадили вокруг мачты, всего шестеро, раненых добили и бросили за борт, слишком уж я разжег праведное пламя гнева на Пиксию и Гарн, душителей и угнетателей Дронтари.

Фицрой сказал виновато:

— Извини, не получилось всех перебить! Эти сразу бросили оружие и легли на палубу.. Ну не могу я бить безоружных, да еще лежащих...

Я сказал с неловкостью:

— Да все понимаю, сам не успел разжечь в себе злость на полную. Только начал, и тут все кончилось.

— Что с пленными делать?

— Не знаю, — ответил я. — Сейчас решим в рабочем порядке.

Все шестеро не выглядят военными, да и ни к чему они на торговом корабле, и вроде бы не торговцы, но я сразу же заявил со зловещей ноткой в голосе:

— Отвечать кратко и точно, как в армии и принято. Кто такие, куда плывете, с какой целью. Вот ты, ушастый. Отвечай!

Мужик с оттопыренными ушами вздрогнул, сказал торопливо:

— Работал младшим управляющим у глерда Кунантиса. Плыл в земли глерда Вернера, он поставляет нам

лес, а я должен был оценить качество и запасы, а то, бывает, сырой поставляют...

— Хорошая работа, — одобрил я. — Специалист, значит. А ты, борода?.. Кто, кого, куда, зачем?

Бородач сказал в испуге:

— Я закупил оборудование для оружейной мастерской. В Пиксии они лучшие, но в Гарне их требуется больше.

— А почему не через Дронтарию? — спросил я. — Прямой путь?

Он пожал плечами, осторожно взглянул с чувством некоторого превосходства.

— По морю втрое дешевле. И даже быстрее, корабль идет и ночью, а коням нужен отдых...

Я кивнул молча слушавшему Фицрою.

— Учись новым экономическим отношениям. Вот что значит правильная логистика!.. Ну, а вы четверо, что собой представляете? Кроме того, что вы все такие красивые и нарядные?

Они начали рассказывать, торопясь и перебивая друг друга, еще не понимая, как угодить такому страшному разбойнику, намекали на свое высокое положение, говорили о выкупе...

Я слушал, всматривался в лица и думал со смятением, что вот так и становишься начальником, не потому, что дорос, а потому, что тебя им считают и смотрят вот так, ожидая решений.

— Вот что, мужики, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал и властно, и как бы по-отечески, — у вас есть выбор. Либо за борт, либо лагерь для пленных... У свободного человека при демократическом строе всегда должен быть выбор, как считаете?

Один спросил с недоверием:

— Лагерь для пленных? У разбойников?

— Мы культурные разбойники, — пояснил я. — Цивилизованные. Будете жить в лагере, причем, временном лагере. Через год, а то и раньше вас отпустят по домам. А пока для сохранения секретности будете под охраной в таком месте, откуда лучше и не пытаться сбежать...

Он покосился на собратьев, буркнул:

— Думаю, выбирать не приходится.

— Но все же? — уточнил я.

Зловещая нотка в моем голосе прозвучала достаточно четко, мужик сказал торопливо:

— Лучше в лагерь. А сейчас мы готовы работать на судне, чтобы... ну, не за борт.

Я посмотрел ему в лицо: круглолицый, широкий, с крестьянской хитринкой в глазах, с жилистыми руками.

— Решаешь и за других?

— Они просто боятся рот открыть, — ответил он. — А так я их знаю. Не дураки, только робкие.

— Хорошо, — сказал я. — Ты над ними старший. Тебя как зовут?

— Криба Холден, высокий глерд.

— Криба Холден, — повторил я, — следи, чтобы никто ничего глупого ни-ни. У нас круговая порука, понял?.. Это значит, один из вас сглупит, за борт отправим всех.

Фицрой добавил мирно:

— С перерезанными глотками.

— Ясно, — сказал Криба устранным тоном. — Будем делать на корабле все, что и делали. Вы наш хозяин. Никто слова не скажет. Мы не драчливые.

Грегор постоял, слушая, а когда я отошел в сторону, двинулся за мной, ступая шаг в шаг.

Я оглянулся, он сказал нерешительно:

— Командир, вообще-то нас хватает и на корабле, да и в лагере. Роннер Дорриган, который управляет верфью, говорил, что новых уже не надо, с этими, что есть, любой заказ выполнит.

Я нахмурился.

— А что ты предлагаешь?

— Отпустить, — ответил он. — Это не потому, что они гарнцы, а просто... зачем нам лишние люди?

Я подумал, посмотрел на него пытливо.

— Ты хорошо сказал.

— Что, командир?

— Ты сказал «нам», — ответил я, — а мог бы сказать «мне». Значит, ты уже полностью в нашей команде. Хорошо, я скажу, что пусть попытаются довести корабль до места, если у них хватит на это силенок.

— Спасибо, командир, — сказал он и, увидев мою ухмылку, договорил быстро: — Спасибо за то, что не набираете лишних людей, а вовсе не за их спасение!

Мимо протопал согнутый Фицрой с мешком трофеев на спине, оглянулся, глаза блестят восторгом.

— Вот это жизнь!..

— Да, — согласился я, — когда грабишь ты, а не тебя... С другой стороны, а как еще совершенствовать человеческую природу? Выживает сильнейший, он же дает потомство...

— Что-что? — переспросил он, но тут же отмахнулся: — Да иди ты со своими умностями...

Я проводил его взглядом; как же, он прав, материальное всегда выше всяких там духовных запросов, что всего лишь выверт пресыщенной психики.

Места под палубой на когге немного, как на мой взгляд, с захваченного корабля забрали все, но заполнили только один уголок, что лишний раз подчеркнуло наши размеры.

Глава 12

Ваддингтон тоже допросил пленных, уже тщательнее и подробнее, но и он узнал едва ли больше: капитан и хозяин судна пали смертью храбрых, еще даже не поняв, что пали гордо и красиво на боевом посту, а остальные на корабле всего лишь пассажиры.

Все же я узнал, что в отличие от кораблей гильдии Красноголовых, есть у них такая, покруче, они занимаются только каботажным плаванием вдоль берега, доплывают до Шантеля, трижды были заказы из опасной Ризнерии, это королевство, что лежит за Шантелем.

Охрану пленных я поручил гвардейцам, осчастливленным тем, что и в захвате корабля участвовали, первыми начав пока что необъявленную войну с Гарном, когда-то нанешим ряд сокрушительных поражений Дронтарию.

Да и вообще гвардейцы чувствуют, что присутствуют при работе Улучшателя, который наконец-то вернулся во всю мощь, и такое осознание наполняет их счастьем и гордостью, будет что рассказывать, когда здесь закончим...

Тем временем вслед за Фицроем и командой захвата на захваченный корабль перебрались и опоздавшие, и в упоении перетаскивали оттуда все, что можно перетаскать, благо наш корабль втрое вместительнее.

Ваддингтон взял с собой троих с топорами, на захваченном судне начали было рубить дыры в днище, но вслед ринулся Грегор, переговорил, я видел, как Ваддингтон поморщился, но кивнул, хоть и с громадной неохотой.

Я подумал, что он прав, корабль затопить — и концы в воду, однако же мы не мы, а некие опасные люди

из неведомого королевства Гаргалот, наше ужасное знамя все рассматривают в первую очередь, молодец Фицрой, так что пусть с Гаргалота и спрашивают.

Все-таки чувствую облегчение, что не вижу, как корабль, пусть и небольшой, уходит под воду.

Фицрой сказал утешающе:

— Что, грызет совесть? Корабль шел под гарнским флагом. А раз так, они тоже виноваты, что у них такой король.

Джонадер прислушался, сказал угрюмо:

— Ничего с ними не случится. Отсюда не больше суток до пристани, откуда мы ушли так красиво, что как вспомню...

— Я вообще собирался затопить, — сообщил я. — Вот тогда бы совесть, может быть, и... ну, не погрызла, а чуточку ворохнулась бы. Может быть, даже спросила бы, а чё там такое?

Фицрой сказал с ухмылкой:

— Ты бы нашел что сказать. Еще и похвалила бы тебя за доброту... Ладно, пора отчаливать. Думаю, вшестером как-то справятся. Либо их заметят, тут же часто плавают, либо сами веслами-веслами...

Пару часов плыли, посматривая во все стороны, с мачты спустился Понсоменер и вытянул руку, указывая пальцем на едва различимый берег.

— Глерд, вон там рыбацкая деревушка...

— У тебя прекрасное зрение, — заметил я, — лучше, чем у человека. Ты не химера?

Он испуганно дернулся.

— Глерд...

— Да ладно, — сказал я, — у всех свои мелкие приятные недостатки. Химера не химера, лишь бы не кусалась.

— Глерд, — повторил он уже с обидой, — какая химера? Химеры, как я слышал, все теряют, когда становятся людьми!

— Тогда еще лучше, — сказал я. — Человек должен перехимерить всяких там, что стоят на его пути к трону короля вселенной!.. Здорово, что умеешь что-то большее, чем остальные. Развивай и дальше. Один мудрец сказал: стыдно сдохнуть от старости, так и не узнав, на что способны твои дух и тело.

Он вряд ли понял, судя по его крестьянски-туповатому виду, повторил с тем же простодушным достоинством:

— Нет, высокий глерд, но в нашем роду все видят лучше, чем другие. Там на берегу с десятков домов. Значит, живут не только рыбой, иначе уплыть пришлось бы далеко. Наверняка есть огороды, скот, куры, утки, гуси...

— Индюки, — добавил я.

— Индюков не заметил, — сказал он простодушно, — а вот куры роются возле огорода...

Я кивнул.

— Намекаешь, что можно и пограбить, раз уж у нас нет ни мяса, ни воды?

Он поклонился.

— Это земли Гарна, высокий глерн. А с нами так общались, что стоило бы и дать сдачи...

Я подумал, оглянулся на внимательно слушающих матросов и гвардейцев.

— Полагаешь, еще сдачи не дали?

— Тогда просто убегали, — пояснил он. — А сейчас можем уплыть, а можем и сами по своей воле высадиться на землях королевства и пограбить. И ничего

они нам не сделают! Если нападём сейчас, хоть вот так по мелочи, это будет совсем другое.

Фицрой сказал с недоброй ухмылкой:

— Это надолго испортило бы аппетит королю Гарна. Как и его советникам.

Я подумал, кивнул.

— Хорошо. Ради этого стоит. Подойдем к берегу. Если там мелководье или рифы, можно дальше на шлюпке. Пусть потом жалуются королю Гиллеспау, что на них напали люди королевства Гаргалот в отместку за грубое обращение и неуважительность!

Грегор весело закричал матросам, те бросились к парусу, Джонадер и охотно помогающие ему гвардейцы налегли на длинное бревно руля, с трудом разворачивая тяжелый корабль в сторону берега.

Я крикнул им подбадривающее:

— На следующем корабле этого уже не будет! Отдохнете.

Джонадер спросил, задыхаясь от усилий:

— Но... как тогда?

— Руль онеподвижным, — пояснил я. — Монументально! А пока давайте, работайте шибче... В море от того, кто быстрее поворачивается, зависит, кому плыть дальше, а кому тонуть.

Грегор сообщил, что осадка нашего корабля великовата, вот-вот начнем задевать песчаное дно. Я велел спустить шлюпку, матросы с веселым галдежом и немело начали ее поднимать и переваливать на ту сторону борта, веревки то и дело перекручиваются, это тоже надо отработать на учениях, наконец днище с шумом ударилось о воду, а сами матросы и четверо гвардейцев начали спускаться по веревочной лестнице.

Фицрой поинтересовался:

— Пойдем? Или останешься?

Я подумал, покачал головой.

— Не хочу. И так понятно, что будет, а я демократ, предпочитаю убивать издали. Либо душить экономической, санкциями, беспилотниками, чтобы даже пальчик не прищемить и не видеть вылезшие кишки... ну, подробности, во что там превращается после моего... вмешательства.

— Ничего не понял, — ответил он, — но вообще-то, что там нового?.. Заберут скот, наберут в бочки воды, изнасилуют женщин, прирежут пару крестьян, что вступятся за жен... Я тоже останусь. Уже привык, мне качка почти нипочем. Я морской волк, да?

— Морской лев, — заверил я.

Он улыбнулся, польщенный. Я вернулся в каюту, где разложил на столе карту, которую сам вычерчиваю, и старательно нанес на береговую линию эту деревушку, вдруг да пригодится.

Фицрой следил внимательно, ткнул пальцем в пустое пространство моря.

— А здесь зачем столько места?

— Должны быть земли, — сказал я уверенно. — Не могут не быть. От того, что о них здесь ничего не знают... вовсе не значит! Как ты понял.

— Не понял, — ответил он, — но мне тоже так хочется. Это же... как удивительно! Новые королевства, новые земли, чудеса...

Он потер ладони с таким азартом, что могли вот-вот вспыхнуть, глаза заблестели.

С берега на корабль вскоре доставили пару овец, уже зарезанных, чтобы не брыкались в лодке, большие круги сыра, много разной рыбы и бочонок вина. Фицрой возликовал, лодку отправил обратно, отсюда видно, как наши разбрелись по охваченной ужасом дерев-

не, бесчинствуют и бесчестят женщин, бьют мужчин, дескать, это все в отместку за то, что на них напали и бросили в тюрьму ни за что, теперь получите, а если не нравится, то передайте своему королю, что нам тоже не понравилось...

Я снова ушел в каюту, карта заняла место на столе, потом перерисую на более масштабную, кто бы подумал, что вот уже начинаю чувствовать себя мореходом и открывателем новых земель, хотя в море только вышел, а земель еще не открыл, но если лихорадочный зуд, что все скоро-скоро...

Пока Фицрой наверху, я, пользуясь моментом, попробовал создать портал, а вдруг тут на корабле получится лучше или вдруг я стал круче, напился солнечной энергии, могу и больше...

Портал возник, я опасливо заглянул, но на той стороне проступает, слегка подрагивая, неустойчивая картинка палубы корабля с той стороны двери...

Я вздохнул; хоть и не требуется он мне сейчас, но я же качался в тренажерном и креатин жрал тоже без острой необходимости, на запас для будущего...

Сверху донесся крик Фицроя:

— Юджин!.. Бегом сюда!

Я торопливо выскочил, Фицрой у борта, не оглядываясь, вытянул руку, указывая вперед.

— Посмотри!

У самого берега прыгает и размахивает руками один из гвардейцев, оставленный Ваддингтоном охранять лодку.

— Чего это он, — начал было я и осекся.

Далеко на берегу со стороны холмов из зарослей вынырнули в бешеном беге наши авантюристы. Я ждал, вдруг за ними гонится огр или каменный гигант, одна-

ко через несколько минут появились на конях всадники с воинственно вскинутыми над головами клинками.

— Попались, — сказал Фицрой с досадой. — Как же они...

Я быстро прикинул шансы, скорость у тех и других одинаковая, но пока стащат лодку в воду, сядут и ухватятся за весла, их точно успевают догнать.

Фицрой сказал с сочувствием:

— Далековато для твоих магических арбалетов...

Я огрызнулся:

— Ты же знаешь, я демократ и гуманист, потому достаточно бессовестный, чтобы без капли стыда пользоваться преимуществами!..

— Понял, — вскрикнул он и тут же исчез.

Через несколько секунд уже выбежал из каюты с мешком в руках, в собранном виде винтовка выглядит как короткий, но очень толстый дротик.

Я быстро-быстро разложил ее для стрельбы, торопливо опустил ствол на деревянный край борта. Расстояние такое, что и без всякого оптического прицела вижу эту разгоряченную легкою кровью толпу охотников.

Впереди на горячем вороном коне мчится крупный всадник в развевающемся за плечами красном плаще, меч в его руке сверкает хищно, а взглядом уже выбирает место, куда ударит на скаку, и тут же поскачет догонять следующего.

За ним несутся еще десятка два таких же, не деревенские, явно военный отряд проезжал мимо...

— Никакой жалости, — сказал я, подавляя в себе все ненужное, — человек всегда старался получить преимущество над другими... Зачем? А вот затем...

Я надавил на спусковую скобу, перевел крестик

прицела на второго. Пуля еще не долетела до второго, как я выстрелил снова, и снова, и снова...

Хороший снайпер успевает уложить десяток человек до того, как там услышат звук выстрела, но я могу сразить всего четверых, но здесь, даже услышав, никто не бросается к укрытию, одни мчатся дальше, другие придерживают коней и тупо смотрят на соратников, вдруг почему-то рухнувших на землю с развороченной грудью или оторванной рукой.

Фицрой довольно похрюкивает, у борта столпились все оставшиеся на корабле, а я нажимал скобу, весь холодный и расчетливый, надо так, чтобы пули шли над головами убегающих, не задевая даже тех, кто отстал с бочонком воды на плечах.

Передние всадники либо выпали из седел, либо уткнулись в конские гривы, но в любом случае лошади останавливаются, а несколько человек, что пытались продолжить погоню, в конце концов в страхе и непонимании натянули поводья.

Я уже без необходимости сделал еще три выстрела, и два седла опустели. Третьего всадника пуля отбросила спиной на конский круп, он так и остался лежать, раскинув руки, а кровь потекла по конской спине на землю.

Фицрой сказал жарко:

— Вот бы так научиться.

— Ничего хорошего, — ответил я. — Я же не конфеты даю, а убиваю. Как бы навсегда!

— Так это же хорошо?

— Не совсем, — ответил я. — Хотя да, нужно для прогресса и совершенствования вида. Но нехорошо.

Он пробормотал:

— Ничего не понял... Если хорошо — хорошо, то почему нехорошо?

— Это цветочки, — сказал я. — А когда-то это «хорошо — нехорошо» расколет общество. Хотя и хрен с ним. Не жалко.

Наши добежали до лодки, начали, оглядываясь на остановившихся вдалеке всадников, поспешно сталкивать в воду. Нагруженная тяжело, она нехотя сползала к воде, застревая на каждом шаге, однако и погоня уже не погоня, там покинули седла и склонились над павшими соратниками, стараясь понять, что же стряслось с теми, кто только что, как и они, несясь со вскинутым мечом, а погиб только потому, что чуть-чуть опередил остальных.

Фицрой шумно выдохнул воздух, лодка там наконец-то сползла в воду, последние впрыгнули в нее, разобрали весла.

Несколько всадников все-таки решились пустить коней к берегу, но арбалетов или луков ни у одного, только мечи и топоры, я со вздохом облегчения передал Фицрою винтовку.

— Так и отнеси. Если вдруг снова придется, то чтобы не собирать-разбирать...

Он кивнул на всадников у самой кромки воды.

— А этих не хочешь?

— Хочу, — признался я, — но все-таки не волк. Человек убивает только по необходимости. И во имя высших целей.

— Каких?

— Торжества демократии, — пояснил я. — Над неправильными режимами.

— А какие неправильные?

— Все остальные, — ответил я. — Потому если хочешь кого-то убить, скажи, что он против демократии.

— Только и всего?

— Да, — подтвердил я. — Этого достаточно.

— Даже когда просто хочется убить?

Я поморщился.

— Это атавизм. Только дикари честно ходили грабить чужие племена и уводить рабов. А теперь нужно обязательно обвинить в неправильном поведении, а о себе сказать, что вот вынуждены нести им свет и культуру.

Уже без волнения мы смотрели, как лодка тяжело ползет к кораблю, волны едва-едва не перехлестывают через борта, но все гребут изо всех сил, стараются добраться поскорее уже не из-за погони, а чтобы не затонуть по дороге.

Глава 13

Ваддингтон и гвардейцы спустили канаты, и когда лодка подошла вплотную, ее подцепили за нос и корму, но сперва все шестеро вскарабкались по веревочной лестнице, а потом старательно втаскивали вместе с грузом.

Джонадер встретил мой взгляд, виновато развел руками.

— Так уж получилось... Увлечлись, пошли дальше от берега... Видим, целое стадо овец, а кто баранину не любит? Начали хватать, а пастухи подняли крик, дураки. Пришлось кому-то дать по дурной голове...

Я оглядел их, опустивших понуро головы, каждый стыдливо елозит взглядом по дереву палубы, даже друг на друга не смотрят.

— Вы все сделали верно, — сказал я неожиданно. — Вы умело заманили противника к берегу под наши арбалетные стрелы!.. Это был маневр, так это и будет занесено в аннал. И вообще все было умно и хорошо.

Никакой дурной отваги, мол, будем сражаться до последнего, умрем, но не отступим и прочие дурости. Вы бросились к шлюпке, веря в меня и понимая, что приду на помощь!.. Это правильное решение.

Фицрой крикнул, но взглянул на мое враз посуровевшее лицо, сказал поспешно:

— Да, главное — еще пограбить и повеселиться, а не сложить головы, тьфу, в дурацкой деревне с бедными рыбаками! Мудрое решение.

Джонадер пробормотал:

— С рыбаками мы справились...

— Мы должны вернуться победителями, — сказал я твердо. — А не трупами!

Они начали поднимать головы, еще один сказал виновато:

— Да мы сами там увлеклись что-то... Деревня маловата, увидели еще домики, пошли туда... как говорит глерд Фицрой, малость пошутить, а там поблизости оказался на постое целый отряд гранской конницы!.. Хорошо, у них конюшни не под рукой, а без коней они ничто как воины... Но я велел отступать, вам с оставшимися корабль уводить от берега будет тяжело. Остальные на корабле ничего не умеют.

Джонадер поддержал:

— Потому мы и побегли...

— Все верно, — повторил я. — Я рад, что вы еще и умные люди, а не тупоголовые храбрецы. Повелеваю отныне совершенно не стесняться бежать от врага!.. Кто убежит, тот может накопить силы и злости, вернуться и отомстить. А кто погибнет... понятно?

Сразу несколько повеселевших голосов прокричали:

— Понятно!

— Истинно!

— Так и сделаем!

— Главное — чья победа в конце!

Фицрой, ощущая, что командиру экспедиции нужна поддержка, сказал бодрым голосом:

— А задачу вы выполнили!.. Мясо и вино доставлены, даже сыр и рыба в наличии!..

Я подтвердил:

— Мы не настолько далеко забрались, чтобы голодать. Провизии у нас, благодаря вашему рейду на вражеский берег, на пять-семь дней. До своей бухты доберемся за два-три. Так что еще можем немного поплавать, поупражняться в управлении кораблем в разных условиях.

Все притихли, Фицрой спросил:

— Разных... это каких?

Я пояснил безмятежно:

— Если повезет, налетит буря посильнее, постарается опрокинуть корабль и всех потопить. Вот и проверим, потопнем или не потопнем.

Фицрой сказал сердито:

— Ну и шуточки у вас, командир!

— Какие шуточки? — изумился я. — Бури в море, как я и говорил, это не часто, зато шквалы, штормы, ураганы... Нужно учиться с ними бороться, выживать и спасать корабль! Иначе вас будет топить даже простенький ветерок... А мне зачем вы потопленные? Мне нужны живые и бодрые. Потому и будем вас гонять так, чтобы смогли остаться живыми. Живой лев лучше мертвого пса!

Фицрой, похоже, успел рассказать, что следующий корабль, на котором выйдем в море, будет не только крупнее и быстрее, но без рулевого весла и, что совсем уж непонятно, без весел по обоим бортам.

Его выслушали, с недоверием pokrутили головами

и пошли заниматься своими делами, только Грегор, мой быстро обучающийся капитан корабля, подошел тихонько, потоптался рядом с самым умоляющим видом.

— Командир...

— Говори, — велел я.

— Без руля еще понимаю, — проговорил он умоляюще, — но как... без весел?

— Увы, — сказал я со вздохом, — приходится обходиться. Все увидишь.

Он вздохнул.

— Да, конечно. Но я и понимать привык.

— Понимать легче, — сказал я, — когда увидишь. Работая парусами, можно идти даже против ветра! Невероятно, но все увидишь. Уже скоро.

— Ох, — сказал он воспламененно, — я так хотел выйти на этом корабле в море, а теперь так же сильно хочу вернуться!

Понсоменер крикнул с высоты:

— Корабль! Слева по курсу!..

Я торопливо ухватил оптический прицел, снова напомнил себе, что нужно будет захватить пару биноклей, себе и смотрящему. А то и Фицрою.

Они уже собрались вокруг меня, старательно шурились, пытаясь рассмотреть пятнышко на краю горизонта, а я всматривался в приближающееся судно и пытался сообразить, как поступить: как надо или как хочется.

— Что за корабль? — спросил Фицрой, не выдержав.

— Да все они одинаковы, — пробормотал я, — как цыплята из-под одной курицы... Что плохо в таких ситуациях, никогда не угадаешь, везет бревна из мореного дуба или же все там заполнено слитками серебра?

Фицрой потерял ладони, глаза жадно заблестели.

— Проверим!

Я вгляделся внимательнее, проговорил медленно:

— На нем незнакомый флаг...

Фицрой промолчал, зато Грегор сказал знающе:

— За Дронтарией Пиксия, а за Пиксией какая-то Флиндеррия... Может, это ее флаг?

— Может, — согласился я. — Хотя и за Флиндеррией наверняка еще не край света с обрывом в бездну. Но посмотрим. Кораблик стандартный, типовой, а это, как уже знаем, легкая добыча.

Фицрой спросил с надеждой:

— Будем грабить?

— Если поведут себя хамски, — ответил я.

— Поведут! — заверил Фицрой. — Здесь везде одни хамы расплавались, плюнуть не в кого!

Грегор прокричал с подъемом:

— Руль налево!.. Держать... держать!.. Парус припустить, следить за поворотом...

Я поморщился, слова какие-то допотопные, да я и сам не морской волк, чувствую только, не то, но вообще-то, если честно, мне важнее результат, а не красивые термины морских пажонов...

Корабль приближается, нас заметили еще раньше, чем мы их, еще бы не заметить такого красавца, у низкого борта уже собрались любопытствующие.

Корабли неспешно сближались, я прокричал:

— Кто такие?.. Чей флаг!.. Подать капитана!

Там посовещались, наконец один у борта крикнул:

— Я капитан!.. Мы из королевства Флиндеррия, и даже странно, что вы... а что у вас за флаг?.. Это что за королевство?

Я сказал громко:

— Мы из славного и могучего королевства Гаргалот. На нас напали люди королевства Гарн, потому мы будем просить его величество нашего короля объявить королевству Гарн войну и прислать сюда большую

эскадру, чтобы уничтожить его на корню!.. А вы куда плывете?

Он ответил торопливо:

— Мы мирные торговцы, держим путь в Гарн, где ждут наши товары...

Я сказал победно:

— По законам военного времени королевству Гарн объявляем морскую блокаду!.. И всякий, кто будет пытаться с ним торговать, считается пособником преступного и бесчеловечного режима. Всем сложить оружие на корме, а самим отступить на нос!.. И приготовиться принять санитарную команду для проверки контрабандного груза.

Там ошалело переглядывались, капитан вскрикнул возмущенно:

— Если с кем-то воюете, мы при чем?

— Вы помогаете нашему врагу, — отрезал я. — Сложить оружие! Ну?

Капитану что-то шептали с обеих сторон, он напыжился и заявил гордо:

— Вам не заставить нас покориться!.. А попытаетесь высадиться... мы сумеем дать отпор.

Фицрой сказал с ликованием:

— Нести твой дальнобойный арбалет?

Я прикинул расстояние до мачты, другое пока не лезет в голову, не стрелять же в людей, но из пистолетов всаживать туда пули достаточно долго...

— Неси, — ответил я с досадой. — Нет, надо искать другое решение... Неси-неси! Я потом буду искать. После того, как.

— Понял, — ответил он с сияющей улыбкой. — Бегу!

Всего два выстрела разрывными пулями, и тонкая мачта с треском переломилась. Моряки с крика-

ми начали разбегаться, а высокое бревно обрушилось на борт, сломало почти до уровня воды и осталось там в неустойчивом равновесии, готовое вот-вот соскользнуть в близкие волны.

Капитан, надо отдать должное, если и растерялся, то на секунду, тут же заорал, начал отдавать команды, и народ послушно ринулся выполнять, мачту с огромными усилиями малость подтащили обратно, корабль выровнялся.

Я крикнул с угрозой:

— Принять на борт санитарную команду! Или затопим корабль с беспощадной пролетарской яростью! Весь мир насилия мы разрушим!..

Капитан посмотрел на меня в бессильном бешенстве, повернулся к своим.

— Сложить оружие, — велел он таким же сломленным, как и мачта, голосом, — пусть смотрят, что хотят.

Грегор спросил меня шепотом:

— Нам что, в самом деле только смотреть?

— Смотреть, — подтвердил я, — и вообще держаться вежливо и корректно, как в нашем королевстве Гаргалот и принято, ибо мы отныне высшая раса, весь мир должен равняться на нас. Однако товары военного значения, если таковые отыщутся, надлежит изъять и переправить на наш корабль.

Он уточнил:

— Военного назначения... это только оружие? Или и доспехи?

— Узко мыслите, капитан, — сказал я с укором. — Еда и вино тоже товары военного назначения, потому что поддерживают жизнь и веселье противнику.

Он просиял.

— Понял! Все, что может пригодиться врагу, нужно изъять.

— Действуй, — одобрил я.

Фицрой не остался наблюдателем, я лишь позавидовал той ловкости, с которой он перемахнул через оба борта, наш и чужой, где быстро оглядел все на палубе, нырнул под навес на корме и скрылся.

Я наблюдал за командой флиндеррийского судна и капитаном, они сгрудились на носу, с тоской и бесильным гневом наблюдая, как чужаки собирают оружие, перетаскивают товары на свой громадный корабль.

Фицрой вернулся с небольшим серебряным кувшином, узкое горлышко запечатано сургучной пробкой, бока расписаны затейливыми узорами, кое-где вкраплены мелкие драгоценные камешки.

— В таких всегда лучшее вино, — объяснил он. — А вообще-то корабль к богатым не отнесешь. В команде одно отребье, однако товар везли вполне достойный.

— Реквизировать, — велел я и объяснил: — Заграбастать, проще говоря. По закону военного времени. А эти пусть считают себя счастливыми, что забрали всякую мелочь, а им оставили самое главное и самое ценное!

Он встревожился.

— Что? Что мы там оставили? Надо взять!

— Мы им оставили их жизни, — сообщил я.

Он разочарованно вздохнул.

— Аа-а, жизни... Да кому нужны жизни?.. Это не жалко, пусть остается. Но вообще-то, скажу честно, мне такое начинает нравиться. И приключений сколько, и добыча, добыча!..

— Приключения и добыча, — повторил я. — Когда то доберемся и до звезд, чтобы и там пограбить... Скажи, чтобы заканчивали. Не стоит глумиться над побе-

жденными. Тем более что они, если честно, и не враги вовсе.

— Враги, — возразил он твердо и пояснил: — Юджин, нужно себя накручивать!.. Если не будешь чувствовать себя правым, пиши пропало.

— А у меня и нет сострадания к соратникам врага, — ответил я сурово. — Но врага нужно грабить гуманно.

Глава 14

Видели еще одно суденышко, что пробирается вдоль берега так старательно, что повторяет малейшие изгибы, не решаясь срезать углы, что говорит о только набранной и еще трусоватой команде. Такие всегда стремятся держаться ближе к берегу, чтобы, если что случится, можно попрыгать за борт и добраться до суши, там почти сразу мелководье.

Таких даже грабить противно, ничего им ценного перевозить не доверят, Грегор все понял, велел держать прежний курс, мы постепенно отдалялись от берега, наконец он скрылся, и тут священный ужас охватил все команду, мы же посреди безбрежного моря, именно безбрежного, всегда все моряки держались в виду спасительного берега.

Даже Фицрой побледнел, я сказал твердо:

— Мы никогда и нигде не заблудимся, поняли?

Он все еще в изумлении поглядывал и в небо, указывая то на царственно парящих альбатросов, то на приспособившихся к жизни в море птеродактилей, у них точно другое название, раз это не птеродактили, но для меня все, что летает — птицы и птеродактили. Ах да, еще и драконы.

— Здорово, — согласился я с полнейшим равнодушием, — много у нас подданных, много... И разных, что хорошо.

— Подданных?

— Человек, — пояснил я назидательно, — царь природы. Не враги, а подданные. Потому даже хищников нельзя убивать без суда и следствия.

— Ты что плетешь?

— У нас когда-то, — сказал я, — когда я был маленьким еще, волков объявили полезными членами общества, назвав санитарями леса. А природу велели беречь, так она не сама по себе, а наша. Наш огород, короче говоря. Наш двор!

Он вздрогнул, мне показалось, что хочет пригнуться, быстро указал в небо.

— А это тоже из нашего двора?

Со стороны юга в нашу сторону летит нечто крупное, белое солнце сверкнуло по небу напоследок выветляющими лучами, превратив в глыбу льда, но упало за горизонт, а оранжевый свет превратил летящего в сверкающего золотом дракона.

— Ого, — сказал я. — Значит, где-то близко суша.

— Чего вдруг?

— Такая туша неспособна, — пояснил я, — на большие перелеты...

Дракон, неспешно взмахивая крыльями, шел на большой высоте, затем как-то странно клюнул в воздухе, пошел в пике, выровнялся в паре сотен метров от воды и снова пошел над морем, едва не касаясь вершешек волн кончиками крыльев.

Я невольно пощупал винтовку. Возможно, дракон идет по своим личным делам, не обязательно все должны нападать на корабль, не все знают, что мы цари все-

ленной, потому нужно бунтовать и пытаться сбросить самодержавие...

Дракон повернул голову, он уже почти пролетел мимо, расстояние всего-то в полмили, но заинтересовался, легко и довольно изящно совершил поворот и пошел, так же мерно и легко взмахивая крыльями, в нашу сторону.

— Стреляй, — сказал Фицрой кровожадно.

— Да зачем...

— Он же нападет!

— С чего вдруг, — спросил я, — он не короед, доски жрать не станет...

Дракон приближался, с каждым взмахом крыльев все громаднее, чешуя блестит, как золото, голова огромная, а когда распахнул пасть, я содрогнулся при виде громадных зубов, каждый размером с кинжал.

— Посмотрит и пролетит, — сказал я.

— Нападет, — возразил он.

Дракон, замедляя движение, снизился еще чуть, мое сердце тревожно дрогнуло, этот гад летит прямо на корабль. Фицрой вытащил меч и выставил его перед собой.

Чудовище пролетело над нами, от взмаха могучих крыльев парус надулся пузырем, мачта затрещала. Корабль ощутимо качнуло.

Я надеялся, что дракон пойдет дальше по своим делам, однако он круто развернулся, морда с горячими глазами сразу нацелилась в нашу сторону.

Фицрой вскрикнул:

— А вот теперь нападет!

Дракон в самом деле снизился, теперь точно собьет мачту. Я стиснул челюсти, выставил перед собой руки

и, сомкнув кулаки, начал непрерывную стрельбу из двух пистолетов.

В какой-то миг дракон почти ударил в корабль, но взревел, его взметнуло вверх, там поднялся еще выше, пошел неверными кругами над кораблем, а головой дергал так, словно его жалят пчелы.

— Ты его зацепил! — крикнул Фицрой.

Я ухватил винтовку, и без прицела хорошо вижу эту страшную рожу со злобно распахнутой пастью, торопливо поймал ее в крестик, нажал на скобу, но корабль качнуло, пуля ушла далеко в сторону.

Снова задержав дыхание, я начал посылать пулю за пулей, стараясь просто попадать в эту парящую громадину, не важно куда и во что, и дракон дернулся, судорожно замахал крыльями, поднялся выше.

На корабле заорали, я даже не заметил, что уже вся команда встревоженно наблюдает за поединком.

Фицрой крикнул:

— Вот теперь ты его разозлил!

— Вот и хорошо, — процедил я сквозь зубы.

— Что хорошего?

— Кто злится, тот ошибается...

Дракон в самом деле выглядит рассерженным, хотя с виду вроде бы ничего не изменилось, но я чувствую идущую от него ярость и жажду уничтожить нас, ощутить вкус нашей крови в его пасти.

Сосредоточившись, я уперся спиной в мачту и, держа дракона в крестике прицела, раз за разом нажимал на скобу и радостно отмечал, что некоторые пули задевают это громадное чудовище.

Наконец он, то ли получив пулю в болевой центр, то ли его чего, но дико взревел и, прервав круги, пошел

в нашу сторону, держа взглядом горящих глаз уже меня, вычислил, от кого идут болезненные укусы.

— Прячьтесь, — велел я. — Не дайте себя схватить...

Фицрой молча приготовился к схватке. Я стрелял и стрелял, а дракон изогнул крылья так, что скользит по воздуху, как по ледяной горке, все набирая и набирая скорость...

Я сам не понял, что произошло, но над головой раздался взрыв, дракона окутало серое облако, оттуда полетели куски мяса и шкуры, оторванные лапы.

Голова с грохотом ударилась в надстройку кормы и, проломив доски, рухнула в трюм. На палубу шлепались куски мяса, шкуры, через борт свесился обрывок хвоста.

Встревоженный корабль раскачивается, парус повис, забрызганный драконьей кровью.

Фицрой смотрел обалдело, наконец сказал потрясенным голосом:

— Ты хоть что-то понимаешь?

— Конечно, — ответил я уверенно, все еще стараясь понять, что же случилось.

— А... что было?

— Что было, — фыркнул я. — Да это же просто!.. И так понятно, что даже неловко. За тебя, такого умного. Его разорвало, видишь? Разнесло!.. На куски.

— Голову беру себе, — сказал он быстро, — я как раз по ней собирался вдарить, так что моя добыча! Все слышали?.. А чего разорвало?.. От злости?

— Не совсем, — ответил я. — Теперь понятно, как такая туша может летать... и вообще подниматься в воздух!.. Крылья у него, как у воробья, такую тушу не поднять, но кишечник или что-то вырабатывает некую

гадость, что легче воздуха... Судя по облаку, это был скопившийся водород. Хотя, конечно, запах мерзкий...

Он посмотрел на меня странно.

— Я ничего не понял, но если ты сам понял, что сказал, то ты герой... Ладно, я побежал, а то кто-то голову схватит раньше...

Команда в самом деле пришла в себя и уже жадно хватают клочья шкуры с золотой чешуей, торопливо пытаются сорвать устрашающие когти, Грегор громко жалеет, что грудь и спина дракона рухнули за борт, а там столько всего ценного...

Джонадер прокричал ликующе, что печень почти вся упала на корабль, он такое сготовит, что все неделю будут ходить пьяные от гордости, печень дракона жрали, всю жизнь можно хвастать...

Фицрой исчез надолго, потом принес мне выдранные с корнями три когтя из драконьей лапы, каждый размером с кривой нож.

Я подумал, что в драконьей пасти зубов ничуть не меньше, но Фицрой сказал жертвенно:

— Можем голову присобачить на нос корабля. Кого угодно устроит! Люди, победившие такого дракона, в бараний рог свернут всякого, кто не так поклонится. А можно на тот корабль, что сейчас заканчивают. Там будет еще страшнее.

Я посмотрел на огромную чудовищно уродливую голову, содрогнулся.

— Ну и зверюка... Лучше на новый, ты прав. Только надо как-то почистить и обработать, чтобы не завонялась.

— Это сделаем, — пообещал он. — А что ты говоришь, как драконы летают? Такие огромные летать не могут? Почему?

— Воздух, — сказал я, — не пустое место. Это та же самая вода, только очень легкая... Редкая. Легче всего в ней плавать комарам, мелким мухам, а вот воробьям уже труднее. Ты заметил, что чем крупнее летун, тем реже машет крыльями?.. Орлы так вообще стараются больше парить... Вот и дракон держится в воздухе не за счет крыльев, они бы не удержали, а есть такой особый воздух, что легче нашего, которым дышим. Я уже понял, монги поднимаются за счет нагретого воздуха, но если отыскать выходы этого воздуха, что не воздух, а это вот самое, что вырабатывается у дракона... в драконе не знаю где, то можно летать очень долго. Сколько угодно долго, понял?

Он кивнул.

— Взорвался потому, что ты попал в тот его пузырь?

— Точно. Надеюсь, тебе его не жалко?

Он ухмыльнулся.

— Я не царь природы, мне их беречь без надобности. Я пока еще хищник.

К концу дня ограбили еще три судна: два гарнских и одно пиксийское. Я осмотрел трофейные запасы, корабль полон до отказа, даже на палубе разместили то, что не влезло.

— Прекрасно. Курочка по зернышку клюет... Пора возвращаться.

Фицрой сказал гордо:

— Теперь весь флот двух королевств будет разыскивать нас!

— Но где? — спросил я со злым удовлетворением. — Правильно, будут искать и даже барражировать в открытом море на юге. Если, конечно, решатся туда заплывать.

Грегор, прислушиваясь, поинтересовался:

— Курс на юг?

— Да, — ответил я. — И чтоб это увидели. А там по дуге повернем обратно. Вернуться нужно незамеченными. Если Гарн и Пиксия узнают, где наша база, ее попросту сметут с лица земли.

Фицрой возразил самолюбиво:

— Так уж и сметут!

— Кто им даст, — поддержал его Ваддингтон.

Я развел руками.

— Вы всерьез готовы драться с силами двух королевств? Учтите, король Андриас ничего не знает. И не поддержит.

Фицрой ответить не успел, с клотика Понсоменер заорал:

— Корабль!.. С востока!

— Пиксийский, — определил Грегор. — Проклятая Пиксия. Душительница наших свобод!

Я подумал, посмотрел на их воспламененные энтузиазмом и ожиданием легкой добычи чистые прекрасные лица борцов за свободу.

— Ну что ж... дадим последний бой перед возвращением... Помните, наше любимое и дорогое отечество в кольце врагов! Враг все ближе и потому ведет себя нагло, попирая наши права и свободы!.. Но все же... может быть, подумайте, пора остановиться? У нас уже складывать некуда законно нажитую добычу

Сразу несколько голосов проревели в упоении:

— Нет!.. Никакой пощады врагу!

— Ладно, — сказал я, — дадим достойный отпор душителям свободы и поджигателям войны!.. Приготовиться к законной и справедливой экспроприации награбленных у нас сокровищ!

Один из самых молодых матросов смотрел с таким восторгом, что на глазах выступили слезы, а голос прервался, когда сказал с надрывом:

— Какие великие слова!.. Отечество в кольце врагов... Дать достойный отпор душителям свободы. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях...

Фицрой взыграл, как боевой конь при звуках трубы, глаза заблестели, явно недодрался в прошлый раз или получил обидную плюху, жаждет сатисфакции.

— Золотые слова, — сказал он с чувством. — Пусть умрут стоя, я не против...

— Даже посодеействуем, — подтвердил Ваддингтон. Он хищно щурился и поводил носом по сторонам как-то особенно зловеще. — Мы это с удовольствием... За справедливость!

Уже без волнения я опустил ствол на край борта и принялся ловить в прицел мачту. Задача непростая, если учесть, что волны поднимают и опускают оба корабля. Я напомнил себе, что опозориться невозможно, никто не понимает, что делаю, умолкли и стоят в сторонке, уstraшенные, а я начал всаживать пулю за пулей в мачту чужого корабля, понимая, что если попадет хоть одна, то ветер сразу же доделает то, что не сумела разрывная пуля.

Крик восторга и ликования раздался такой дикий, что я поспешно посмотрел поверх прицела. Мачта, наконец-то срубленная попавшей пулей, взлетела, подхваченная ветром, и унеслась за корабль, где и плюхнулась в воду.

Грегор прокричал мощно:

— Идем на сближение!

Трое гвардейцев приготовили веревки с крючками, еще шестеро взяли в руки широкие переходные мости-

ки, а Ваддингтон с обнаженным клинком в руке приготовился первым оказаться на чужом корабле.

Корабли сближались, я прокричал громко, перекрывая испуганные крики на том корабле:

— Тихо! Всем молчать и слушать! Мы можем потопить вас в любое мгновение так же легко, как лишили вас мачты!.. Потому требуем полной сдачи.

Капитан крикнул срывающимся голосом:

— Кто вы?..

— Посмотри на флаг, — сурово сказал я. — И хотя ваш король поступил с нами предательски гнусно, мы по своему миролюбию оставим вам жизни.

Капитан закричал:

— Мы ни с кем не воюем!

— Уже воюете, — ответил я злое. — Ваш король нанес нам смертельное оскорбление. Уверен, наш король придет к вашим берегам эскадру и разнесет ваш проклятый город!

Фицрой крикнул:

— Как мы разнесли ваш причал в проклятом отныне Карбере! Все увидите!

Я повысил голос:

— Сложить оружие к этому борту, всем отойти к тому и сесть! Кто не подчинится... затопим весь корабль.

Капитан нехотя вытащил из ножен меч и зло бросил себе под ноги.

— Мы без мачты, вы сильнее, мы сдаемся.

— К тому борту, — напомнил я.

Капитан и его люди медленно, показывая, что ничуть не боятся, но вынуждены, отошли к тому борту и сели на дно.

Ваддингтон первым прыгнул через борт, за ним еще несколько его гвардейцев, что сразу же встали охранять

трофейное оружие. Перебросили и мостки, хотя по ним можно разве что скатиться даже на возвышение на корме.

Остальные ринулись шарить по судну. Я с кривой усмешкой подумал, что добыча и не может быть велика, все-таки это не каравелла, тем более не галеон, нагруженный золотом, однако для этих людей и такое вот богатая добыча...

Почти час перетаскивали провизию и воду, еще раньше забрали все оружие, снимая с пленных перевязи и даже пояса, потом прошлись придирчиво по карманам, содрали все перстни и кольца, у капитана вообще все пальцы были унизаны, смотреть страшно.

Когда закончили, я напыжился и обратился с речью:

— Вернетесь в порт, вам расскажут, почему мы так себя ведем!.. Мы прибыли в ваш город как мирные путешественники, а нас схватили и бросили в тюрьму!.. Так что это ваш король отвечает и за ваши беды!.. Если поднимете мятеж, то, возможно, наш благородный и великодушный король и не станет считать ваше королевство с лица земли... В общем, вытаскивайте из воды мачту, ремонтируйтесь и плывите в порт.

Гвардейцы отцепили крюки, матросы с силой оттолкнулись длинными баграми, и корабли начали медленно расходиться.

Они там долго еще сидели, то ли опасаясь подняться, то ли обсуждая, что такое случилось, почему над их головами навис грозный призрак истребительной войны, а когда начали подниматься, мачту с парусом волны отнесли уже далеко.

— Не наше дело, — сказал мне Фицрой. — Они сами виноваты. Да и вообще... ты как будто все время оправдываешься!

— Оправдываюсь, — огрызнулся я. — Но... в то же время... иметь преимущество и не пользоваться?... Если на стороне добра, то можно?..

— Нам все можно, — согласился он. — Потому что это мы!.. А им нельзя, потому что это они.

— Верно, — согласился я с усилием. — Прогресс придуман для того, чтобы пользоваться преимуществами!

За нашими спинами то и дело вспыхивал хохот, слышались шуточки, снова хохот, Фицрой понизил голос:

— Может, не стоило отдавать всю добычу команде?
Я отмахнулся.

— Пусть. Это мелочи. Зато покупаем лояльность команды. Увидят, служить мне еще и выгодно. И всем расскажут.

— Далеко смотришь, — заметил он. — Не представляю даже, на какую добычу нацелился.

— Это хорошо, — сказал я.

— Но догадываюсь, на мелочи размениваться не возжелаешь?

— Не для того мы все это затеяли, — отрезал я.

Он сказал с интересом:

— Ты с таким пафосом рассказываешь, что их проклятый король вероломно схватил нас и бросил в тюрьму.. в самом деле веришь, что твой рассказ разойдется по королевству и там поднимут мятеж против такого правителя?

Я покачал головой.

— Нет, конечно. Это оправдываюсь за грабеж. Это вам никакие оправдания не нужны, просто грабите, и все!.. Потому что можете. А мне, как демократу, убивать и грабить так просто нельзя, нужны оправдания...

— А ты их, конечно, находишь, — сказал он с пониманием.

— Конечно, — ответил я с некоторым удивлением. — А нет, так придумываю сам. Я человек образованный и культурный, под что угодно могу подвести базу и что угодно объяснить и оправдать необходимостью или далеко идущими стратегическими целями гуманиста.

Он посмотрел несколько странно.

— Ты совсем другой. Даже не понимаю... то ли предельно подлый, то ли именно другой...

— Когда подлость становится массовой, — объяснил я, — она уже не подлость. Остается только закрепить законом, и вот тебе новый благополучный и демократичный мир. И по-своему справедливый. Понимаешь, когда подлые все, то подлых как бы и нет вовсе. Никто никому не верит, за всем следят юристы, всё только по договорам, подписанным и заверенным нотариусами.

Он спросил, морща лоб:

— Погоди-погоди... У нас разбойники те, кто прячется под мостом... или в лесу и грабит путников... А у вас... что, разбойники все-все?

— До единого, — ответил я честно. — Потому их как бы и нет. И разбоя нет, мы это называем другими именами. Например, удачным менеджментом.

Он посмотрел на меня несколько странно.

— Знаешь, Юджин... когда захочешь вернуться в свое королевство, возьми с собой, хорошо?

— У нас ад, — сказал я честно, — а тут рай и счастье.

— Я не настолько стар, — сказал он, — чтобы восхотелось рая. А пока молод, нужно пройти ад вдоль и поперек!.. Постой, что там темное на горизонте...

— Ад, — ответил я. — Приближается ад. В смысле, шторм.

Грегор прокричал:

— Двое на руль к Джонадеру! Привязаться, чтобы не смыло!.. Опустить парус, натянуть канаты...

Народ заметался, но, как мне показалось, уже без паники. То ли потому, что пережили первый шторм, то ли благодаря удачному пиратствованию, что добавило уверенности, но шторм налетел, корабль полез на высокую водяную гору, ветер пытался сорвать парус, но его как бы нет вовсе, лежит вместе с реей, придавленный ею, а Джонадер и двое гвардейцев держат руль, не давая ветру и волнам повернуть корабль боком.

Глава 15

Прошло не больше трех минут, шторм исчез, вообще это был не шторм, а шквал, опасный внезапностью, однако высокие борта не позволили затопить судно, а команда сработала на удивление четко.

Я сказал с чувством:

— Поздравляю... Поздравляю!.. На этот раз я почти не волновался. Мы уже свои на море.

Фицрой, как и остальные, чуточку ошалел оттого, что все получилось так чисто и великолепно, смотрел с уважением, но промолчал, зато Грегор спросил в лоб:

— Капитан... вы знали, что здесь... бывает такое часто?

— Это не часто, — сказал я подчеркнуто бодро. — Дальше будут еще свирепее! Потому и корабли придется строить полевиафанстее. Или полевиафаннее? Потом

объясню. Я не что-то лохматое, что в мусорке роется... я — Улучшатель!.. Эй там, держать курс на базу!

Фицрой вскрикнул:

— Смотрите!..

В оранжевом небе неспешно плывут, как стая крупных рыб в прозрачной чистой воде, крупные птицы... вроде бы птицы, хотя за ними тянутся совсем не птичьи хвосты. Скорее ящерячьи, что неудивительно, птицы от ящериц, как мы от обезьян, потому у вас волосы, а у женщин ужимки, а у птиц на ногах рыба чешуя...

— Химеры? — спросил Грегор.

— Драконы, — ответил Фицрой с сомнением и уточнил: — Недомерки.

— Порода такая?

— Ну да, как козы перед коровами...

Я тоже смотрел, как они летят, крыльями взмахивают медленно, неспешно, однако их вожак повернул голову на длинной шее и начал всматриваться в нашу сторону как-то нехорошо.

Фицрой сказал быстро:

— А если нападут?

Подошел Ваддингтон, похлопал по рукояти меча.

— Мы им нападем...

Вожак лег на левое крыло и красиво повернул в нашу сторону. Фицрой сказал тревожно:

— Не думаю, что спросят, в какой стороне Дронтия...

— Всем спрятаться, — велел я.

Фицрой сказал в недоумении:

— А где тут прятаться?

Он поднял с пола копье и бросил его Ваддингтону, а сам подхватил другое. Все вооружились и, вы-

ставив вверх острия, приготовились ждать нападения, если эти дуры настолько тупые, что ринутся на блестящие и видимые издали остро заточенные наконечники копий.

Птицы сделали круг над кораблем, постепенно снижаясь, затем вожак резко взмахнул левым крылом.

На солнце сверкнуло острие ножа, так мне показалось, я инстинктивно задержал дыхание, а блистающее лезвие понеслось к кораблю, донесся глухой стук.

Я увидел, что из борта торчит длинное маховое перо с коротким блестящим лезвием.

— Гарпии! — закричал я. — Берегитесь, эти твари мечут оперенные ножи!.. Не попадитесь!

Вслед за вожаком остальные чудовища умело заходили для атаки на корабль, резко взмахивали крыльями, и отточенные острия неслись в сторону корабля.

Я прицелился и, ухватив рукоять пистолета обеими руками, открыл стрельбу подвигающимся целям. Гарпии еще трижды сбросили стрелы, кто-то закричал от боли, а я стрелял и стрелял, наконец одна гарпия судорожно забила крыльями и рухнула в море, подняв столб брызг, а вторая ухитрилась с силой грохнуться на корму.

Фицрой прыгнул туда и двумя ударами меча отсек голову крылатой твари. Остальные гарпии, получив отпор, поднялись ввысь, долго выстраивались для полета, я понял, что некоторых все-таки ранил, а когда медленно и неуклюже ушли за пределы видимости, наши торопливо начали собирать воткнувшиеся в дерево перья, любая диковинка стоит бешеных денег.

Я подошел к Фицрою, он пинком перевернул гарпию навзничь, ничего особенного — размером со среднюю обезьяну, наполовину в перьях, наполовину в че-

шуге, даже без головы все еще царапает доски крепкими когтями.

Отделенная мечом Фицроя голова все еще щелкает оскаленной пастью, примерно такие у огромных летучих мышей, если, конечно, летучие мыши бывают таких размеров, хотя тогда их мышами звать как-то неуместительно, Карл Линней бы запротестовал.

— У нее еще по одному перу, — сказал Фицрой. — В каждом крыле! Было по три, но остальные уже метнула.

— Неприцельное метание, — заметил я. — Либо раньше моряки стояли, раскрыв рты, либо гарпий бывало побольше. Не думаю, что моряки их основная еда.

— Вряд ли, — согласился он. — Но решили попробовать. Знаешь, а мне здесь уже нравится. Хоть и качает. И воды вокруг многовато.

— Построим большой корабль, — заверил я. — И воды покажется меньше, и качать так зверски не будет.

Он посмотрел в недоверии.

— Правда? А я думал, чем больше корабль — тем сильнее качает.

Понсоменер уже увидел наш берег и крикнул, что скоро будем дома, но буквально через минуту заорал:

— Корабль! За нами идет корабль!

Ко мне на мостик поднялся Грегор, вообще-то это его мостик, капитанский, но он пока не чувствует себя капитаном и носится со всеми по палубе, хватаясь за любую работу.

— Капитан...

— Капитан у нас ты, — напомнил я скромно. — А я всего лишь командир. Всего.

— Командир, — повторил он послушно. — Я тоже заметил, но думал, что отвяжется.

— А теперь видишь, — сказал я, — что идет прямо за нами?

— Да, командир.

— Курс менять пробовал?

— Поздно, — сказал он, — мы вот-вот подойдем к нашей бухте.

Я подумал, пожал плечами.

— Пусть идет. Может быть, пройдет по своим делам? Хотя мимо такого красавца, думаю, никто пройти не захочет.

— А мы что, — спросил он, — вот так остановимся? Сразу поймут, что у берега в этом месте что-то есть.

Я скривился, в самом деле могут продлить мысленно линию от носа нашего корабля к берегу, а потом поширить там, дескать, что же нас там заинтересовало...

— Под каким флагом корабль?

Грегор пояснил:

— А здесь флаги только Пиксии и Гарна. Дронтарских флагов на море нет.

— Верно, — согласился я. — Значит, у нас руки свободны. Они враги, а с врагами должна быть нещадная война, как с оккупантами, втоптавшими в грязь наши идеалы...

Фицрой сказал с сочувствием:

— Да не накручивай себя так. Мы и так с удовольствием пустим их на дно. А если еще и ограбим, то вовсе замечательно!

— Готовьтесь, — сказал я коротко. — А флаг на нем, как я понимаю, гарнский...

Корабль приближается к нам уверенно, я ждал, когда сблизимся для переговоров, но, к нашему изум-

лению, над краем борта появились нацеленные в нашу сторону арбалеты, а капитан прокричал мощно:

— Мы знаем, это вы подло подожгли наши склады на причале в Карбере! Сдавайтесь или всех уничтожим!

Я пробормотал изумленно:

— Какие самоуверенные...

— Давно по рогам не получали, — сказал рядом Фицрой. — Последние сто лет они только оттесняют соседей шаг за шагом.

— Отважные, — согласился я. — Тогда ладно...

Опуская ствол винтовки на край борта, я подумал, что, как ни странно, пиратство в этом регионе не то что не распространено, даже не существует. Когда удивился в первый раз, Фицрой при этом посмотрел на меня и сказал: «Ну и свинья же ты», — а я подумал и решил, что вообще-то пиратство возможно только на просторах, а при каботажном плавании, когда все трусливо держатся за береговую линию, как за мамину юбку, стараясь не выпускать ее из виду, таких точно быстро бы схватили и повесили.

К тому же пираты не пираты, нужно где-то ремонтировать корабль, на нем постоянно что-то да выходит из строя, менять изношенные и порванные ветром паруса, покупать провизию на все долгое плавание, наполнять бочки водой, а такое можно лишь на неизвестных королевской власти островах, которых здесь нет вовсе.

Плечо содрогнулось от толчка. Я начал методично посылать пулю за пулей в корпус, проламывая насквозь оба борта, выбивая доски, и когда корабль начал погружаться, сказал Фицрою:

— Не жадничай. Нам уже складывать некуда награбленное. А это военный корабль, не видишь?.. Там только воины.

— Да ладно, — буркнул он. — Они гнались за нами, чтобы всех убить, так что мы только ответили тем же.

Корабль начал наклоняться носом, вода хлынула через борта, арбалетчики бросили свое оружие, нацеленное в нашу сторону, и с криками хватались за канаты и мачту.

— Хреновый из меня пират, — сказал я с досадой. — Одно дело петь, как бригантина поднимает паруса, а другое... вот так останавливать корабль, грабить, а их пускать на дно со всем экипажем. Как и делали пираты!

Фицрой изумился:

— Что, всегда?.. Жестокий у вас народ.

— А как иначе? — спросил я. — Свидетели кому нужны?.. А так, схваченные, пираты могли клясться, что никого не грабили и не убивали...

Он спросил с интересом:

— И помогало?

— Нет, — ответил я. — Все равно вешали. На всякий случай.

— Жестокий народ, — повторил он. — Хоть пираты, хоть закон... А что такое бригантина?

— Увидишь, — пообещал я. — На стапелях уже собирали скелет, скоро обрастет мясом.

Он пробормотал:

— Если поднимает паруса... то парус не один?

— Точно, — ответил я. — Я же тебе показывал рисунки. Только паруса будем не поднимать, как вот на этом, а прямо там на рее распускать во всю ширь. А когда нужно убрать, то там же на месте и сворачивать, как ковер...

Он зябко повел плечами.

— На высоте?

— Человека можно обучить всему, — сообщил я, — и приучить. Господь создал человека с огромным запасом! Даже страшно подумать, с каким...

Я говорил, и он говорил, оба стараемся не смотреть, как быстро опускается в воду и мачта, на которой целая гроздь людей, а наши у борта шумно ликууют, вскидывают победно кулаки, не очень-то милосердные.

К нам с Фицроем поднялись на мостик Грегор и Ваддингтон. Глава гвардейцев сказал с кривой усмешкой:

— Вообще-то прибыльное дело... Это не одиноких путников в темных переулках грабить!.. Те алмазы не носят в сумках, а на кораблях как раз и перевозят в ящиках...

Грегор добавил:

— А сколько золота набрали!

— Золото разделим на всех, — сказал я и, видя их вспыхнувшие радостью глаза, уточнил: — На всех, кто на корабле. Остальным только жалованье. Мы делаем недоброе дело для мировой торговли, но прекрасное и нужное для нашего королевства: подрываем экономическую мощь конкурентов. Королева Елизавета, была у нас такая, даже тайком подкармливала пиратов, а в конце их службы жаловала им титулы и большие поместья... Курс на берег, ищем вход в нашу бухту!

Грегор быстро побежал вниз, на ходу выкрикивая команды, а на мостик, к моему удивлению, поднялся тишайший в общении Понсоменер, сказал нерешительно:

— Глерд Юджин... вот тут у меня такое чувство, что этой ночью во второй половине будет три луны...

— Ого, — сказал я. — Как долго?

— Чуть-чуть, — ответил он. — Но всем нужно спрятаться. Хотя на судне где спрячешься?

Я пробормотал:

— А укрыться под полотном? Опустить парус и всем накрыться?

— Не знаю, — признался он. — Там на суше люди вообще прячутся в погреба.

Я огляделся в беспомощности. Фицрой увидел мое выражение лица, подошел торопливо.

— Что стряслось?

— Высматривай вход в бухту, — велел я. — И постарайся искать недолго. Три луны ожидаются ночью!

Он охнул.

— Только их еще недоставало. Понсоменер, потопи Грегора, уже вечер, нам нужно успеть...

Я подумал, что в море не очень спрячешься, хотя кто знает, насколько глубоко проникает излучение. В лесу звери по большей части ночью спят в глубоких норах, толстый слой земли все же защищает, а вот вода...

Я ощутил недобрый озноб. Хорошо, конечно, что абсолютное большинство мутаций заканчиваются смертью, это только в представлении дураков каждый случай мутации превращает либо в монстра, либо в сверхчеловека с необыкновенными способностями, но все же где-то на миллион смертных случаев приходится и один такой, когда мутант выживает.

Правда, такой мутант чаще всего остается бесплодным, но опять один из миллиона все-таки сохраняет возможность размножаться... а если учесть количество попадающих всякий раз под излучение, а потом умножить на годы и столетия, то океан вполне может кишеть монстрами.

Фицрой то и дело спускался вниз, возвращался с докладом, что все крутится, Понсоменер высматривает

вход, у него это получится лучше, а вообще-то мы возвращаемся с победой.

— Еще какой, — согласился я. — Хотя, конечно, не героический рейд на край света, как вам кажется, а всего лишь чуть отползли от каботажного плавания.

Фицрой проговорил в радостном ужасе:

— Это была пробная прогулка?.. Представляю, что будет дальше. Но насчет негероизма ты зря! Разве не преподали урок противнику?

— Не знаю, — ответил я с сомнением, — хорош ли этот урок...

Фицрой воззрился в изумлении.

— Что? Мы не крепко дали по башке Гарну?

— Да, — согласился я, — но как они это воспримут? И так это агрессивное королевство, где все стремятся служить в армии. А когда вот такой щелчок по носу, не станут ли укрепляться еще сильнее? Усиливать армию?

Он подумал, кивнул.

— Станут. Ну и что?

— В соседях Дронтария, — напомнил я. — Сейчас ее не трогают, потому что полное завоевание обойдется дорого. А если с усилившейся армией удастся завоевать быстрее?

Он поморщился.

— А оно тебе надо?.. Дронтария, Гарн, Уламрия... Это где-то на другом уровне.

— Крохотный камешек, — сказал я, — может сдвинуть лавину, что погребет внизу города. А мы, боюсь, были этим камешком. Король Гарна, увидев нашу мощь, может начать готовиться к нападению такого заморского агрессора. А когда никто не нападет, то сам двинет армию на Дронтарию, чтоб усилия не пропали даром.

— Не бойсь, — сказал он покровительственно. — Можем быть тем камешком, но можем и не быть. Обычно камешек скатывается, не потревожив других. Так и в мире обычно больше такого, что не случается, чем того, что случается... Ого, что там за рыбы?

Я оглянулся, сказал равнодушно:

— Скат-гнюсы.

Он переспросил:

— А это точно рыбы?

— Точно, — ответил я. — Все мы рыбы... Если все мы лошади, то почему и не рыбы?..

С вершины мачты Понсоменер прокричал звонко и радостно:

— Проход!.. Чуть левее... Мы дома!

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	139
Часть третья	268

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Гай Юлий Орловский

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Книга 6

НЕБОСКРЕБЫ МАГОВ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Г. Клочкова*

Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 05.08.2015.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Newton».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 10000 экз. Заказ № 5660

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-83392-4

9 785699 833924 >

В электронном виде
www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

Глерд Юджин, известный в мире меча и магии как Улучшатель, не желает довольствоваться ролью улучшателя прялок, он намерен перестроить целое королевство. Для начала... И совершенно не важно, сколько в нем колдунов и магов. А еще глерд Юджин планирует усилить свою роль, ведь неограниченная власть — это неограниченные возможности.

...И хотя пистолет — веский аргумент в споре с разбойниками на лесной дороге, для королей пора искать более весомые доводы!

ISBN 978-5-699-83392-4

9 785699 833924 >